

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский политехнический университет»

А.А. Корниенко, И.В. Брылина, М.А. Макиенко и др.

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Издательство ТПУ
Томск 2007

УДК 1
ББК 87.3 (0)
Ф56

Корниенко А.А. и др. Философия: Учебное пособие / Составители: А.А. Корниенко, Р.Б. Квеско, М.А. Макиенко, О.В. Ботьева, И.В. Брылина, Г.К. Гульбин, Н.И. Макаренко, Р.А. Мигуренко, Е.В. Рубанова, Ю.С. Плотников, В.Н. Фадеева. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 276 с.

В учебном пособии изложены основы современной философии, основные этапы ее развития, важнейшие проблемы философии на основании государственного образовательного стандарта. Данное пособие подготовлено на кафедре философии Томского политехнического университета и предназначено для студентов всех форм обучения.

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор
Томского государственного университета
Г.И. Петрова

Доктор философских наук, профессор
Томского государственного университета
Л.А. Коробейникова

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Томского политехнического университета

К 10501-97

© Томский политехнический университет, 2007

1. МЕСТО И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ

1.1. Возникновение и развитие культуры

Что такое культура? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся сначала к синонимам слова «культура». Ведь слово «культура» принадлежит к одним из самых многозначных. Поэтому попробуем сопоставить его с другими словами, часто вместо него употребляемыми. Быть может, нам удастся за каждым из этих слов закрепить определенный оттенок смысла и таким образом различить несколько слоев культуры. Вместо понятия «культура» нередко говорят «цивилизация». Это слово преимущественно употребляли французские и английские авторы. Если перевести «цивилизацию» на русский язык, мы получим «гражданственность» – слово, часто встречающееся у русских авторов первой половины XIX века. Наконец, у некоторых авторов мы находим понятие «образованность» – термин ныне мало употребляемый. Нельзя ли расслышать в каждом из этих четырех слов определенный, присущий только ему смысл? Возьмем для примера города, в которых с поразительной быстротой возводятся как новые промышленные, так и торговые центры. Эти города наделены всеми благами: прекрасными удобными для жилья зданиями, водопроводом, канализацией, электричеством. Но вы не найдете в них печатных изданий, кроме газет, ученых или художественных обществ, самостоятельной политической жизни, серьезного репертуара в местных театрах. Тщетно будете вы искать в подобных городах своеобразие архитектурного стиля. Вы не сможете отказать такому городу в названии «цивилизированный», но «образованным» вы его, конечно, не назовете. Это значит, что слово «цивилизация» вы резервируете для низшего или, во всяком случае, для внешнего слоя культуры, для того, что, скорее всего, поддается пересадке, что не требует для своего роста долговременной местной традиции. Сюда относятся хозяйство и техника.

Слово «образованность» правильнее было бы закрепить за внутренним (или «духовным») содержанием культурной жизни, включающим в себя науку, искусство, нравственность и религию. Все эти области деятельности человека не могут быть просто пересажены с одной почвы на другую, они могут быть только «привиты» к «дичку» местной жизни и медленно, постепенно возвращаемы. Между понятиями «образованность» и «цивилизация» существует теснейшее взаимодействие: образованность предполагает определенный уровень цивилизации, развитие цивилизации влечет за собою и развитие

образованности. Но для данного места и в данный момент времени образованность не всегда измеряется цивилизацией. Развитой цивилизации не всегда соответствует высокая образованность, а высокая образованность расцветает иногда при сравнительно низком уровне цивилизации. Между образованностью и цивилизацией имеется, однако, еще один промежуточный слой культуры – это право, регулирующее внешние отношения людей между собой, и государственность, обеспечивающая обязательность правовых норм и организующая совокупную деятельность данного общества. Слово «гражданственность» правильнее всего было бы закрепить именно за этими областями культуры. Более «внутренняя», чем цивилизация, гражданственность является все же совокупностью тех внешних условий, при наличии которых только и может развиваться образованность.

Таким образом, в составе жизни современного человека мы различили три слоя: образованность, гражданственность и цивилизация. Слово «культура», как наиболее общее и неопределенное, мы сохраним для обозначения совокупности всех трех слоев, представленных в следующей схеме:

Эта схема пока представляет собою только внешний каталог культуры. Цивилизация, гражданственность и образованность – три ясно различимые слоя культуры, находящиеся во взаимодействии и отличающиеся друг от друга вышеуказанными чертами. До сих пор культура была там, где в большей или меньшей степени человечество развивало науку, искусство, право, хозяйство и другие тесно с ними связанные сферы жизнедеятельности. Наличие этого и отличает культурного человека от первобытного.

Русский религиозный философ, поэт и публицист Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) считает, что источником общественной (культурной) жизни являются начала, определяющие саму природу человека, т.е. чувство, мышление и деятельная воля.

Первым непосредственным началом общественной жизни Соловьев считает **волю**, которая направлена на обеспечение существования людей. На ее базе образуются три основные формы практического общественного союза: экономическое общество (первичной элементарной формой которого является семья), политическое общество (государство) и духовное общество (церковь). Задачей экономического общества является организация труда, задачей политического общества – организация взаимодействия членов социума. Задачей же церкви выступает достижение истинного верховного блага человека – абсолютного существования – полного и вечного. Первое общество имеет значение материальное по преимуществу, второе – формальное, а третье – абсолютное, так как обеспечивает благо человека в его целостности. Второе общество (государство) является посредствующим звеном между первым и третьим.

Вторым непосредственным началом общественной жизни выступает **мышление**, направленное на поиск истины и производство знаний. В зависимости от содержания знания и способа определения его истинности Соловьев выделяет три познавательные сферы общественной жизни: положительную (содержательную) науку, философию и теологию, предметом и исходной точкой которых является абсолютная реальность. Первая сфера соответствует экономическому обществу, вторая – политическому (государству), третья – области духовной, церковной.

Третьим непосредственным началом общественной жизни является **чувство**, рассматриваемое Соловьевым не как явление психики человека, а как явление, имеющее общее объективное выражение в творчестве. В. Соловьев подразделяет творчество на техническое искусство (например, зодчество), изящное искусство (ваяние, живопись, музыка и поэзия) и мистику (творческое отношение человеческого чувства к трансцендентному миру, то есть сверхприродному). Техническое искусство соответствует экономическому обществу и связанной с ним положительной науки, изящное – политическому обществу и философии, мистика же соответствует духовному обществу и теологии. Поскольку мистика связывает человеческую жизнь непосредственно с действительностью абсолютного первоначала (Бога), постольку высшей сферой общественной жизни является, согласно Соловьеву, духовное общество

(церковь). Таким образом, он отдает приоритет духовной потребности человека, которая удовлетворяется созданием церкви, изучением теологии и мистики.

Таким образом, Соловьев первым непосредственным началом общественной жизни признает волю. А это значит, что он начинает свой анализ сфер общественной жизни, подчеркивая определенное значение **практической деятельности людей**. Все другие сферы, связанные с мышлением и чувством, образуются, согласно Соловьеву, в ходе развертывания **познавательной деятельности**.

Соловьев указывал на противоречие материального и духовного, которое уже существует в недрах практической деятельности. Государство как посредствующее звено между материальной и духовной сферами общественной жизни не может примирить эти два начала. Противоречие сохраняется и на уровне познавательной деятельности, где роль примиряющего начала играют философия и изящное искусство.

Учение Соловьева о сферах общественной жизни служит своеобразным ориентиром для развертывания новых философских исследований в этой области.

Данную концепцию можно представить в виде схемы:

чувств	техника – искусство – мистика	познавательная деятельность
мышление	наука – философия – теология	
воля	экономика – государство – церковь	практическая деятельность

Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), один из основоположников русской и американской социологических школ, выделил три формы социокультурной жизни: идеациональную, идеалистическую и чувственную. Система культуры по Сорокину – «не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого ... выражают одну, и главную, ценность»¹. Главный принцип или главная истина (ценность) идеациональной (умозрительной) формы социокультурной жизни – Бог, который символизирует единство духовных ценностей. Примером идеациональной социокультурной системы может служить культура Запада средних веков. Главной ценностью чувственной

¹ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 429.

социокультурной системы является чувственная реальность. Начиная приблизительно с XVI в. чувственный принцип стал доминирующим, а с ним и основанная на нем культура. «Таким образом, возникла современная форма нашей культуры – культуры сенсорной, эмпирической, светской и «соответствующей этому миру»². Именно ценность чувственной, а не сверхчувственной как в идеациональной культуре, реальности провозглашается нашей современной чувственной культурой во всех ее основных компонентах: в искусстве и науке, философии и псевдорелигии, этике и праве; в социальной, экономической и политической организациях, в образе жизни и умонастроениях людей. Чувственная и умозрительная социокультурные системы являются базовыми. Чувственная и умозрительная социокультурные системы становятся взаимонесовместимыми как только ценности (истины), лежащие в основе каждой из них оказываются поставленными в состояние взаимного исключения (конфликта). «Если каждую из них рассматривать как «правду, всю правду и ничего, кроме правды», то тем самым они становятся взаимонесовместимыми»³. Что является истинным с точки зрения идеационального принципа, признается полным невежеством или предрассудком с точки зрения чувственной ценности и, соответственно, наоборот. Многие постулаты религии абсолютно ложные с точки зрения монистической истины (ценности) чувств. Это объясняет острый конфликт между чувственными и идеациональными ценностями, который особо резко проявляется в периоды заката одной и подъема другой культуры. Например, языческим греко-римским мыслителям, носителям чувственных ценностей, христианские ценности того времени казались не более чем заблуждением или неведением.

Идеалистическую социокультурную систему Сорокин рассматривал как переходную. Эволюцию западной цивилизации Сорокин анализировал с помощью модели маятниковых колебаний между этапами поочередного доминирования умозрительной и чувственной социокультурных систем. Переход от одного полюса к другому обязательно осуществляется через идеалистическую систему. Идеалистическая социокультурная система выстраивается на попытке синтеза ценностей чувственных и идеациональных, синтеза созданного нашим разумом. Таким образом, идеалистическая социокультурная система, будь она долговечна, преодолела бы неоптимальный (максимум усилий, минимум эффекта, с огромными человеческими жертвами, потерями) характер развития западной культуры, то есть ошибочные представления о том, что чувственные ценности либо

² Сорокин П.А. Кризис нашего времени. – С. 431.

³ Сорокин П.А. Кризис нашего времени. – С. 464.

идеациональные являются единственными ценностями. Но, как правило, идеалистическая культура не в силах примирить две культурные формы. Идеалистическая культура недолговечна. Другими словами, социокультурный синтез оказывается в результате сорванным. Преимущественно идеалистическими, основанными на синтезирующей идее, были культура XII-XIV столетий в Западной Европе, так же как и греческая культура V-IV веков до нашей эры.

Таким образом, Сорокин выделяет культурные формы в соответствии с теми целями (ценностями), которые ставит сам себе человек и к которым неуклонно стремится. У Сорокина культурные формы, как у Соловьева и у Платона, увязаны с сущностными устремлениями человека. Другими словами, каков человек – такова и его культурная жизнь, протекает последняя лишь только как обустройство чувственной реальности, либо, наоборот, как совершенное равнодушие к чувственным ценностям.

Если ранее взгляд на культурные периоды осуществлялся либо с точки зрения чувственной, либо идеациональной ценности, то в социокультурной философии XX века не та или иная ценность (чувственная или идеациональная) диктует представление о социокультурной реальности. Например, если мы взглянем на развитие культуры с монистически чувственной, либо с монистически идеациональной точек зрения, то получим классическое представление о ходе истории лишь как о линейной тенденции в направлении к чувственным ценностям, либо в направлении к диалектико-спекулятивным ценностям. А если попытаться учесть и те и другие ценности без серьезного синтеза, то мы получим неклассическую концепцию локальных цивилизаций (Шпенглера, Тойнби).

Таким образом, новый постнеклассический образ социальной реальности выстраивается на более глубоких основаниях, а чувственная и идеациональная культуры получают объяснение в рамках нового подхода лишь как культурные формы. Прежде всего, в социокультурной философии XX в. отчетливо проявился феномен, который следует характеризовать как поворот к человеку. Речь идет о рассмотрении социокультурной реальности **сквозь призму отдельной личности**.

А теперь попытаемся показать место и роль философии в культуре западной цивилизации. В чувственных культурах и обществах эмпирические системы философии набирают силу, а философия, основанная на идеалистических и идеациональных истинах, приходит в упадок. И, наоборот, в идеациональных культурах эмпирическая философия приходит в упадок, а идеалистическая философия приобретает догматически-спекулятивный вид. Другими словами, философии нет места во времена доминирования одной из этих двух

культур. И там, и там философия – лишь служанка либо науки, либо богословия, а философия (и в этом заключается ее основная роль в культуре) – это служение человеческого разума делу примирения чувственной и духовной жизни человека, делу преодоления внутреннего конфликта, раздвоенности человеческой души, делу плодотворного синтеза между двумя стремлениями души человека.

Философия начинает расцветать лишь в переходные, идеалистические эпохи и то недолговременно. Вот как описывает появление философии на исторической арене философ, публицист, переводчик философской литературы, по образованию математик Павел Соломонович Юшкевич (1873-1945) в своей работе «О сущности философии», написанной в 1921 г. «Бывают эпохи равнодушия к философским вопросам – эпохи вообще не худшие в истории народов. Общественная жизнь может тогда быть кипучей и яркой во всех ее проявлениях; экономическая и политическая деятельность может быть высоко напряжена; научное и художественное творчество может быть ключом. Но в обществе нет потребности в рефлексии и самоанализе, в нем не чувствуется общей неудовлетворенности и сомнения в ходе жизни в ее целом. Жизнь течет бурная или тихая, – но уверенная в себе и в своих целях, раздробленная в своих специальностях и профессиях, как река, разбившаяся при впадении в море на ряд отдельных рукавов. Но вот – в результате ли какой-нибудь общественной катастрофы или незаметным молекулярным процессам социальных изменений – вносится какая-то новая струя в прочно налаженный, по-видимому, строй мыслей и настроений. Прежняя уверенность и непосредственность, создававшаяся автоматизмом привычных мыслей, чувств, жестов, разрушается. Происходит какая-то заминка и неожиданный перерыв в правильном течении жизни. Это – состояние, напоминающее моменты душевного кризиса у отдельной личности, когда человек как бы останавливается внезапно в беге жизни, охваченный вдруг оторопью и сомнением в нужности и значительности всего того, что он делал до сих пор. Жизнь начинает представляться каким-то механическим сцеплением отдельных, худо прилаженных частей. В ней нет центрального светила, нет того, что бы оправдывало и освящало отдельные моменты ее. Вся перспектива чувств и настроений меняется. Со dna души поднимается возмущение против автоматизма прежнего существования, против машинообразного характера его. В свои права вступает интимное «Я» с новой расценкой всех фактов жизни и его особенными требованиями, с извечной тоской человека по утверждению себя в этом мире движения и изменения. Человек как бы

собирает себя, стягивает все щупальца духа своего, жадно направленные на соблазны внешнего мира, в одну внутреннюю точку»⁴.

Крушения идеалов сопровождаются философским искательством. В ходе этого искательства частные и специальные вопросы общественной жизни принимают несвойственную им форму философских проблем. Другими словами, вопросы данного времени превращаются в вечные вопросы человеческой души. Впоследствии философские искания превращаются, как правило, в моду, интимное становится модным. Философия из совлекательницы масок вновь становится лишь своего рода маской, прикрывающей противоположный идеал. На душу человека властно накладывает свою руку чужая идея, чужая воля, чужое чувство. Философия вновь становится либо эмпирической, либо спекулятивной. Именно о такой философии, чуждой человеку, говорил В.И. Ленин, когда указывал на партийность философии.

Таким образом, не чуждая человеку философия развивалась в переходные, идеалистические эпохи, прежде всего, как искусство синтеза противоположностей (диалектика). Еще можно добавить, что диалектическое искусство синтеза развивало индивидуальное сознание человека. Человек, освоивший это искусство, становился гармонически развитой личностью.

Возникновение и развитие культуры С.И. Гессен представляет как переход от процедурного (обыденного) знания к декларативному знанию. **Процедурным знанием** называют повседневный и производственный опыт, опыт, полученный в результате овладения предметами в повседневной жизни. **Декларативное знание** – знание – **что**, относится к знанию теоретического типа (предполагает умение объяснить, почему что-либо происходит). Процедурное знание – знание – **как**, является практическим знанием и означает какие-либо умения, практические навыки. Владение декларативным знанием еще не предполагает владения практическими навыками (владения процедурными знаниями, другими словами). Например, прекрасные профессора экономики, начав практическую деятельность на рынке, моментально разоряются и, наоборот, преуспевающие бизнесмены, пытаясь передать свой опыт молодежи, не могут внятно прочитать ни одной лекции.

Процедурное знание по-другому **организовано** в отличие от декларативного. Само процедурное знание может быть организовано двояким образом: **инструктивным** (знание рецептов приготовления

⁴ Юшкевич П.С. О сущности философии // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990. – С. 164.

пищи, инструкций к бытовым приборам и т.д.); **ситуационным** (умение действовать в конкретных ситуациях). Если сравнить древнегреческую математику с математикой Древнего Вавилона и Древнего Египта, то можно обнаружить различия между организацией знания (информации, данных об объекте). В математике Древнего Востока знание организовано в виде рецептов решения задач (как вычислить площадь поля, объем амбара, количество урожая), другими словами, знание организовано как процедурное инструктивное. В греческой математике знание организовано как дедуктивно развертываемая система (дедуктивно-аксиоматическим образом), в которой из исходных посылок-аксиом выводятся следствия. Наиболее яркой реализацией такой организации знания как декларативного была первая теоретическая система в истории науки – евклидова геометрия.

Обыденное знание «есть результат непосредственного стихийно-эмпирического познания свойств и внешних отношений предметов, включенных в жизненную практику и обыденный опыт людей... обыденное знание... выражается в обобщенных и передающихся от поколения к поколению представлениях людей о том, как строить, возделывать землю, выращивать урожай, обрабатывать разного рода материалы, многообразных рецептах народной медицины, кулинарии, в рекомендациях народной педагогики, в приметах народной метеорологии...

Обыденное знание не обладает системным характером и чаще всего предстает в виде... конгломерата мнений людей... оно может быть упорядочено в определенное единство, но последнее не достигает уровня целостной органической системы. В таком плане могут быть упорядочены правила гигиены, рецепты кулинарии и народной медицины, традиции семейного воспитания детей и т.п....

Терпимое отношение к заблуждению в рамках обыденного знания определяется тем, что в нем в роли критерия истины выступает не эксперимент, а повседневная жизненная практика людей, а также ссылка на авторитет и на мнение большинства. В этих условиях истинным знание признается нередко не по... объективности его содержания, а по тому, насколько оно помогает... в решении конкретных житейских проблем, т.е. по его полезности. Порой же на уровне обыденного знания убедительным аргументом в обосновании достоверности мнений людей выступает согласие этих мнений с мнением авторитетной личности, а также с мнением большинства соответствующей социальной общности («все так говорят»).

Обыденному знанию чуждо... осознанное и целенаправленное использование соответствующих методов. Изменение и накопление обыденного знания происходит путем отражения новых явлений,

порожденных практикой повседневной жизни людей. Поскольку эта практика меняется медленно и постепенно, постольку обыденное знание (особенно в сравнении с научным) отличается стабильностью и даже косностью... оно не способно опережать повседневную практику людей.

Основным методом в приращении обыденного знания является стихийно используемый метод проб и ошибок»⁵. Использование последнего в отдельных случаях требует довольно длительного времени. Но если новое обыденное знание в такой процедуре будет добыто, то любые сомнения в его достоверности в дальнейшем просто будут отбрасываться. Для обыденного знания характерно не сомнение, а безграничная вера. Таким образом, обыденное знание служит налаживанию повседневной бытовой жизни как отдельно взятых индивидов, так и разнообразных общностей людей. Научное знание возникло в недрах обыденного знания, а затем приобрело самостоятельное существование.

Можно ли говорить о «первобытной культуре»? «Неужели у первобытного человека не было ни науки, ни искусства, ни нравственности, ни религии? Нельзя отрицать, что у известных нам представителей первобытных народов мы находим большой, иногда поражающий нас своим богатством, запас самых разнообразных сведений об окружающем мире. Здесь и ботанические сведения, и поразительное знание привычек и особенностей окружающего дикаря животного царства, физиологические и фармакологические сведения, большой запас астрономических и климатических наблюдений. Но вся эта масса известного не объединена в систему, не получена в результате методического искания истины, она представляет собой лишь грудку сведений, полученных случайно в результате одной только борьбы за существование и имеющих своей единственной целью самосохранение индивида и рода. В меру этой цели самосохранения сведения приобретаются, запоминаются и передаются от поколения к поколению. Отдельные сведения не связаны между собою внутренней, органической необходимостью научного метода, но чисто внешним механическим образом положены рядом друг с другом, будучи все только орудиями самосохранения. В них нет дифференциации, нет развития, продолжения старого в новом, есть только механическое накопление разрозненного. Но научное знание есть организованная система сведений. Наука развивается, хотя и под влиянием внешних условий, но следуя внутренней необходимости присущего ей метода..., наука появляется впервые только там, где человек, отрешившись от

⁵ Кучевский В.Б. Социальная философия: общество и сферы его жизнедеятельности. – М., 2003. – С. 56-58.

страха перед природой и от гнетущей заботы самосохранения, поставил вопрос о существовании мира ради его познания, из чистого интереса к знанию. В этом смысле можно сказать, что, несмотря на массу накопленного опыта, у первобытного человека мы находим груды сведений, являющихся лишь орудиями самосохранения, но не находим науки.

То же самое можно сказать и про художественное творчество дикаря. Предметы, по которым мы судим о нем, представляют собой исключительно орудия повседневной борьбы за существование. Это – утварь и другие предметы домашнего обихода, оружие, украшения, имеющие, в значительной мере, утилитарную цель... Нас поражают иногда наблюдательность дикаря, сильно выраженное у него чувство ритма и гармонии. Но... не изящное оружие и не красивая утварь – первые произведения искусства. Художественное творчество, в подлинном смысле слова, впервые возникает в то время, когда человек, пораженный открывшейся ему красотой мира, неуверенной еще рукой пытается изобразить ее самого изображения... С этой поры искусство продолжает служить и утилитарным целям жизни, начинает развиваться сообразно внутреннему, присущему ему закону, технические же навыки остаются связанными железным законом самосохранения, они накапливаются беспорядочно и случайно, подчиняясь внешней необходимости, а не внутренним целям художественного творчества.

И в области нравственных отношений мы наблюдаем то же самое: добро и зло не различаются еще от благополучия и неблагополучия. Если я уведу чужой скот и жену, – это добро; если у меня уведут скот и жену, – это зло, – так гласит «готтентотская мораль», т.е. мораль первобытного человека. А это значит, что нравственные представления всецело связаны целью самосохранения, являются исключительно орудиями биологической борьбы за существование... То обстоятельство, что и в нынешнем «культурном» обществе поведение отдельных людей или даже целых народов определяется по-прежнему «готтентотской моралью», не вызывает сомнения, что понятие Добра отделилось в нем от простого Благополучия... Но культура тем именно и отличается от жизни первобытного человека, что... нравственность признается в ней как особая ценность, отличная от цели простого самосохранения.

Также обстоит дело и с религиозными представлениями дикаря. Боги являются для него только силами, вредящими или благоприятствующими. Для ограждения себя от гнева богов и для обеспечения себе помощи в борьбе за существование, он умоляет или грозит им, или даже наказывает их. Богопочитание дикаря всецело определяется целью самосохранения. Богопочитание – это орудие

борьбы за существование. Человек не поклоняется Богу из благоговения к Верховному Существу. В этом смысле у первобытного человека религии, как особой сферы проявления человечности, не существует... Религия, как особая культурная ценность, существует лишь там, где цель самосохранения, раньше всецело определявшая богопочитание, отступила перед бескорыстным поклонением Божеству...

Но еще яснее различие между культурой и простым самосохранением обнаружится тогда, когда мы обратимся к низшему слою культуры – к хозяйству, цель которого многие и ныне видят в простой борьбе за существование... Хозяйство не ограничивается простым удовлетворением потребностей, необходимых для поддержания жизни организма. Напротив, для хозяйства характерно именно производство большего числа благ, чем они могут потребляться. Хозяйство имеется только там, где не все произведенные блага потребляются, но часть обращается на производство новых благ, т.е. где происходит так называемое накопление капитала. Капитал в этом смысле есть логическая категория, без которой немислимо никакое хозяйство. Она была до «капиталистического» хозяйства в узком смысле этого слова, а также будет и в послекапиталистическом хозяйстве. А это значит, что хозяйство представляет собою некоторый плюс по сравнению с простым самосохранением.

Неизменность, отсутствие развития характеризуют не только способ производства, но и всю жизнь первобытного человека... Каждый новый день повторяет в природе день предыдущий. Если в природе есть развитие, то оно измеряется сотнями тысячелетий. Нужен телескоп научного мышления, чтобы его заметить. Оно не видно невооруженному глазу. То же самое можно сказать о жизни первобытного человека: дикарь лишь повторяет предшествующую жизнь. Он лишь воспроизводит прошлое, но не дополняет и не углубляет его творчеством нового. Развитие предполагает дополнение и сохранение прошлого, а не простое его воспроизведение⁶.

Многие исследователи развития человечества отмечают огромную роль в развитии культуры стремления человека к знанию ради знания, любовь к знанию (Гессен), информационной составляющей (С.П. Капица и др.).

«Обмен и распространение информации отличается от эквивалентного обмена ценностями, когда, например, при обмене невесты на стадо баранов общее число объектов обмена сохраняется. Разница удачно выражена в анекдоте о том, как хорошо обмениваться идеями: при этом каждый приобретает по идее, ничего не теряя.

⁶ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995. – С. 28-31.

Очевидно, что распространение информации необратимо – слово не воробей, вылетит, не поймаешь! При обмене и распространении информации происходит умножение числа ее носителей в результате разветвленной цепной реакции. Обмен же товарами принципиально обратим.

Сейчас принято выделять информационную составляющую современной цивилизации. Но следует подчеркнуть, что человечество всегда было *информационным обществом*... Именно благодаря информации уже очень давно, с самого начала появления человека, шел непрерывный процесс сапиентации – развития способности к созданию, накоплению, передаче и использованию информации. Так что информационное общество появилось не после компьютеров и Гутенберга, иероглифов и языка, а на самой заре человечества, миллион лет тому назад. А Интернет и мультимедиа – только последний эпизод в этой долгой истории, когда тысячи лет караваны и купцы, базарная площадь и деревенский колодец, мастера и монахи, барды и старцы, сидящие у семейного очага, служили той же цели – передаче культуры, знаний и размножению информации.

Поразительным свидетельством единства человеческого рода является наскальная живопись первобытного человека⁷. Информационно-технологический обмен обеспечивает сжатие исторического времени (ускорение развития), а также синхронное развитие человечества. «Ускорение хода исторического процесса математически выразил Ю.В. Яковец..., описывая хронологию и длительность мировых цивилизаций. Для характеристики сжатия времени им введен коэффициент ускорения, равный отношению длительности предыдущей цивилизации к последующей, значение которого заключено в пределах от 1,5 до 2,3. Иными словами, исторические интервалы цикличны на логарифмической, а не на линейной шкале времени, начиная с неолита 12-10 тыс. лет тому назад, и до 2130 г. Заметим, что в рамках табл. 5.4. неолит следует относить к истории, а не к каменному веку, к чему склоняется ряд историков.

Изменение временного масштаба полезно иметь в виду при сопоставлении таких крупных явлений истории, как судьбы царств и империй. Так, история Древнего Египта охватывала три тысячелетия и завершилась 2700 лет тому назад. Согласно Гиббону, упадок Римской империи продолжался полторы тысячи лет, в то время как нынешние империи создавались за века и распадаются за годы.

⁷ Капица С.П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – М., 1999. – С. 52-53.

Таблица 1

История мировых цивилизаций

Мировые цивилизации	Начало	Конец	Длительность века	Коэффициент ускорения
Неолитическая	X тыс. до н.э.	V тыс. до н.э.	55-65	
Раннеклассовая	IV тыс. до н.э.	2-я пол. II тыс. до н.э.	29-33	1,9
Античная	XII в. до н.э.	сер. V в. н.э.	16,5	1,9
Средневековая	сер. V в.	сер. XIV в.	9	1,8
Прединдустриальная	сер. XIV в.	1730 г.	3,8	2,4
Индустриальная	1731 г.	1972 г.	2,4	1,5
Постиндустриальная	1973 г.	2130 г.	1,6	1,5

Вопрос о синхронности (одновременности) основных этапов мирового исторического процесса издавна находится в центре внимания исторической науки, и его следует определять по наиболее крупным временным эпохам мирового процесса развития»⁸. Авторы Ветхого Завета по-своему понимали, что историческое время растягивается в прошлом, и потому приписывали древним патриархам все более долгий век. Например, Мафусаил, согласно Писанию, жил 969 лет (Бытие 5:27).

По судьбе **изолятов** видно, что «в случаях, когда наступал длительный разрыв связей между популяциями, в мировом сообществе происходило замедление развития в анклавах, которые надолго отделялись от основной массы человечества. Антропологии хорошо известно, что изоляция малых групп приводит к замедлению эволюции общества. В древних изолятах и сегодня можно найти сообщества, пребывающие на неолитической и даже палеолитической стадии развития.

Природа изолятов различна. Во-первых, есть географические изоляты, оторванные от массива Евразии, которую следует рассматривать как главную арену развития мировых цивилизаций. Во-вторых, можно указать на изоляты, обязанные климатическим условиями. К таким местам следует отнести далекий Север и некоторые

⁸ Капица С.П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – С. 76-79.

экваториальные регионы. Современная этнография к малым коренным народам относит 3 % населения мира или 200 млн людей, населяющих, тем не менее, 20 % обитаемых земель. Наконец, есть изоляты, обязанные культурному отчуждению от основного массива человечества. Такие группы, где фактором изоляции служат язык или религиозные представления, хорошо известны в социологии. При длительной изоляции их развитие и численный рост, как правило, замедляются.

Поучительна судьба доколумбовой Америки. Заселение западного полушария произошло 40 000 лет тому назад, когда уровень Мирового океана был на 100-120 м ниже, чем в настоящее время. В ту эпоху климат Земли был гораздо холоднее и суше, чем сейчас. Север Европы и Америки был покрыт мощным ледником. Азию и западное полушарие соединяла обширная территория Берингии, по которой на протяжении тысячелетий мигрировали племена, перенося с собой технологию и культуру. Однако в дальнейшем, в результате потепления и таяния ледников, климат изменился, а уровень Мирового океана заметно поднялся.

То, что будет названо Америкой, длительное время развивалось самостоятельно, но в замедленном темпе, во многом следуя теми же этапами, что и остальной мир, связанный в единое целое. Сравнение путей развития доколумбовой цивилизации позволяет понять как общность путей развития мировой и местной цивилизаций, так и то, в какой мере разрыв повлиял на развитие. После драматического столкновения цивилизаций Старого и Нового Света мир стал свидетелем разницы в развитии, приведшей к уменьшению на порядок населения доколумбовой Америки в результате ее завоевания европейцами...

В других регионах результат был еще более трагичен. При колонизации Тасмании все коренное население, 300 тыс. туземцев, было истреблено. В нашу задачу не входит подробное описание таких эпизодов истории, но напоминание о них служит иллюстрацией того, к чему приводили в прошлом, да и в настоящем, столкновения культур и цивилизаций после их длительного разделения, вызванного географическими и климатическими факторами.

Таким образом, судьба изолятов подтверждает значение информационного взаимодействия для роста и то, что информацию, знания, связь с мировым сообществом следует рассматривать как необходимый ресурс развития. В отделившихся сообществах было более чем достаточно территориальных, пищевых и минеральных ресурсов, и только информационный отрыв от мирового взаимосвязанного сообщества привел к неминуемому отставанию.

Причем отставание происходит как в скорости численного роста, так и в темпах культурного развития.

Именно это более всего характерно для изолятов – они как бы замирают и останавливаются в своем развитии. В изолированной подсистеме культурное развитие и численный рост оказываются, как и для человечества в целом, системно сцепленными, но, вследствие их изоляции, замедленными. Изоляты становятся настоящей машиной времени, любимым объектом антропологов, которые могут таким образом совершать путешествия в далекое прошлое. Поэтому такое значение приобретают их выводы об общности путей и единстве законов глобального развития человечества. Наиболее последовательно это выразил Леви-Стросс при структурном анализе уклада жизни первобытных племен, который служит подтверждением развитой выше концепции.

Однако судьба изолятов важна не только тогда, когда мы обращаемся к далекому прошлому. Приняв во внимание изменение временного масштаба развития и акселерацию роста, время эффективного разрыва должно быть порядка древности рассматриваемой эпохи. Если в конце палеолита эффективный разрыв должен был составить десятки тысяч лет, то в близкое нам время опасно разделение и на гораздо более короткие сроки.

Изоляция стран в более близкую к нам эпоху может служить подтверждением этого положения. Таким примером является Япония времен Токугавы, когда 400 лет тому назад, начиная с 1603 г., страна была отрезана от остального мира. Только через 250 лет, после революции Мейдзи в 1867 г., Япония открылась миру и, осознав свое отставание, быстро примкнула к мировой цивилизации. <...>

Длительная, на 60 лет (с 1930 г. до 1990 г.), изоляция, пусть и не полная, Советского Союза неминуемо привела к его отставанию, несмотря на то, что срок разрыва казался не таким большим. Но мир именно за эти годы изменился качественным образом. Об этой динамике современного развития следовало бы помнить тем, кто увлечен идеей о России, которую мы потеряли»⁹.

1.2. Возникновение философии. Проблема бытия

Религиозно-магическое отношение человека к миру

«Все формы человеческого творчества лишь постепенно дифференцировались из первобытного **религиозно-магического**

⁹ Капица С.П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – С. 88-90.

отношения человека к миру – язык, искусство, политика, право, экономика, техника, науки и философия»¹⁰.

Религиозно-магическое отношение к миру присуще архаичному человеку. «Архаичный» (греч.) означает «начальный», «первозданный», «первобытный». Карл Густав Юнг указывал¹¹ на то, что цивилизованный человек, несмотря на высокий уровень сознания, в более глубоких слоях своей психики все еще остается человеком архаичным. Однако при первом соприкосновении с первобытным человеком или при изучении научных трудов по первобытной психологии всегда создается впечатление его чужеродности. Например, такой авторитет в области первобытной психологии, как Леви-Брюль, не устает все время подчеркивать это чрезвычайное отличие, как он говорит, «дологического состояния» от нашего сознания.

Но неправильно было бы все же считать мышление первобытного человека дологическим. В объяснениях первобытного человека присутствует прообраз логики. Правильнее было бы отнести первобытного человека к **докультурной** стадии. Жизнь первобытного человека была подчинена выживанию, простому самосохранению, вещам утилитарным; первобытный человек не ставил себе целью культурное строительство, создание науки, искусства, права, хозяйства и т.д., но нельзя отрицать того, что у известных нам представителей первобытных народов мы находим зародыши, зачатки всего этого¹².

Как же архаичный человек объясняет окружающий мир? Если цивилизованный человек объясняет явления: 1) разумной каузальностью (причинностью) или 2) простой случайностью, то архаичный человек отрицает эти осязаемые причины. Первобытные люди объясняют явления, исходя из своих «коллективных представлений», таких как духи, колдовство, могущество шамана и т.д., которые они считают действительными, имеющими место в окружающем мире. Таким образом, действительным объяснением для них всегда является магия. Человека убили либо дух, либо колдовство. Многие дикари вообще считают естественной лишь смерть в бою.

Другие, однако, и эту смерть рассматривают как неестественную, поскольку противник либо был колдуном, либо использовал заколдованное оружие. Гротескная (гротеск от фр. grotesque, букв. – причудливый, комичный, – присущ художественному мышлению, характеризуется использованием, иногда сверх меры, художественных изобразительных средств) идея магии, как заклинания духа, может

¹⁰ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. – М., 1999. – С. 161.

¹¹ Юнг К.Г. Архаичный человек // Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М., 1993. – С. 158-184.

¹² Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – С. 28-31.

принимать еще более впечатляющую форму. Так, однажды, один европеец застрелил крокодила, в желудке которого оказались два браслета. Туземцы признали в них браслеты, принадлежавшие двум женщинам, которых незадолго до этого проглотил крокодил. Тотчас же поднялся крик о колдовстве, так как этот вполне естественный случай, который не показался бы подозрительным ни одному европейцу, был истолкован совершенно неожиданно, исходя из духовных предпосылок первобытного человека. Неведомый колдун вызвал дух крокодила, приказал поймать этих двух женщин и принести ему. Крокодил исполнил это приказание. Но как быть с двумя браслетами в желудке животного? Крокодил, объясняли они, не проглатывает людей по собственной воле. Он получил браслеты в награду от колдуна. Нам такое объяснение кажется абсурдным и нелогичным. На самом деле отличие нашего объяснения и объяснения архаичного человека объясняется спецификой первобытного мышления.

Три черты характерны для первобытной идеологии:

1. Спутанность мысли, неясность, неустойчивость, колеблющиеся контуры понятий. Это обстоятельство дало повод Леви-Брюлю в книге «Мыслительные функции в низших обществах» защищать мысль, будто у первобытных народов мышление совершается вопреки законам логики, в силу которых противоречащие признаки несовместимы в том же объекте мысли. **Ситуативность, эпизодичность, господство наглядной ситуации свойственно первобытному мышлению.**

«Окружающая среда представляется первобытному человеку как совокупность ... между собой не связанных событий, т.е. именно как сумма эпизодов, а не как единая в частях своих система. Мышление первобытного человека протекает в категории чудесного. Мир представляется архаичному человеку как агрегат изолированных событий, из которых каждое есть действие в себе, порожденное своей собственной причиной. Действие, причина которого находится в себе самом, – это значит свободное действие. И для архаичного человека мир есть действительно поприще свободных существ, находящихся позади поражающих его явлений и порождающих эти последние. Поэтому обычное не привлекает к себе внимание архаичного человека. Удивление же, вызванное необычными событиями, получает удовлетворяющее ум объяснение в той специальной, чудесной причине, которая его своим свободным действием породила. Найдя эту причину в самом явлении, ум успокаивается и перестает удивляться. Так чудесное не столько питает, сколько успокаивает породившее его удивление. В этом именно и заключается фетишизм первобытного мышления. Правда, сказать, что фетишизм объясняет явления через сокрытые в них самих причины, что в объяснении событий он не выходит за пределы

самого события, остающегося таким образом изолированным эпизодом, так же неточно, как сказать, что в игре каждый момент деятельности довлеет себе и не служит средством для другого. Но ... поскольку цели в игре слишком близки еще отдельным ее моментам для того, чтобы устойчивым и длительным образом определять их как подчиненные им средства, точно так же фетишизм первобытного мышления, объясняя события природы свободной волей населяющих ее демонов и богов, мыслит эти порождающие их живые причины слишком близко позади объясняемых ими явлений для того, чтобы мир мог представляться ему подчиненным «сколь угодно устойчивой и длительной закономерности»¹³.

Но первобытный человек если и не умеет правильно связывать явления, зато «знает» и чувствует их внутреннюю природу. У первобытного человека внешний и внутренний опыт предстает как нечто неосознанное, непроясненное сознанием.

2. Религиозно-магическое мышление есть **эмоциональное**, а не познавательное мышление. Эмоциональная сфера появляется у высших позвоночных. Эмоциональная сфера позволяет высшим животным гибко реагировать на среду. Благодаря эмоциональной сфере выстраивается иерархия мотиваций. Значимость мотивов будет определяться по степени эмоционального эффекта.

Например, факторы, угрожающие жизни будут сильнее, так как будут подавлять нейровозбуждение, вызванное другими факторами. Нейроарсенал высшего позвоночного – это не только видовая программа, но и эмоциональная сфера. Эмоциональная сфера способствует более гибкой адаптации к изменяющемуся миру. Животные с эмоциональной сферой опережающим образом реагируют на изменении ситуации либо бегством, либо активной стратегией защиты. Таким образом, эмоциональность первобытного человека отвечает за его выживание, прежде всего. Эмоциональность формирует интерес к объекту, объект становится ценным, формирует любопытство, любовь к опытам.

3. Первобытное мышление отличается зависимостью от **групповой идеологии** традиционализма. Внушаемость авторитарным воздействиям составляет третью черту первобытной мысли. Преемственность свойственна первобытным обществам.

Указанные три черты религиозно-магического образа мыслей продолжают сосуществовать бок о бок с культурным мышлением человека вплоть до наших дней. Более того, культурная деятельность человека может осуществляться лишь на основании архаичного

¹³ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – С. 279-280.

мышления, а не минуя его. Другими словами, культурная деятельность человека вобрала в себя в преобразованном виде архаичный образ видения. Так, чтобы правильно (логически, диалектически) связывать явления (творческая комбинаторная деятельность), надо «знать» (чувствовать) внутреннюю природу этих явлений. Далее, только перед взором человека, обладающим определенной смелостью, эмоциональностью (страстностью), предстают сокрытые до этого вещи. Другими словами, эмоциональность формирует интерес к объекту, объект становится ценным. И последнее, дело каждого гражданина – привлекать внимание и сообщников к своим создающим культуру действиям.

Первобытное мышление нашло выражение в мифологии. Мифология связана с особенностями отношения к миру архаичного человека. Так мифологии присущи следующие черты.

1. Синкретизм (от греч. соединение) – нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления (например, искусства на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга; нерасчлененность психических функций на ранних ступенях развития ребенка). И действительно в мифе уживается друг с другом многое из того, что впоследствии в истории в процессе своего развития находилось в состоянии войны, борьбы.

2. Мифология тесно связана с ритуалом, миф не рассказывается, а проигрывается по особым случаям. Пока мифология проигрывается, она застрахована от добавлений и искажений первоначального смысла.

3. Миф связан с обрядом инициации, посвящения, широко распространенном в родовых обществах, обряд, в ходе которого юношам и девушкам передавали аккумулярованный в мифе опыт и переводили их в полноправных членов племени.

В.Я. Пропп в «Морфологии сказки», которой суждено было стать классической, показал, что все волшебные сказки, несмотря на их видимое разнообразие, имеют одну и ту же скрытую структуру. В качестве инвариантов выступают 31 функция и последовательность их всегда одинакова. Что же касается персонажей, мотивировки отсылки (например, две функции из 31-ой – это отсылка и выход в поиск) и прочее, то это «величины» переменные.

В другой своей работе «Исторические корни волшебной сказки» Пропп объясняет происхождение этой структуры связью с магическим обрядом инициации. Инициация – это второе рождение человека, рождение не по названию, а по сущности. Другими словами, мифология готовила человека к выживанию, передавала ему знание и отношение к миру, которое помогло бы ему выжить.

Мир как хаос и дисгармония. Всеобщая бессмыслица существования

В мифологии древней Греции мир представлялся как **хаос**, возникающий в результате столкновения, конфликта божественных, человеческих и стихийных сил. Согласно этой вульгарно-политеистической точки зрения, **главный фактор** в бытии есть **влияние богов**, капризных и непостоянных по отношению к человеку. Судьба человечества – есть судьба всего земного, временного. Это глубоко пессимистическая точка зрения. Вселенная (бытие) подчинена ритму возникновения и уничтожения.

Увековеченные «у Гомера в пластических образах, светлых и прекрасных»¹⁴ боги греческой мифологии отчасти сохранили свой **демонический** характер. Так, греческие боги **подчинены мировой (природной) стихии**, греческие боги так или иначе **служат ей**, а человека постоянно **предают**. С вульгарно-политеистической точки зрения, боги капризны и непостоянны, беспрестанно меняют свое отношение к человеку: то помогают ему, то вредят¹⁵.

«Античный человек ... скорее признавал некое родство между людьми и богами, ... он мыслил богов существами неизмеримо более могущественными, чем он сам, и притом равнодушными к нему или даже враждебными или играющими им, как своей игрушкой, и он чувствовал зависимость всего бытия, в том числе и своего собственного, от беспощадных и равнодушных сил «рока» и потому был охвачен чувством своего ничтожества и «паническим» страхом»¹⁶. Греческие боги продолжают наравне с любовью внушать людям **страх**, так как «над этим миром, над людьми, над благими и правосудными богами ... есть еще судьба, неведомая и оттого не вызывающая ни страха, ни любви»¹⁷. Представление судьбы неведомой рождается в человеке благодаря чувству зависимости человека, «ничтожества, слабости, безусловной подчиненности и порабощенности безмерно превышающим его силам бытия – будь то силы природы или скрытые за ними силы божественного порядка»¹⁸, человек чувствует себя «тварью» – существом, подобным вещи, все бытие которого всецело определяется инстанцией, его сотворившей.

¹⁴ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997. – С. 63.

¹⁵ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание блаженного Августина // Религиозно-общественный идеал западного христианства. – СПб., 2004. – С. 182-183.

¹⁶ Франк С.Л. С нами Бог // Франк С.Л. С нами Бог. – М., 2003. – С. 587.

¹⁷ Юркевич П.Д. По поводу статей богословского содержания, помещенных в «Философском лексиконе». – С. 327.

¹⁸ Франк С.Л. С нами Бог. – С. 586.

В греческой мифологии боги подчинены **судьбе**, року, сами являлись частью всего этого. Судьбе принадлежит управление миром. «Судьба далеко не является всеобщим разумным законом, как понимают ее стоики ... рок разбивается на множество роковых сил»¹⁹. Даже боги сами не могут нарушить рока, подчинены судьбе, карают людей за попытку вознестись над своей судьбою, «что представлялось возможным, хотя и крайне опасным делом, никогда не проходящим безнаказанно. Боги не прощают этого никогда, завидуя всем, перешедшим положенную меру, карая чрезмерное счастье, как высокомерие. Существует даже представление о дурном глазе богов ... Еще у Геродота все божественное, т.е. всякое божество, завистливо и непостоянно ... У Гомера ... У ног Зевса стоят две урны: из одной он черпает добро, из другой – зло. Но Пиндар говорит, что таких урн не две, а три, и только в одной из них благо: и за каждое благо, посланное Зевсом, человек терпит от него две беды»²⁰.

Вселенная (бытие) представлена в греческой мифологии как бессмысленная жизненная суэта, символом которой является замкнутый в себе порочный круг. Порочный круг – это символ дурной бесконечности, символ существования, заканчиваемого уничтожением, символ жизни, которую сменяет смерть. Такое понимание бытия характерно для древних. Мир предстает как нудный, злой, страдающий, находящийся в рабстве у Времени (настоящего момента, факта смерти) и Смерти, как мир, в котором полуреальное существование переходит в чистое небытие, в чистое ничто личного существования. «Смерть и Время царят на земле»²¹ (цитата из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887)).

Жизнь загробная представляется не более как закономерный итог жизни земной, **как подобие** жизни земной, вытравленное Временем²². Ад у древних и христиан также подчинен ритму возникновения и уничтожения, об этом красноречиво говорят многочисленные образы ада. Царь Иксион, вечно вращающийся в огненном колесе, бочка Данаид, муки Тантала, Сизифова работа – вот классические изображения бессмысленной жизни у греков. «Данаиды, по смерти осужденные за свое мужеубийство вечно и бесплодно носить в преисподней воду в бездонную, никогда не наполнявшуюся бочку ... прикованный **Титий**, с непрестанно терзаемой коршуном печенью, которая все снова вырастает (то же – у Прометея); **Иксион** – вращающийся в огненном колесе неутолимой страсти; **Тантал**, томимый

¹⁹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 79.

²⁰ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 80.

²¹ Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. – М., 1992. – С. 53.

²² Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – Т.1. – М., 1990. – С. 199.

жаждою и голодом, но только раздражаемый видом бегущей от него холодной воды и поднимающихся от него ветвей с золотыми плодами; **Сизиф**, напрасно влекущий в гору тяжелый камень, который у самой вершины срывается обратно на равнину ... и т.д. – вот»²³ выражающие дурную бесконечность образы, образы «некоторого долгого и беспредельно томительного “теперь”»²⁴, вечного, застывшего «теперь», никогда не делающегося прошедшим, образы дурной продолжаемости смерти. Страшное и гнусное видение.

Аналогичные образы адских мук можно найти и у христиан. Например, Сведенборг видел в аду Кальвина, осужденного вечно писать книгу о предопределении. Каждый вновь написанный лист проваливался в бездну, вследствие чего Кальвин обречен без конца начинать работу сызнова. В аду все – вечное повторение, не достигающая конца и цели работа. Змей, сам себя кусающий за хвост, – вот яркое символическое изображение этого символического круговращения.

Круговращение – это не есть что-то только воображаемое нами. **Ад таится уже в той действительности**, которую мы видим и наблюдаем, чуткие души в самой нашей повседневной жизни распознают его в несомненных явлениях. Недаром интуиция порочного круга, лежащего в основе мирового процесса, есть пафос всякого **пессимизма**, религиозного и философского. Возьмем ли мы пессимистическое мироощущение древней Индии, учение Гераклита и Платона о вечном круговращении вселенной или Ницше – о вечном возвращении, – всюду мы найдем варианты на одну и ту же тему: мировой процесс есть бесконечное круговращение, вечное повторение одного и того же, – стремление, бессильное создать что-либо новое в мире. «Жизненный круг», «в котором в той или в другой форме вращается на земле всякая жизнь ... целиком выражается словами церковной молитвы: «земля еси и в землю отыдеши». Всякий наблюдаемый нами на земле круг жизни с роковой необходимостью замыкается смертью и облекается в форму дурной бесконечности беспрестанно возвращающихся рождений и смертей. Всякая жизнь стремится подняться над землею и неизбежно вновь на нее ниспадает, смешиваясь с прахом»²⁵.

Гениальное выражение этой мысли дается устами «черта» в «Братьях Карамазовых» Достоевского. «Ты думаешь все про теперешнюю землю, – говорит он Ивану Карамазову. – Да ведь теперешняя земля, может, сама биллион раз повторялась; ну, отживала,

²³ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – Т.1. – С. 245-246.

²⁴ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – Т.1. – С. 247.

²⁵ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 2003. – С. 40-41.

трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердью, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля, ведь это развитие, может уже бесконечно повторялось и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая».

В этом изображении Достоевского уже не ад, а сама вселенная представляется как нескончаемая «сизифова работа». Но впечатление «скуки» производит это круговращение лишь до тех пор, пока идет речь **о мертвом веществе**. Скучным может казаться бесконечное чередование прилива и отлива в море, бессмысленная и вечная смена образования и разрушения солнечных систем и, наконец, бессмысленное вращение земли, наподобие волчка, вокруг своей оси. Но, когда мы от мертвого переходим **к живому**, ощущение этой всеобщей суеты становится несравненно более болезненным, ибо оно связывается с мучительным впечатлением **неудачи**. В жизни живых существ все целесообразно, все направлено к цели. Мы испытываем острую душевную боль при виде этого **повторения низшей формы существования в высшей**. Мы имеем здесь уже не простое отсутствие цели, а цель недостижимую. Единственная цель живых организмов – цель сохранения жизни.

Человек испытывает жестокое страдание от окружающей нас бессмыслицы, мысль о всеобщей бессмыслице существования гнетет нас. Чем выше мы поднимаемся в лестнице существ, тем мучительнее и соблазнительнее это созерцание всеобщей суеты. Когда мы начинаем размышлять о судьбе человека, наша скорбь осложняется чувством острого оскорбления и граничит с беспросветным отчаянием. **Человек повторяет в своей жизни низшее из низкого**, что есть на свете, – бессмысленное вращение мертвого вещества, прозябание растения и все отталкивающее, что есть в мире животном. Еврипид писал о том, что смерть полностью уничтожает того, «кто назывался прежде человеком; и тот, кто до рождения был ничто, умирая, – по словам поэта – снова, в смысле личного существования, есть не более, как ничто»²⁶.

Вся жизнь в той или другой форме вращается на земле в жизненном круге, который воспроизводит в осложненном виде все то же бессмысленное вращение волчка вокруг своей оси. Нам становится тошно от такой жизни. Можно ли назвать жизнью это бессмысленное чередование рождений и смертей, эту однообразную смену умирающих поколений? Скорее всего, нет. Это – не жизнь, а пустая видимость, призрак жизни.

Жизнь человеческого рода в древней философии обозначалось образом круговорота, как образом рождения и умирания. «Идея

²⁶ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – Т.1. – С. 248.

круговорота гораздо старше идеи прогресса, и, конечно, она небеспочвенна.

Наш мир подобен колесу, что вверх и вниз стремится судьба.

Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:

Приходит тот, уходит сей, а он работает всегда»²⁷.

Люди уходят, рушатся царства, но жизнь продолжается в детях, вновь создаются великолепные царства. Смерть сильна, выстригает траву на газоне жизни, но и жизнь не сдаётся, справляется с потерями, вновь вырастает трава на скошенных участках. Весь тварный мир несет в себе образ круговорота, змеи, кусающей себя за хвост, стремящейся преодолеть свою тварность, огненного колеса.

Время представляется еще «потопом». Весь временный процесс представляется непрерывно текущей водой, «потопом на истребление всякой плоти» (Быт. IX, 12-15), губительным течением смерти, гераклитовым «все течет»²⁸. А человек представляется рабом этого течения, рабом тварного существования (рабом существования, которое влачат все твари). Такой взгляд на бытие дает нам повседневный (чувственный) опыт.

В XVII-XVIII вв. последователи Рене Декарта считали, что в век прозы, науки и механических искусств (промышленности) поэзия стала уже невозможной, ибо она – результат невежества и отсталости. Картезианцы (так называли последователей Декарта) восстали против безусловного авторитета античности с точки зрения строгого рационализма. Мифы древних – детские сказки. Аббат де Обиньяк доказывал, что произведения Гомера суть беспорядочное собрание басен, распевавшихся на ярмарках слепыми и что сам Гомер никогда не существовал. Таким образом, критиковались и отрицались все предшествующие формы социокультурной жизни. Мировоззрение прежних эпох было отвергнуто как нелепый клубок предрассудков и химерических представлений. Вместе с темными временами древности и средневековья подверглись осуждению предания и сказки простого народа, остатки средневековой народной драмы. Так, Лейбниц рассматривал сферу искусства как предварительную ступень научного мышления – область малых и темных представлений. На этой идее основана и книга немца Баумгартена, которого принято считать основателем эстетики как науки. Языческая и христианская мифология объявлялась темной бессмыслицей «поэтических времен».

Чем непримиримее было отношение к мифологии, тем нелепее становились **выдумки** (мифы) самого рационального сознания (прогресс, социализм, коммунизм, материализм и т.д.), которые

²⁷ Лифшиц М.А. Джамбаттиста Вико // Вико Д. Основания Новой науки. – М., 1994. – С. XXV.

²⁸ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – С. 195-197; 249-250.

наполнили культуру с тех времен. Таким образом, происходил отрыв новых поколений от органического склада жизни. Новые поколения стали не выше религии, как они сами о себе думают, но вне подлинных религиозных исканий (которые переросли архаичную магическую форму, оформились мистически). Булгаков Сергей Николаевич (русский экономист, религиозный философ и богослов, с 1918 г. – священник) (1871-1944) призывал не забывать о религиозных корнях западноевропейской культуры, так как именно эти религиозные корни питают культурное древо и, до известной степени, обезвреживают своими здоровыми соками многие ядовитые плоды. Поэтому рационализм не так страшен у себя на родине, в Европе, но страшен в культурной пустыне, каковой в то время (XIX в.) была Россия²⁹.

Кризис мифологии

Философия «есть самый поздний плод человеческой культуры. “Когда философия, – писал Гегель, – со своими абстракциями рисует седину жизни в серых тонах, свежесть и жизненность юности уже прошли, сова Минервы начинает свой полет во всемирно-исторических сумерках” (“Философия права”))³⁰.. Доверие к мифам пошатнулось благодаря расширению **географического горизонта греков**. Последнее обстоятельство оказало влияние на раннее развитие науки у греков. Полученные греками в путешествиях наблюдения являются мощным стимулом для пробуждения сомнений.

«Фантастическая география Гомера пала сама собою, когда Средиземное море стало известным до Гибралтара, когда средиземноморская торговля сосредоточилась в руках ионийцев. Тот крайний Запад, где некогда жили Циклопы и разные фантастические чудовища, был исследован. Море, казавшееся некогда беспредельным, замкнулось в определенные границы. Небо раздвинулось над землей, и дикое первобытное представление о том, что оно лежит на вершинах отечественных гор, на которых обитают небожители, было оставлено всеми ... общение с множеством народов, знакомство с их разнообразными обычаями, нравами, религиями, установлениями показывало относительность, условность всех человеческих преданий и верований и открывало путь свободному исследованию и рационалистической критике.

Расширению географического горизонта греков соответствует и внутреннее усложнение общественной жизни. Мощное развитие

²⁹ См. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. – Т. 2. – М., 1993. – С. 310-311.

³⁰ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. – С. 161.

торговли, промышленности, накопление и перераспределение богатств, прилив населения к торговым центрам и быстрый прирост его – вызывают повсеместное глубокое социальное и политическое брожение, в котором разлагаются старые формы общественной жизни и возникают новые»³¹. На смену обычаю, традиции приходит **законодательство**, дающее обществу прочный строй, согласующее разнородные интересы. Первые греческие «мудрецы» (Солон, Питтак Митиленский, Периандр Коринфский, Хилон Спартанский, Биас Приенский и другие – те «семь мудрецов», во главе которых неизменно помещается Фалес Милетский, родоначальник греческой философии) прославились как законодатели.

Вслед за эпической поэзией Гомера расцветает лирическая поэзия (ионийская и эолийская лирика), свидетельствующая о мощном развитии личности. А вслед за лирической поэзией пробуждается философское умозрение и научное исследование. Таким образом, человек преодолевает **чувство** рабской зависимости у окружающего мира сначала средствами **магии** и **религии**, а затем **науки** и **философии**.

Античная философия «свергала с себя иго демоно-боязненности»³². Тем самым преодолевалось детское политеистическое сознание архаичного человека. Детское сознание ссылается на сверхъестественное (души, демонов), а человечество в лице греческой культуры вступило на путь познания: «раз уж кто, оставив детскую веру, вступил на путь объяснений и обоснований, для того неизбежно кантовское правило, что «самые дикие гипотезы более выносимы, чем ссылка на сверхъестественное»³³.

Тем самым были заложены предпосылки развития науки и философии. Политеизм задерживает развитие знания тем, что предрасполагает человека к разъединению и изолированию явлений (эпизодическое сознание), тем, что обращает движение человеческой мысли в другую сторону от естественных причин, на причины сверхъестественные.

«В странах, где господствует политеизм, могут по временам являться великие люди, которые с помощью модного взлета их ума, освободившись от политеистических понятий своей страны, открывают в большей или меньшей мере правильность и единство явлений природы; но их понятия и взгляды не могут утвердиться; они остаются без всякого действия на умы, а вследствие того они не оказывают никакого влияния на развитие знания. Это потому, что в

³¹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 100-101.

³² Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – С. 283.

³³ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – С. 31.

политеистических странах направление умов совершенно противоположно направлению науки. Политеизм стремится к разъединению и разобщению мировых явлений, наука же, напротив, стремится к объединению и обобщению их. Политеизм направляет умы к тому, чтобы приписывать каждое явление особенной причине; наука же научает их сводить множество явлений к одной и той же причине. Но монотеизм, научая людей, что все происходящее в мире имеет своим началом единое верховное существо, должен, как выше показано, неминуемо вести к науке»³⁴.

«Философия зарождается тогда, когда вера в богов, как практическая опора в жизни человека, начинает изменять ему ... оказывается, что **боги обманули ожидание людей**.

Нет правды на земле,

Но правды нет и выше (Трагедия Пушкина «Моцарт и Сальери»).

«Не всегда боги награждают добрых и карают злых». Эта мысль встречается уже во времена Солона (594 до Р.Х.)»³⁵.

Греки противопоставили мифу (не только народному политеизму и магии, но и эпической поэзии Гомера) Логос (сначала как разумное слово о природе вещей; а потом как вселенский Разум).

По началу (например, у Гомера) под логосом «разумеются обыкновенно льстивые, ложные, пустые слова, «словеса лукавствия», в противоположность истинным, правдивым речам или рассказам – «мифам» или «эпам». Но мало-помалу такое отношение радикально изменяется: «логос» берет верх над «мифом» или «эпосом». Миф из «сказа» превращается в «сказание» или «сказку» и противопоставляется истинному слову – логосу; «эпос» в свою очередь превратился в говор, молвь, поговорку, в те слова, в которые облекается речь, иногда для своей прикрасы, иногда для того, чтобы скрыть свой истинный смысл. Миф может иметь и разумный смысл, но он требует объяснения посредством «слова». Детская мысль тешится мифами; в период умственной зрелости миф отходит всецело в область предания, поэзии или вымысла. Миф, являвшийся некогда истинным, обращается в «ложную речь, подражающую истине» или уже в поэтическую фабулу, в басню (например, «мифы» Эзопа) ... Мифическое мирозерцание поэзии сменилось прозой трезвой мысли ... Уже ранняя греческая философия приобрела характер антимифологический, противопоставляя мифу и эпосу «разумное слово» о природе вещей: здесь слово, или логос, означает *рассуждение*. Ксенофан, один из первых и самых энергичных противников мифологического мирозерцания, восстает против Гомера и Гесиода, против народного политеизма, против

³⁴ Цитата взята из Флоренского П.А. Столп и утверждение истины. – С. 282.

³⁵ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. – С. 162.

мифологических вымыслов ... *слово* о природе противопоставляется *вымыслу* ... «Слово» об ... едином «естестве» всех вещей ... противоречит не только мифическим вымыслам; оно противоречит видимости, чувственному восприятию явлений в их изменчивом множестве. Это – дальнейшая ступень отвлечения: ... логос, «слово о сущем» ... *противопоставляется явлению*»³⁶.

Стремление к правде как источник возникновения философии

Еще до всякой философии, благодаря античной религиозности, которая не была удовлетворена ни архаичными представлениями о судьбе, ни представлениями о богах, существовала в древнегреческом обществе **вера в идеал Правды** (справедливости, закона, права), представление о вечной правде, которая царствует в мире.

«У Гомера еще нет понятия «закона» – право определяется обычаем. Но понятие **права** или **правого суда** ... у него, разумеется, есть, и это понятие включает в себе не только представление о внешнем правосудии <...> Громадный шаг вперед сравнительно с эпосом Гомера делает **Гесиод** в «Трудах и днях» (VIII в.) ... Гесиод возвышается до сознания объективной Правды как всеобщего божественного Закона, который осуществляется в мире самими богами. Если в его «Теогонии» мы видим собрание мифов, достойных дикаря, чуждых всякого высшего, духовного идеала, то в «Трудах и днях» поэт говорит ... в возвышенном сознании идеала – идеала Правды, и в словах его слышится глубокое убеждение. И это убеждение в нем тем глубже»³⁷, чем сильнее он сознает явное противоречие идеала Правды с действительностью, с неправдой, господствующей в человеческом обществе. В обществе царствуют обман и насилие, раздор разделяет отцов и детей, друзей, союзников, братьев; верность никогда не вознаграждается, почет воздается обидчику и злодею. Но несмотря на то, что Золотой век в далеком прошлом и человеческая доля прогрессивно ухудшается, Гесиод непоколебимо верит, что правый путь есть вернейший и лучший, что правда в конце концов восторжествует. «В слезах, покрытая мраком, скитается гонимая Правда по городам и народам земли. Но она приносит бедствия тем, кто ее гонит; и наоборот, кто воздает правый суд гражданам и чужеземцам, тем она дает изобилие и мир, благоденствие, удачу во всем ... правда понимается как божественный закон ..., которая ... признается богами и требует признания со стороны людей. Этого мало: она противопоставляется насилию и утверждается как высшее благо человека и норма

³⁶ Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование. – М., 2000. – С. 20-22.

³⁷ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 81-82.

человеческих отношений, в основании которых должна лежать не **сила**, а **правда** ...

Эта вера в Правду, в вечный закон ..., данный людям и возвышающий их над естественным животным состоянием всеобщей борьбы, является особенно знаменательной в устах автора «Теогонии». И, однако, и здесь вместе с такою верою, наряду с простыми мудрыми правилами и пословицами ... мы находим множество примет, низменных суеверий и обрядовых предписаний, поражающих своей грубостью, мелочностью и совершенным отсутствием ... смысла, например, предписания о том, как следует мочиться, чтобы не оскорбить богов ... как различать счастливые и несчастные дни ... разумея знамения птиц»³⁸.

Таким образом, философия как натурфилософия возникает на основании веры в правду, которая понимается первыми греческими философами как познавательное отношение к миру, как стремление к объективному знанию, истине, но такое понимание веры в правду является неполным.

«История философии, как и общая история Европы, делится на три периода – древний, средневековый и новый, хотя, конечно, резких граней между этими периодами проводить нельзя и между ними наблюдаются переходные эпохи – первые века христианской мысли, предшествующие Средневековью и так называемая эпоха Возрождения, стоящая на пороге новой европейской культуры»³⁹. Классификации философских течений можно сравнить с лесами, которые нужны при постройке здания, но которые затем нужно убрать, когда здание уже построено. В истории философии применяется индивидуальный подход, последний имеет решающее значение по сравнению с классификациями, особенно по отношению к писателям и мыслителям крупного масштаба.

Историю греческой (древней) философии можно разделить **на три периода**: первый, древнейший – до Сократа, второй – от Сократа до Аристотеля и третий – обнимающий все развитие древней философии после Аристотеля.

Философия и наука – это, прежде всего, познание, исследование бытия. Философы Милетской школы в Ионии не делали различий между наукой, философией и религией. Вообще ранних греческих философов не интересовали такие разграничения. Они стремились постичь истинную природу, или истинное устройство, вещей, которую они именовали «физис». Именно от этого греческого слова происходит

³⁸ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 82-84.

³⁹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 39.

термин «физика», первоначальное значение которого, таким образом, – стремление постичь истинное устройство вещей.

Другими словами, до Сократа философская мысль не спрашивает себя о возможности и условиях познания (хотя ставит себе познавательные задачи: стремится познать внешний мир, его строение и происхождение, первые причины всех вещей, или начало всего существующего). По учению элейских мыслителей мысль о сущем (истинном бытии) отождествляется со своим предметом (сущим): «одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит», – так как нет ничего, кроме сущего; мысль, отличная от сущего, есть нечто «не-сущее», несуществующее, мнимое, или ложное. Поэтому истинная мысль не имеет никакого содержания, кроме сущего, и включает в себе лишь перечисление отвлеченных логических признаков единого сущего (его неизменности, вечности, единства и т.д.). Сущее есть отвлеченное бытие, логическое понятие бытия. Существует только сущее, тождественное себе самому в своих логических определениях, весь видимый мир есть область небытия. Мысль о сущем отождествляется с внутренним законом сущего. **Гераклит** определяет сущее уже не как вечное неизменное бытие, а как вечный процесс жизни. У **пифагорейцев** сущее – это гармония, или мера – единство во множестве и множество в единстве.

Таким образом, для первого периода древней философии характерен наивный, **непосредственный реализм мышления**, для которого любые высказанные идеи, концепции обладают не подлежащей сомнению действительностью и достоверностью. Также, «сущее» мыслится в виде **тела** или **вещества** (материи), и сами «числа» пифагорейцев являются протяженными материальными величинами. Правда, сохраняется противопоставление умопостигаемого сущего (истинного бытия) чувственному явлению (кажущемуся бытию); а под конец, в учении Анаксагора, Дух или Ум противопоставляется вещественной массе; это не мешает, однако, наделять и то и другое физическими свойствами.

Также, до Сократа философская мысль направлена исключительно на мирообъяснение или, другими словами, на **космологию**. Философия до Сократа начинает с того, что признает в основе всего существующего одно живое начало. Стихия воды у Фалеса, апейрон (апейрон – переводится как «густой воздух», «туман», – это не одна из стихий; в апейроне совмещаются противоположные свойства различных стихий, и эти противоположности выделяются и обособляются из беспредельного; апейрон – идея не стихии, а бесконечной субстанции, которая формулируется в первый раз) у Анаксимандра и т.д. – бессмертны и неразрушимы, есть неиссякаемые бесконечные источники

всякого рождения и происхождения. Материя древних физиков есть «живая материя», активная материальная субстанция; их учение определяется как **гилозоизм** (hyle – материя и zoe – жизнь). Для философской мысли **идея бесконечной субстанции** была открытием, но, как все философские открытия, эта идея была в то же время проблемой, точнее, она заключала целую совокупность **проблем**: как из единства субстанции объяснить множество; как из единой вечной субстанции объяснить процесс генезиса, изменения, уничтожения, движения?

Сократ критиковал натурфилософское умозрение как бесплодное и безбожное. Внешним признаком заблуждения натурфилософии Сократ считал коренные, неразрешимые противоречия (**антиномии**) ее отдельных учений – философии единства и философии множества, философии вечных движений, вечного генезиса и философии единого, неподвижного, неизменного бытия (эти антиномии появились в связи с открытием идеи субстанции). Говоря об абсолютном и вечном, о первых причинах бытия, философы не только не сходятся между собою, но «подобно безумным» совершенно противоречат друг другу относительно того же самого предмета – природы вещей. А это происходит, прежде всего, от того, что, пускаясь в умозрение, они не отдают себе отчета в том, что такое человеческое знание. Каждый из них исходит из рассмотрения какого-либо отвлеченного начала, какой-либо одной стороны вещей, полагая, что обладает абсолютной истиной. Но для Сократа **совершенная истина** есть идеал, недоступный внешнему человеческому знанию: если бы мы обладали этой истиной, то сами могли бы творить вещи; если бы мы знали законы природы, тайны мироздания, то сами были бы богами, ибо абсолютное знание свойственно только богу, а не людям.

Сократ первый ставит в философии проблему **гносеологии** (теории познания); другими словами, Сократ отделяет философию от науки и от религии (науку в том виде, в каком она существовала у натурфилософов, Сократ считает невозможной). Согласно Сократу познание истинного бытия развертывается как познание творцом своего творения. «Дела божественные» человеку недоступны; но «дела человеческие» – то, что зависит от него самого, от его сознательной воли, от его разума – вот, что может быть понято им, что составляет естественный, не только возможный, но и необходимый предмет познания человека – то, что ему всего нужнее знать. Сократ признал **физику невозможной**, ибо задача войти в разум Вселенной превышает человеческие силы (во вселенский Разум Сократ призывал верить).

Философию от науки отличает то, что она не есть вовсе чистое познание. Философия не является чисто познавательным актом.

Эволюция знания (науки) всегда поступательная. Она никогда не приводит науку к раз пройденным ступеням. Траектория движения здесь не пересекает самой себя. Напротив, для эволюции различных идеологий характерны круговые формы развития и маятникообразное движение.

Началом познания по Сократу, или истинного понимания, является логическое понятие. Понятие, понимание творится человеком. Человек может составить себе, таким образом, **правильное понятие** лишь о том, что обнимается нашим разумом, т.е. о «делах человеческих»; наоборот, «дела божественные», т.е. Вселенная в своем целом, не обнимаются нашим разумом, а потому здесь не может быть правильно образованных понятий или всеобщих определений, а, следовательно, не может быть истинного знания. В области «дел человеческих» наш разум «имманентен», как сказал бы Кант; в области «дел божеских», или в области учения о природе вещей, он «трансцендентен», т.е. выходит за свои естественные границы. Отсюда – важный практический результат: оставив в стороне «всю природу», **Сократ погрузился всецело в область этическую**, «так как в ней именно он искал всеобщего (всеобщих начал или понятий) и первый направил свою мысль на общие определения»⁴⁰. Посредством понятий познаются не внешние индивидуальные вещи, а общие нормы человеческих отношений. Отсюда сократическое познай самого себя, сократическое самопознание.

Вся философия Сократа, которая не представляла из себя догматического учения, выстраивается на **вере в правду**, правду Сократ представлял уже **не как материальную субстанцию (Сократ считал, что такое представление неточно передает смысл древнего этического идеала, веры в правду как справедливость), а как нравственное добро**. Еще у древних поэтов (Гомера, Гесиода) видели мы простую, но глубокую веру в неписанный естественный закон (правду), и эта вера находит свое выражение и у аттических трагиков, у Софокла в особенности. Из веры в правду вытекает **идеал общества**, не подчиненного никакой человеческой власти и управляемого одними установленными законами, в основании которых лежит неписанный закон – вечное право, – таков нравственно-политический идеал лучших людей Периклова века. Этот идеал входит органически и в мирозерцание Сократа: вера в «закон» – в высшую **разумную форму** всех «дел человеческих» – есть руководящий принцип всех его исканий. Предшественники Сократа искали такой «нормы» во внешней природе,

⁴⁰ Аристотель Метафизика I, 6.

Сократ эти **исконные искания греков** возводит на новую высшую ступень.

Сократ представляет сущее, истинное бытие не как природное тело, а как **вселенский разум** (разум у древних греков охватывает не только мышление, но и волю, действия, чувства, все то, что теперь называется психической жизнью, а тогда называлось жизнью души; вселенский разум разлит в теле всей вселенной, это мировая душа, всеобщий разум). Сократ указывал на следы божественного разума во всей природе, на мудрость устройства природы. Единый разум производит сознание (душу) человека, созидает внешнюю природу. Сократ ссылается на весь строй неба и земли, на порядок и красоту мироздания, управляемого неизменными и общими законами. Мир есть, таким образом, одушевленное, живое существо.

Философия Сократа имеет этический корень, носит этический характер как и древний греческий идеал Правды. Само стремление к правде (нравственному добру) составляет истинную природу человека, естественно для человека. Тело, как и другие внешние блага, внешним образом принадлежит человеку. **Разумная душа** – лучшее в нас. Тело разлагается и тлеет, когда его покидает душа, «в которой одной обитает разум». **Сократ, по словам Аристотеля, даже вовсе упраздняет неразумную, страстную часть души.** Сократ суживает понимание души человека, сводит душу к понятийному мышлению и рациональному действию. Душа по Сократу – божественная часть человеческого существа. Поэтому мы должны, прежде всего, заботиться о душе, о ее внутренней красоте и совершенстве; не о том, что принадлежит нам, не о теле, о богатстве или славе, или о долгой жизни, но о себе самих, о лучшем, о существенном в нас. Поэтому высшая цель человека заключается в господстве разума, в истинном знании.

По-другому понимается душа человека уже у Платона, а также в христианстве. «Это первый заметил Платон, изображавший душу в виде колесницы, запряженной двумя конями, белым и вороным, и узревший в ней противоречие противоположных сил души ... «Две души живут в моей груди, и одна хочет отделиться от другой» (Гёте) ... это фундаментальный конфликт самосознания с бессознательным. Еще античные язычники формулировали это трагическое противоречие души: «Я вижу лучшее и одобряю его, но следую худшему» (Овидий). Существует сознание закона, но в то же время существует бессознательное сопротивление закону. Это основной тезис апостола Павла ... он говорит: «Я – «пленник» «закона греховного, находящегося в членах моих»»⁴¹. Первородный грех – и есть та **онтологическая**

⁴¹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994. – С. 246-250.

трещина, которая расколола космос, прошла также и внутри человека и проявилась в раздоре всех элементов бытия. Первородный грех – есть «**родовой, унаследованный**»⁴², «грех рассматривается не как вина и преступление, не как нарушение объективной нормы или ценности добра, а как опасность, как болезнь, угрожающая человеку гибелью»⁴³. Христос отдает предпочтение отверженным и грешникам – мытарям и блудницам, потому что «не здоровые нуждаются во врачах, а больные»⁴⁴.

Философия по Сократу и есть усиление в себе разумности, путь человека к самосовершенствованию, забота о душе, **ясное сознание** нравственного добра. Таким образом, Сократ отрицает или игнорирует всю неразумную, иррациональную часть души – аффект, волю, страсть, все добродетели сводя к разумным силам души. Этика Сократа получает интеллектуалистический, мало того, рассудочный характер и является крайне односторонней, заслуживая упреки Аристотеля. Достаточно знать добро и человек будет делать добро. **Сократ отождествляет добродетель со знанием**. Каждый должен искать такое знание внутри себя, его нельзя передавать или преподавать внешним образом, как это делают софисты, так что роль философа сводится к тому, чтобы побуждать к подобному исканию, повивая умы в духовном рождении. Сократ отвергает возможность преподавания такого знания (нравственного добра, а не просто знания о мире, даже если и глубокого знания). Это знание спасительно для человека. Платон сохраняет чисто сократовский взгляд на знание. «Истинное знание не есть определенное мнение, догматическое положение, которому можно было бы научиться внешним образом, которое можно было бы передать или усвоить извне ... «То, что для меня важно, – пишет он в старости, – никоим образом не может быть высказано подобно другим предметам преподавания, но, в результате продолжительных и сосредоточенных изысканий в совместной жизни, внезапно, как от упавшей искры, в душе учащегося возгорается свет, который затем уже питается сам собою...». Из речей, лекций или книг нельзя почерпнуть действительного знания; лишь немногие способны воспользоваться указаниями, находящимися в словах или книгах: большинство не выносит из них ничего, кроме мнимого знания ... он видел в своей литературной деятельности ... «средство для пробуждения философии, побуждение к философской жизни»⁴⁵, пробуждение разумной души. Истинное знание (нравственное добро) не может быть дано человеку

⁴² Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства. – С. 47.

⁴³ Франк С.Л. С нами Бог. – С. 582.

⁴⁴ Франк С.Л. С нами Бог. – С. 583.

⁴⁵ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 344.

извне. Внешние впечатления, опыт, учение лишь пробуждают в нем знание.

Итак, философия Сократа основную задачу философии видит не в познании универсального порядка (вместо субстанции Сократ основой мира считал вселенский разум), а в познании этических норм. **Вселенский разум** для Сократа – предмет веры, а не познания. Но в то же время он открыл в человеческом мышлении универсальную логическую способность и указал на понятийную форму нашего мышления. Сократ призывал к **правильному образованию понятий**, так как отождествлял наше знание, полученное таким образом, с добродетелью. Но, понятия мы образуем не только в области этической, но и во всей области нашего опыта; мы все мыслим в форме понятий и все должны мыслить логически, как это показывает сама диалектика, обличающая мнимое знание. К чему же относятся наши понятия? Относятся ли они к частным вещам, о которых они сказываются, или же логические роды и виды относятся к действительным родам и видам свойств и вещей, совпадают с действительными родами и видами? Сократ, по словам Аристотеля, «не отделял общего» от частного, рода от индивида, **понятий от вещей**.

Логически правильное образование понятий играло в философии Сократа важную роль в развитии нравственности человека. Так родился диалектический метод. Сократ сознавал ограниченность и несовершенство наших понятий, а отсюда понятия могут быть ложно отвлечены и неопределенны. «Уже Сократ, по-видимому, обратил внимание на несоответствие между формальной всеобщностью наших понятий и ограниченностью их содержания индивидуальностью тех предметов, к которым они относятся»⁴⁶. Несовершенство наших понятий означало для Сократа несовершенство нашей души по сравнению с вселенским разумом. Обличение мнимой человеческой мудрости, относительность, условность человеческих знаний связывается у Сократа с идеалом божественной мудрости. Ложное понятие или неопределенное могло привести к неправильному поступку. Поэтому Сократ требует правильного логического определения понятий, там, где это доступно человеческому разуму, **он требует образования общего понятия**. Сократ стремился свести всякое рассуждение к основному понятию, затем рассматривал, насколько верно оно отвлечено. Определение понятия, чтобы быть истинным, т.е. исчерпывать самую сущность определяемого, должно быть не только общим, но и полным, заключая в себе не только общие, но и частные признаки данного объекта.

⁴⁶ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 274.

Диалектический метод ведет свое происхождение от Сократа, но Платон не только усвоил этот метод, но точнее формулировал его приемы. Для Сократа диалектика являлась искусством образования понятий (посредством логической индукции) и их соединения. Истинный диалектик умеет восходить от множества явлений к единому общему понятию, от частного к общему. Это – так называемое «сведение». Диалектик обладает также искусством отличать понятия друг от друга, и вместе с тем он же умеет спускаться от единого ко многому, от общего к частному – делить, органически расчленять род на подчиненные ему виды и подвиды, спускаясь до частного и единичного, чтобы не витать в области отвлеченностей, но познавать подлинные свойства, индивидуальные особенности вещей. Это деление понятий составляет вторую часть диалектического метода. Задача деления понятий – в том, чтобы посредством полного и последовательного перечисления всех видов и подвидов измерить логически всю область данного рода и проследить, не перепрыгивая промежуточных звеньев, все разветвления понятий до крайнего предела деления, до такой точки, где кончается их логическое расчленение.

Определение понятий – первая часть диалектического метода – не есть простое перечисление того, что под ним подразумевается; в нем понимается то, что встречается во всех единичных однородных предметах, то общее, без которого ничто частное не может быть понято. Метод определения понятий – Сократову индукцию – Платон дополняет новым способом проверки, который заключается в испытании принятых предположений посредством рассмотрения их последствий. Всякое предположение должно быть развито во всех своих положительных и отрицательных последствиях, чтобы мы могли знать, насколько оно необходимо или допустимо: должны быть выведены все возможные последствия, сначала из него самого, затем из противоположного ему предположения, чтобы можно было ясно видеть, которое из них более допустимо, более вероятно и согласно с действительностью.

Диалектика не ограничивается исследованием отдельных понятий или родов той или другой вещи; но она должна исследовать взаимные отношения родов и видов вещей. Диалектика должна указывать какие понятия или «рода» согласуются между собой и какие исключают друг друга. Так, например, понятия покоя и движения не совместимы друг с другом, но каждое из них совместимо с понятием существования и проч.

Киники в отличие от Сократа утверждали, что в действительности существуют лишь частные единичные вещи, роды же суть фикции: общие понятия существуют лишь посредством слов человека, и в

действительности им ничто не соответствует. Напротив того, Платон признает, что только мыслимое, только то, что соответствует логическим понятиям, действительно существует, между тем как частные, чувственные вещи преходящи и призрачны⁴⁷. Можно ли через понятия познать сущее (подлинную истину), или нет – наш разум заблуждается в своих универсальных понятиях и не может познать подлинную истину? Возможно ли теоретическое познание (познание истинного бытия) или нет? Киники и киренцы проповедуют софистический скептицизм, отрицающий возможность теоретического познания. Платон развивает умозрительный идеализм, который признает возможность познания истинного бытия (истинное бытие для Платона – это мир идей).

Философское сомнение как еще один источник философии

Истинное бытие по Платону, сущее – это уже не мировая душа, а умопостигаемые «виды», «формы» или «идеи», которые мыслятся в понятиях. В понятиях мы мыслим не единичные вещи, а идеи, которые обладают высшей реальностью, подлинным бытием. Диалектика как метод правильного образования понятий у Платона переходит в метафизику, в новое учение о сущем. Посредством диалектики универсальные понятия развиваются независимо от всякой чувственной формы. Понятием определяется сущность вещи. Учение об идеях считается центральным учением Платона.

Таким образом, греческая философия осмысливает свое происхождение от разумной души человека, от веры и стремления к правде. Но у философии Платона есть **еще один источник возникновения**. В основе мирозерцания Платона, с одной стороны, лежит заповеданный Сократом древний этический идеал, вера в правду, а с другой, кроме этого могущественнейшего этического мотива, «следует указать на эстетический мотив, на чувство красоты, которому Эрос придал столь могущественное развитие и заставил философа видеть отражение идеала в чувственных формах Вселенной»⁴⁸, хотя сам Платон понимал свою философию лишь как развитие подлинного Сократова учения (последнее отражено в словах Платона: «да и нет, и не было никакого Платона, а есть только Сократ, снова ставший молодым и прекрасным»⁴⁹).

Смерть Сократа вызвала в Платоне осуждение всего современного общества (подобное гневному протесту Гераклита против восторжествовавшей демократии, «худых людей») и более – осуждение

⁴⁷ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 344

⁴⁸ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 366.

⁴⁹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 315.

мира сего. Платон увидел, что в мире сем нет места нравственному добру (правде). С одной стороны, древняя вера в правду была **поколеблена** в том наивном виде, в котором она присутствовала в ранних диалогах Платона. А с другой стороны, произошло преобразование этой веры в правду в веру в сверхчувственный мир, мир идеала, в котором нормы добра имеют свое полное осуществление. Вера Платона – это вера в реальность высшего **духовного** мира, «в нем же правда живет». Преображенная вера Платона раскрыла ему новый духовный мир. Если этические нормы отвергаются и нарушаются человечеством, это не значит, чтобы правда (нравственное добро) упразднилась, была мнимой. Наоборот, правда (нравственные нормы) обладают высшею, сверхчувственною реальностью: идеалу правде принадлежит подлинная действительность, тогда как тот видимый порядок вещей, который есть отрицание идеала, есть не только дурной, но и ложный. «И уже в «Горгии», едва ли не первом диалоге, написанном после смерти Сократа, где с такою энергией произносится суд над всем исторически сложившимся нравственным и политическим строем современного общества, мы находим решительное утверждение безусловной **ценности** нравственных норм и первое **признание** реальности высшего духовного мира, «в нем же правда живет»⁵⁰. Таким образом, у Платона правда утверждается как нечто безусловное, **абсолютное**. **Красота** личности Сократа с необычайной силой раскрылась в его предсмертные моменты. Именно эта внутренняя красота человека, человеческой личности, просветила посюсторонний мир до глубины и помогла Платону увидеть не только отсутствие в существующем общественном строе нравственного добра (правды), но и относительное присутствие правды (неполное, частичное ее воплощение) в посюстороннем мире.

Платон усматривает общее влечение к духовно-разумному не только в человеке, но и во всей природе – бессознательное в низших созданиях, инстинктивное в животных и просветленное в человеке: название этого стремления к блаженству, к благу или к полноте бытия есть **Эрос** – имя древнего бога любовного влечения). В мире животных существ Эросом обуславливается акт размножения, посредством которого **род** осуществляется в смене индивидов, возникающих и уничтожающихся; в нем совершается приобщение преходящей, смертной природы к вечной и неизменной родовой идее. В человеке Эрос проявляется, как любовный пафос, влекущий нас к красоте. Всякое существо, всякое семя стремится к полному своему развитию, к полной жизни. «Каждое существо стремится возможно полнее воплотить,

⁵⁰ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 347.

выразить свою идею»⁵¹. Полнота бытия, идеальная полнота желается всеми существами, но никогда не достигается окончательно. В природе все возникает и уничтожается, все частное, единичное проходит и погибает. Платон считал чувственный мир «вечно возникающим и уничтожающимся, но никогда не существующим истинно»: в основе своей он сводится к небытию. Все течет, ничто не пребывает в мире явления; стало быть, чувственным, являющимся, изменяющимся вещам нельзя приписать подлинного бытия, стало быть, это бытие принадлежит чему-нибудь другому, не чувственному, а умопостигаемому. Ведь и Гераклит учил, что в потоке изменения пребывают тождественными только **общие отношения**, общий порядок или строй, закон или логос мира. И Платон признает, что пребывающим бытием обладают только **нормы**; общие **виды** или **формы** сущего, постигаемые умом.

Таким образом, красота личности Сократа, наиболее проявившаяся в его смерти, интуитивно схватывается Платоном и **запечатлевается в символе** идеального (эйдетического) мира, другими словами, становится частью его философии, остается жить в его философии не только философское учение Сократа, но и сама его нравственная личность. Смерть, таким образом, есть не только враг, но и друг, так как в этом последнем испытании, с необычайной силой раскрывается **красота** человеческой личности. У апостола Павла «смерть есть последний враг, который должен «истребиться», который должен быть погран смертью Христа: смерть должна быть поглощена победою, ибо она была бы сама победою ада»⁵², а с другой стороны смерть есть друг, т.к. «не оживет, аще не умрет» и «сеется в тлении – восстает в нетлении», «сеется тело душевное, восстает тело духовное»⁵³, как зерно вырастает в борьбе, преображается в страшной и трагической борьбе, через распадение менее совершенного становится более совершенным.

Платон не просто конструирует мир идей, в «мире идей» символически запечатлеваются его прозрения, его видения внутренней нравственной красоты человеческой личности. Учение о мире идей, «это основное учение не было **догматом** в глазах Платона и его учеников; сам Платон не раз подвергал его критической переработке»⁵⁴, более того, «судя по диалогам Платона и в особенности по его позднейшим произведениям, он сам как истинный философ поощрял своих «сотоварищей» к диалектической критике и проверке самых оснований своего учения»⁵⁵. Учение об идеях было выдвинуто

⁵¹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 358.

⁵² Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 309.

⁵³ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 309.

⁵⁴ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 345.

⁵⁵ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 400.

Платоном в средний – наиболее значительный и плодотворный – период творчества.

В последнем, старческом периоде философская мысль Платона испытала существенные изменения. В последний период своей деятельности Платон сближает свои идеи с числами пифагорейцев, сводя их к основным категориям единства и множества, предела и беспредельного.

Таким образом, источником платоновской философии является не только и не столько подсознательный Эрос (наивная, детская вера в правду – проявление коллективно-бессознательного). Подсознательное может проявляться не только в эресе, но и во сне, в грезах, в фантазиях и т.д. Источником платоновской философии (особенно, в средний, послесофократический, период) является **само сознание**, но не автономный разум И. Канта (способный из себя и от себя полагать и предписывать законы для воли), а разум, проясняющий внутренний, сверхчувственный (живой) опыт. В европейской философии запечатлен этот формальный момент сознания, то «Я мыслю» (ведущее свое начало от Августина Аврелия), что сопровождает все философские представления (но сознание не является источником философских представлений). Более того, само сознание рождается из конфликта, столкновения противоположностей, антиномий, другими словами, **из сомнения**.

Сущностью сознания является строгое противопоставление (у Платона – это противопоставления чувственного и сверхчувственного бытия). Гегель призывал не бояться, а стремиться к противоречиям, последние формируют индивидуальное мышление (сознание). Вот почему философию нельзя свести к преподаванию, потому что философское знание получено в результате творческого разрешения антиномий.

Философия начинается с **сомнения** в традиционных воззрениях. Философия заключается в смелости также как и Иов сказал, «что он не видит ни справедливости, ни Провидения, ни даже Бога»⁵⁶. В философском сомнении мир, как он представляется в моем сознании, лишается достоверности, так как этот представленный в моем сознании мир – не столько не истинен, сколько не добр. Другими словами, человек не принимает не столько представления о мире, сколько сам мир; бунт человека направлен на мир, в первую очередь. И, наоборот, мысль о том, что несправедливость мира – лишь одно из моих представлений (кажущееся бытие, явление) – в какой-то степени утешает. «Феноменологическая редукция» Гуссерля и есть

⁵⁶ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 307.

утешительное напоминание о том, что увиденная мною трагедия мира может лишь казаться (представляться, являться) мне такой уж универсальной и абсолютно непреодолимой.

Сомнение, направленное на мир как он представляется нам – это то общее, что мы находим в философских учениях. Сомнение – «это единственная в своем роде операция хорошо известна в философии; она столь же стара, как и сама философия и мистика.

Это философское посвящение; и первым посвящением был Платон. Но тот философ, который в наши дни уточнил, кстати, замечательным образом, эту операцию универсального сомнения, – это Гуссерль. Он ее называет «феноменологической редукцией». Весь мир сводится к явлениям. Кстати, слово «явление» принадлежит Платону; это он впервые сказал, что «чувственный мир сводится для нас к явлениям – к тому, что является и рождается».

Для Канта тоже чувственный мир – ... «только чистое явление, только представление». А Шопенгауэр говорит: «Мир – это та идея, которую я себе о нем создаю, это мое представление о вещах»⁵⁷. Универсальное сомнение Декарта – это философское сомнение, **особое** сомнение, совершенно неизвестное для повседневного мышления, и даже для науки; это сомнение в том, в чем не сомневается здравый рассудок; это сомнение во всех человеческих суждениях о мире, во всех суждениях точных наук (ибо они высказаны также по поводу объективной реальности); сомнению подвергается весь (казалось бы наблюдаемый!) мир, который представляется нам существующим в пространстве и времени. Быть может, весь мир не реальность, а сон, иллюзия? Сомнение, редукция (буквально «сведение», «уменьшение») – есть попытка сведения мира к моим представлениям, эта попытка, например, у Декарта, преследует определенную **цель**: найти то предметное содержание, которое **невозможно свести** к моим представлениям (к вещам, как они существуют для нас), другими словами, то, что не сводимо к моим представлениям и будет истинным бытием, а не кажущимся. Для Гуссерля цель феноменологической редукции – очищение сознания, противоборство процессу замутнения сознания, которым сопровождается наполнение сознания предметным содержанием, представлениями. **Кажущемуся бытию** (под последним подразумевается бытие, мыслимое в том виде, как оно кажется или представляется нам существующим) противопоставляется **истинное бытие**.

Философия как **метафизика** подавляющим большинством авторов понимается как учение об истинном бытии, «т.е. о бытии, мыслимом в

⁵⁷ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 299.

том виде, как оно существует само по себе, независимо от того, каким оно сознается нами или каким представляется нам существующим. При этом истинное бытие противопоставляется **кажущемуся бытию** ... Истинное и кажущееся бытие называется еще и другими именами. Под влиянием греческой философии первое называют **ноуменами** (от греческого слова «мыслимое», «умопостигаемое») или **ноуменальным бытием**, а второе – **феноменами** (от греческого слова «казаться») или **феноменальным бытием**. С конца же восемнадцатого века под влиянием немецкого философа Канта (1724-1804) истинное бытие называют также **вещами в себе**. Это перевод латинского выражения *res in se* или немецкого *Ding an sich*. Кажущееся же бытие под влиянием Канта стали называть **явлениями** (*Erscheinung*). Но надо твердо помнить, что слово «явление», когда под ним подразумевают кажущееся бытие, имеет более широкое значение, чем в естественных науках. В последних явлением называется только какая-либо перемена в вещах, но не сами вещи, напр.: падение тела, соединение химических веществ в одно сложное тело, разложение сложного тела на простые и т.п. В философии же называют всякое кажущееся бытие явлением.

Однако не следует думать, будто бы понятия истинного и кажущегося бытия созданы метафизикой. Напротив, они от нее получили только свои разные названия, а возникают они, но без определенного названия, еще раньше всякой метафизики. Это они заставляют ее возникнуть. Происходит это следующим образом: наблюдая бытие, как оно дано нам в опыте, мы сначала, конечно, относимся ко всем данным опыта с полным доверием. Сначала мы вполне убеждены, что все они образуют собою истинное бытие. Но постепенно мы встречаем ряд фактов, внушающих нам подозрение: таково ли истинное бытие, как то, которое дано нам в опыте? Напр.: нам кидается в глаза, что та самая вещь, которая одним человеком чувствуется как теплая, другим чувствуется как холодная. Или: человек, отличающийся той особенностью зрения, которая называется дальтонизмом, видит спелую ягоду земляники и лист земляники одинаково окрашенными, причем никак не узнаешь, какой именно цвет имеют в его глазах и лист, и ягода: тот ли, который другие люди называют красным, или же тот, который зеленым, или же какой-нибудь неведомый третий. Сам дальтонист может только сказать, что и лист, и ягода одного цвета, описать же этот цвет, конечно, нельзя; ведь цвет настолько неопишуем, что слепорожденных никакими описаниями нельзя довести до знания цвета. Но разве могла бы одна и та же вещь быть сразу и теплой и холодной, окрашенной для дальтониста в один, а для других людей в другой цвет, если бы она воспринималась нами в опыте в том виде, в каком она существует и в действительности? Кроме

того, есть множество других фактов, которые возбуждают то же самое подозрение: таковы ли вещи в действительности, какими они нам кажутся данными в опыте? ... упомянутое подозрение принуждает философию уже при самом ее возникновении заняться исследованием истинного бытия⁵⁸.

Философское сомнение – это неверие в окончательную трагичность мира (христианство) или невозможность для человека преодолеть эту трагичность (Платон, индийская философия).

Превращение диалектического метода в метафизику

Метафизическая точка зрения на мир отличается от мифологической (обыденной) и научной. В мифологической картине мира трагизм мира преобладает, в подлинной философии – трагизм (конфликт, антиномичность мира) – лишь один из видов связи между противоположностями (разностями), причем вид связи (отношения), характеризующийся нестабильностью, временностью. Таким образом, этот вид связи преходящ, временен, а не вечен.

В научной картине мира (особенно в связи с системным подходом), наоборот, делается акцент на гармоничность (системность) природы и общества.

В XIX в. существование порядка и гармонии в природе часто использовалось теологами как свидетельство существования сверхъестественного творца. Считалось, что многочисленные чрезвычайно утонченные механизмы природы – такие, как порядок в расположении планет Солнечной системы или сложная организация живых существ, являются убедительными доказательствами существования «разумного планирования» природы. Несмотря на внешнюю привлекательность, подобные рассуждения, как и многие последующие попытки вывести наличие плана из рассмотрения явлений природы, подверглись критике философов и ученых.

Один из контрдоводов, используемых и по сей день, является указанием на вымышленность природной гармонии. Человеческий разум может обнаруживать порядок даже там, где его нет. Хорошим примером этому могут служить знаменитые созвездия. Наши предки воспринимали хаотическое распределение звезд на небе как упорядоченную картину. Ведь в действительности не существует ни Большой Медведицы, ни Девы, ни Скорпиона – все это лишь случайный набор светящихся точек. Но этот аргумент в данном случае не применим. Законы физики знаменуют собою реальный успех в нашем понимании природы. Причем существуют вполне объективные способы

⁵⁸ Введенский А.И. Метафизика и ее задачи. Истинное и кажущееся бытие // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990. – С. 383-385.

установить наличие порядка в физической системе. Например, можно подтвердить порядок экспериментально или наблюдением. В свое время Э. Мах высказал точку зрения, которая легла в основу его космологических представлений, а именно, действительность следует привязывать к наблюдениям. Поэтому было бы нелепым представлять фундаментальную физику измышлением ума, не имеющим к реальности никакого отношения.

В фундаментальной физике законам природы соответствуют математические выражения, которые зачастую известны математикам до их применения к реальному миру. Математическое описание изобретается не просто для лаконичной формулировки законов природы. Часто совпадение свойств природы с конкретными математическими выражениями оказывается совершенно неожиданным, структура математического описания **выявляется** по мере анализа физической системы.

Хорошим примером может служить описание взаимодействий природы в одиннадцатимерном пространстве. Математическое «чудо» заключается в том, что законы действия сил могут быть выражены через ранее неясные геометрические свойства многомерного пространства. Разумеется, это вызывает восхищение, однако, обнаруженный здесь порядок, не является плодом нашего воображения, навязанным природе. Точно также упорядоченность живых организмов, очевидно, не плод нашего воображения.

При объяснении гармонии и порядка природы необходимо различать две совершенно разные формы порядка.

Многие физические системы обладают устойчивыми состояниями, которые демонстрируют высокую степень простоты и симметрии. Разумеется, предстоит еще объяснить, каким образом системы приходят в такие состояния. Одна из причин заключается в том, что сложные состояния неустойчивы. Например, состояние атома водорода с наименьшей энергией сферически симметрично, тогда как большинство возбужденных состояний не обладают этим свойством. Аналогично жидкое гравитирующее тело принимает в состоянии равновесия (в отсутствии вращения) форму идеальной сферы. Физические системы стремятся занять положение с минимальной энергией – это универсальный закон природы. Если система первоначально обладает избытком энергии, т.е. находится в возбужденном состоянии, то включаются всевозможные механизмы, стремящиеся освободить ее от этого избытка. Рано или поздно система переходит в состояние с наименьшей энергией, которое, как правило, является простейшим. По этой причине пространственный порядок представляет собой общее

свойство нашего мира. Пространственный порядок, управляющий физическими системами, отражается в симметрии законов физики.

Хорошим примером пространственного порядка служит кристаллическая решетка. В кристалле атомы удерживают друг друга, образуя правильную структуру простого геометрического вида, обладающую высокой степенью симметрии. В основе кристаллической структуры лежит атомная ячейка определенного типа, отражающегося в симметричной форме, которая характерна для кристалла (например, кристалл поваренной соли обладает кубической формой). Именно атомной симметрией в конечном счете обусловлена правильная форма снежинок. Еще одним примером пространственного порядка является строение Солнечной системы, в которой планеты почти сферической формы обращаются по почти круговым орбитам вокруг почти сферического Солнца.

Обратимся теперь к временному порядку. Его можно увидеть в регулярном течении многих естественных процессов: колебаниях атома, смене дня и ночи, зимы и лета. **Периодическое движение** – колебания – представляют собой, вероятно, самый распространенный в физике пример порядка. Волнообразные колебательные движения составляют существо всех квантовых движений; электромагнитные волны переносят теплоту и свет во Вселенной; планеты, звезды и галактики содержат объекты, движущиеся в пространстве по периодическим орбитам.

Пространственный и временной порядки обусловлены соотношениями фундаментальных физических взаимодействий.

Кроме понятия порядка, заключающегося в простоте и симметрии (причем этот порядок может возникать как в пространстве, так и во времени), существует понятие порядка как **сложной организации**, которая характерна, в частности, для живых организмов. Рассмотрим, к примеру, глаз человека. Этот хрупкий и сложный механизм, похоже, специально «сконструирован» для того, чтобы обеспечить нам возможность видеть. Миллионы клеток глаза и зрительного нерва в высокой степени специализированы с точки зрения их функций; они взаимодействуют с соседями строго определенным методичным образом. Биологи не отрицают невероятно высокого уровня адаптации глаза или любого другого органа. Тем не менее, у них не возникает необходимости предполагать, что глаз был заранее «сконструирован» и собран какими-либо сверхъестественными силами. Теория эволюции вполне удовлетворительно объясняет, как возник глаз человека. Изучения ископаемых останков и сравнительная анатомия дают детальную картину поэтапного развития столь сложного органа, как глаз, в течение многих поколений. Случайные генетические изменения

порождают произвольный набор возможностей, из которых природа отбирает только то, что дает преимущество организму в его непрерывной борьбе за выживание. Лишь путем перебора чрезвычайно широкого диапазона возможных изменений орган совершенно случайно находит вариант, который способствует его адаптации в условиях окружающей среды.

И наоборот, никто из биологов еще не пытался показать, что сложные системы являются неизбежным (или даже вероятным) следствием действия физических законов; все имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что многие сложные системы предельно чувствительны к реальному виду этих законов. Если бы Вселенная возникла с несколько иными соотношениями фундаментальных физических взаимодействий, то сомнительна была бы сама возможность возникновения любых сложных структур. Поэтому соотношения физических взаимодействий, выраженные в законах, допускают **как** порядок, выражающийся в пространственной и временной простоте, **так** и порядок, проявляющийся в сложной организации.

В метафизике рассматриваются три вида соотношения (связи) противоположностей (разностей):

1. **Индифферентное совпадение противоположностей.** Сюда относятся такие противоположности, как часть и целое, север и юг, причина и следствие, субстанция и акциденция, положительное и отрицательное. **Пространственно-временные противоположности**, как «там и здесь», «теперь и тогда», принадлежат к этой группе соотношений противоположностей. Противоположности здесь совпадают неизменно: «часть» всегда есть часть целого, так же как «причина» всегда есть причина какого-нибудь следствия. Соотношение (связь) противоположностей здесь представляет собой **устойчивое равновесие**. Соотношение противоположностей здесь задано, и противоположности не имеют нужды приспособляться друг к другу. В этом смысле они и связаны «индифферентно».

Но существуют и два других вида связи, которые не образуют устойчивого соединения, а представляют собой **динамическую активность взаимосвязи**; в силу этого противоположности совпадают не индифферентно, но постоянно приспособляются друг к другу, заботятся друг о друге, вступая в борьбу или стремясь к примирению.

2. **Борьба противоположностей.** Отдельные примеры здесь излишни, так как весь «лежащий во зле мир» дает их в большом количестве. Все конфликты во внешнем и во внутреннем мире, так же как и конфликты между самими внешним и внутренним миром, принадлежат к этому виду отношений противоположностей. И так как

конфликт противоположностей встречается везде, то Гераклит и мог сказать, что борьба есть отец всех вещей.

Все противоположности «связаны концами», как говорит Платон, но связь эта различна. В данном виде отношения противоположности связаны также, даже скованы друг с другом, но связь их непостоянна и не лишена движения как в предыдущем случае; они связаны друг с другом не «равнодушием», а «ненавистью». «Противоположности взаимно уничтожающие», взаимно исключают, – как говорит древнегреческий философ Аристотель (384-322 до н.э.). Подобное состояние имеет в виду английский философ Томас Гоббс (1588-1679) в своей замечательной диалектике общества, как «войны каждого против всех»; противоположности пожирают друг друга: «человек человеку волк». Суть этого вида соотношения противоположностей можно выразить так: взаимное исключение, «или – или», невозможность сосуществования, отталкивание. Взаимное исключение может быть реальное или идеальное, т.е. невозможность сосуществования суждений, вещей, сил, живых существ. Оба принадлежат к одному и тому же широкому виду противопоставления, к одному и тому же широкому виду соотношения противоположностей. Существует отталкивание реальное и отталкивание логическое. Совершенно неправильно думать, что существует только «логическое» противоречие и что нет противоречия «реального»: живые люди могут противоречить друг другу, и противоречивые идеи могут вести между собой реальную войну, находиться в отношении реального отталкивания, сопротивления. Первая группа показала нам другую категорию противоположностей, ибо север не «сопротивляется» югу, так же как следствие не может «сопротивляться» причине, хотя оно ей противоположно. Судьба, фатум – символ **игры** противоположностей; здесь «вечность играет миром, как ребенок песком» (Гераклит).

Противоречие само по себе является отрицательной ценностью, которую стремятся избежать. Поскольку здесь противоположности не выносят друг друга, противоречие становится **невыносимым**. В этом смысле противоречие есть источник страдания и трагического. На противоречии нельзя успокоиться, нельзя на нем остановиться, оно не может быть признано «окончательным» – и потому требуется установление другой связи противоположностей. И если противоречие означает отталкивание, т.е. борьбу, то этим другим, этим разрешением противоречия может быть только мир. Мы приходим, таким образом, к новому отношению противоположностей.

3. Гармония противоположностей – не есть совпадение (тождество) противоположностей, она есть гармония полярности, противопоставление и в то же время взаимное согласование, так как

«противопоставление само с собой согласуется, и из стремления противоположностей в разные стороны рождается прекраснейшая гармония – и все это через спор» (Гераклит). Это новое отношение противоположностей, при котором они не исключают друг друга, не уничтожают друг друга и не пожирают, но взаимно питают – «противное питает противное», говорит Аристотель. Откуда родится дружба, гармония любви, от сходства или противоположностей? – спрашивает Платон и отвечает: «Наиболее противоположное наиболее любезно наиболее противоположному (диалог Платона «Лизис»). Из спора возникает гармония – и чем **сильнее расхождение**, тем глубже и крепче преодолевающее его объединение.

Те же самые элементы бытия, которые там могли бороться, здесь вступают в отношение взаимного **дополнения**. Такое счастье, в сущности, есть **чудо**, при котором оказывается, «третье дано»: это есть рождение новой, прежде несуществовавшей ступени бытия (творчество). Такой переход не схватывается сознанием, остается совершенно вне сознания, поэтому **трудно понять**, как это возможно. Установить можно только одно: здесь лежит тайна творческого подъема, сублимация, «снятие» низшего через высшее. Третий вид отношения противоположностей призван «снять» состояние борьбы и противоречия и избавить нас от него. Все иерархическое строение бытия в его становлении от атома к живой клетке, от одушевленной жизни к живому духу, от первобытного состояния человечества к культурному, – можно понять (и объяснить) только в том случае, если признать третий вид отношения противоположностей, который является основой этого подъема (восхождения) бытия. Прежняя вражда может позже превратиться в особенно прочную дружбу и любовь.

Таким образом, бытие в подлинной философии – не плоское, а объемное, не разворачивается в плоскости трагизма (конфликта) или гармонии, а иерархично, многокачественно; бытие находится в ритме **вечного разрешения** антиномий, преодоления конфликтов противоположностей и их гармонией, бытие полно ритма становления, а не только ритма борьбы. Ритм борьбы – лишь часть ритма становления.

Подлинная философия развертывает систему ... ступеней бытия. Причем каждая ступень раскрывает новое качество бытия. Упрощая и схематизируя, мы можем наметить такие ступени:

1. Категории физико-математического бытия (материально-пространственные процессы).
2. Категории органического бытия (растительно-животные процессы).
3. Категории бытия психического (сознание и подсознание) ...

4. Категория бытия духовного, тоже имеющего несколько ступеней: наука, техника, экономика, право, мораль, искусство, религия.

Рассматривая эту иерархию ..., нетрудно заметить один удивительный закон; он был сформулирован еще Аристотелем, а затем Гегелем: всякая высшая ступень бытия и ценности предполагает и содержит в себе все процессы механические и химические; психическая жизнь предполагает и содержит в себе процессы органической жизни. Духовная жизнь предполагает и содержит в себе психические процессы подсознания и сознания. В этом смысле человек во всей полноте своей есть механизм, химизм (обмен веществ), организм: есть неодушевленное растение, одушевленное животное и, наконец, творчески-свободный дух. Аристотель выражает этот закон соотношения ступеней в понятиях формы и материи: всякая низшая ступень бытия есть материя для высшей, которая есть ее новая форма; так, организм есть особая форма физико-химических процессов; душа есть особая форма органической жизни. Дух и свобода – особая форма психических процессов. Ясно, что всякая новая и высшая форма предполагает и содержит в себе предшествующую и низшую, как свою материю. Она формирует ее по-новому⁵⁹.

Первые три ступени бытия составляют **царство природы**, а над ними возвышается **царство духа и свободы** (дух и свобода – одно и то же). В метафизике выявляется и вектор движения бытия как восхождение к гармонической связи противоположностей (самоорганизация, оформление), а не как нисхождение (энтропия, распад); вектор движения бытия – от борьбы противоположностей к их гармонии (становление). Гармония противоположностей – это не универсальная связь, а основное направление становления бытия. Становление бытия – движение по ступеням вверх, лестница ступеней, которая явилась в сновидении Иакову, вершина этой лестницы – на небе, а основание – на земле⁶⁰. Символом становления бытия в Библии является радуга как мост, который свяжет землю и небо.

Гегель в отличие от Аристотеля и школьной логики «стремился не избегать противоречий, а находить и культивировать их. Правда, он отличает **противоречие**, в котором одно понятие противостоит другому, от бессмыслицы, которая есть механический набор понятий. Именно противоречия и сообщают реальности ее динамичность. Говоря словами самого мыслителя – «противоречие ведет нас вперед»⁶¹. Для Гегеля диалектика – не только метод, диалектика укоренена в самом бытии, есть не что иное, как законы становления бытия (процесс

⁵⁹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 216.

⁶⁰ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – С. 384.

⁶¹ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М., 1996. – С. 421.

становления разворачивается согласно знаменитой триаде: тезис, антитезис, синтез).

Таким образом, в метафизике была поставлена проблема Абсолюта (абсолютного бытия, истинного бытия, универсальной гармонии) как **конечной цели** становления бытия.

Б.П. Вышеславцев указывает на то, что религия и философия (начиная, с древней философии) занимаются проблемой конечных целей в отличие от позитивных наук; проблемы последних имеют текущий, ситуативный характер и их значение не выходит за пределы их самих. Философия и религия заняты поиском Царства Правды, Софии, Всеединства, Абсолюта, истинного бытия, мира идей и т.д. «Позитивная наука, построенная на законе причинности, «каузальная», совершенно не может заниматься проблемой конечных целей и дать людям ответ на вопрос о последнем смысле жизни ... Поэтому прав Гегель, когда он говорит, что объект философии тот же, как и объект религии»⁶². Даже если ученый находит в своей собственной науке проблему смысла жизни или проблему Абсолюта, то он так или иначе входит в ту область, которая подлежит компетенции философии.

Философское сомнение как преобразование иррационального сопротивления свободы воли. Возможность познания истинного бытия

Сомнение имеет основу в структуре человека, структуре личности. Современная аналитическая психология (психоанализ) открыла в глубинах человека первичные иррациональные влечения, которые вступают в конфликт с нашими рациональными представлениями. Б.П. Вышеславцев указывает на «закон иррационального противоборства», открытый нансийской школой психологии (Э. Куэ; Шарль Бодуэн (1893-1963)). Моральный запрет пробуждает в нас стихийное «не хочу». Вышеславцев различает «два основных вида этого противоборства: сопротивление плоти и сопротивление духа. Что касается сопротивления плоти, проблема здесь не является слишком сложной. Об этом сопротивлении хорошо знали подвижники («плоть немощна, а дух преодолагает»). Сопротивление плоти может быть истолковано как слабость человеческой природы, уступающей чувственным соблазнам. Сложнее обстоит дело с сопротивлением духа. Это духовное сопротивление коренится в свободе воли, которая в последней глубине иррациональна⁶³. Вот почему моральный закон, основанный на запретах и «табу» (не убий, не укради и т.п.), несмотря на освященность его такими авторитетами, как Моисей и Кант,

⁶² Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 228-229.

⁶³ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – С. 409.

оказывается столь часто бессильным перед лицом эмоций, страстей и злой воли. Запреты пробуждают дух иррационального сопротивления подсознания велениям этического разума. «Пришел закон, и умножился грех», – не устает Вышеславцев цитировать замечательное наблюдение апостола Павла. Подсознательные силы невозможно подавить разумом. Иррациональные силы, загнанные в подполье рано или поздно отомстят за свое подавление – прорвут плотину цензуры сознания и выразят себя или в остром неврозе, или в аморальном поступке. Темные силы подсознания можно победить лишь другим путем.

Прежде всего, необходимо признать, что иррациональному сопротивлению свободы присуще духовное значение. В этой своей глубинной части душа человека необычайно проницаема для других душ и лиц. В подсознании дана сразу и в настоящем, а не прошедшем времени, вся история души. «Погружаясь в глубину собственного подсознания, мы находим там подпочвенное напластование всех слоев нашей жизни ... если мы спустимся еще глубже, то увидим, что в этих напластованиях нашей жизни, точнее под ними, можно открыть еще более древние пласты эмоционально-бессознательной жизни народа и всего человечества. Документы коллективно-бессознательного: мифы, символы, «архетипы» ... Множество душ живет во мне, иные анонимно и суммарно, иные – в отчетливом индивидуальном воображении (герои, пророки, Богочеловек). Потенциально все души живут во мне и действуют, хотя бы в бесконечно малой степени. Живут в предчувствии и будущие индивидуальности – в этом смысл пророчества, например, о Мессии ... всякая душа соборна, ибо она есть собрание образов и отражений прежде бывших и грядущих душ и лиц ... поэтому ей незачем «переселяться», или, если угодно, она «переселяется» и «перевосплощается» в этой своей короткой жизни бесчисленное число раз, посредством памяти и фантазии»⁶⁴. Именно в глубинах коллективно-бессознательного происходит встреча человека с Христом, Богом, Сократом, который вновь молод и прекрасен, как это сказал Платон о нем. И наш образ живет в чужом подсознании. В этой своей части наше сознание открыто («в одном Лейбниц не прав: монады не имеют «окон и дверей» не потому, что они закрыты и в них нельзя проникнуть, а как раз наоборот – потому что они абсолютно проницаемы, а потому не нуждаются в «окнах и дверях»⁶⁵). Сознание в этой своей части есть «зеркало вселенной», в котором отражается «целый мир, полный бесконечности», есть центр (монада), схватывающий и посылающий излучения энергии, есть солнце, освещающее чувственный мир.

⁶⁴ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 312-315.

⁶⁵ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 322.

Русский философ, представитель интуитивизма и персонализма Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965) другими словами говорил о том же, настойчиво утверждал и доказывал **наличие самого бытия** в познавательном акте (в сознании). «Лосский имел смелость договорить и домыслить то, что у его предшественников было лишь намечено. Он утверждал, что мы в состоянии познавать «вещи в себе», запрещенные Кантом. Причем в рамках системы Лосского это не было противоречием, поскольку он учил об открытой, а не закрытой структуре сознания»⁶⁶. Лосский учит о досознательном имении предмета познания в сознании. Это досознательное имение «коренится в самой структуре бытия, в имманентности всего всему в мире.

Лосский сам рассказывает, как «осенила» его эта основная интуиция: когда он шел по улицам Петербурга, в тысячный раз задумавшись над гносеологической загадкой, и кинул взгляд на сливавшиеся в петербургском полутумане здания, ему вдруг в голову пришла мысль: «Все имманентно всему»⁶⁷. В книге «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» Лосский пишет о том, что существует связь сверхвременных и сверхпространственных деятелей (душ) друг с другом, благодаря которой все, что переживает один деятель как свое прояснение, существует не только для него, но и для других деятелей всего мира. Эту связь Лосский называет «координацией субстанциальных деятелей». А «гносеологическая координация» (досознательная связь сознания и бытия) оказывается частным, гносеологическим аспектом этой метафизической имманентности друг другу всех индивидуальных субстанций.

Именно наше подсознание не дает нам согласиться с нашими сознательными (рациональными) представлениями о чувственном мире. Например, рационально мы осознаем ритм рождения и смерти, «необратимость временного ряда есть мудрость сознания, ... в этой мудрости много печали, и кто умножает познание, умножает скорбь. Коллективно-бессознательное счастливее. Если смерть и время царят на земле, то они царят прежде всего в сознании и для сознания»⁶⁸. Подсознание не верит в смерть, игнорирует смерть. Погружаясь в подсознание, мы погружаемся не в небытие, а в самое **интенсивное бытие**. Полемизируя с немецким философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером (1889-1976), Вышеславцев утверждает то, что погружение в подсознание ставит человека лицом к лицу не с Ничто (это лишь диалектически предварительная стадия), а с самим Абсолютом, бытием.

⁶⁶ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – С. 309.

⁶⁷ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – С. 310.

⁶⁸ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 313.

Таким образом, сомнение в наших осознанных представлениях равносильно угасанию сознания, потере стремления сознавать и равносильно высвобождению обратного стремления – стремления погружения в бессознательное, интуитивное. И оно, бессознательное, быть может ценнее, прекраснее дневного сознания с его заботами, страхами и мучениями совести. Для Платона – бессознательное – мир идей – это то, что дает надежду человеку: «говорит в «Республике» Сократ ... «уподобив видимый нам мир темнице в подземелье ... узник, выходящий из подземелья и созерцающий горний мир – душа, восторгающаяся в «умное место» ... Так я уповаю, и Бог знает, истина ли моя надежда...»⁶⁹.

«Основная интуиция Декарта запрятана ... в словах, которые все читали в учебниках: «Я во всем сомневаюсь, я мыслю, следовательно, я существую» ... Результат этого сомнения Декарта, результат его «редукции» Гуссерль определил одним словом: «мыслю»; ибо у Декарта «мыслю» – это все сознание, которое охватывает не только мои мысли, но и»⁷⁰ мое бессознательное, а, следовательно, охватывает бытие, происходит погружение в бытие. Сомнение в мире чувственных вещей дает нам реальность самого бытия, я нахожу другую реальность, реальность иного измерения, и эта реальность очевидна. Наивный реализм (здравый смысл), который отправным пунктом считает мир вещей, землю объектов – не есть философия, а философия, которая ищет истинное бытие – не есть здравый смысл. Рефлексия освобождает человека от власти внешнего мира, так как этот внешний мир во многом является моим представлением о нем.

Истинное бытие в восточной и западной философии

Прежде всего, истинное бытие есть царство имперсональных и персональных ценностей, поэтому требует суждений о ценностях, а не теоретических суждений, как в науке. «Царство ценностей открывает нам новую область, которая лежит за пределами математики, физики, биологии, – словом, всего, что имеет дело с «Сущим». Науки о природе не имеют дела с суждениями о ценностях ... Они не имеют дела с тем, что должно быть, они устанавливают только то, что есть»⁷¹. Научная истина не является суждением о ценности. Французский религиозный философ, математик, физик Блез Паскаль (1623-1662) первый высказал мысль, что ценностные суждения являются суждениями нашего чувства, а не суждениями математического рассудка. Ценности не усматриваются теоретическим разумом, но они чувствуются. Для этого

⁶⁹ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 363.

⁷⁰ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 299-300.

⁷¹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 294.

нужно, однако, обладать очень тонкой способностью чувствовать. Такое чувство не есть расплывчатая сентиментальность, не есть субъективная фантазия, но некая особая способность суждения. У Канта она была названа «практическим разумом».

Паскаля интересуют моральные ценности, потом ценности эстетические, наконец, ценности политические, правовые и т.п. ... Различение ... ценности ... есть особый род суждений – не суждения разума, но суждения сердца. И подобные суждения имеют свою очевидность, они могут быть своеобразно доказаны. «Доказательства эти, – говорит Паскаль, – иного рода, чем те, которые применяются в геометрии». Сердце имеет свою логику, которая не известна рассудку. Сердце имеет свой собственный порядок идей, отличный от рассудочного порядка ... Шелер ... был первым из философов, который открыл у Паскаля мысль о «логике сердца». На этой идее построил он свою теорию ценностей, продолженную Гартманом и отраженную в психологии Юнга. Шелер показал, что ценности располагаются в особом иерархическом порядке. Эта идея о порядке ценностей была также предвосхищена Паскалем. Для него ... моральное суждение ... важнее, чем теоретическое суждение науки, так как оно определяет всю жизнь и всю судьбу человека. Мы видим здесь предвосхищение учения Канта о «примате практического разума», что часто игнорируется в истории философии.

Еще выше, чем моральные ценности, Паскаль ставит ценности религиозные, и из них главную – «святости». Здесь открывается самое высокое, что может чувствовать сердце ... С точки зрения христианской религии персональные ценности стоят выше имперсональных (безличных) ... Можно установить три ступени персональных ценностей: 1. Величие земных владык, сильных и богатых мира сего, вождей человечества, – величие это есть, в конце концов, телесное, а не духовное. 2. Величие человеческого гения, Архимеда, Платона. Это – величие человеческого духа. 3. И, наконец, величие святости, превосходящей все другие своим блеском. Таков Иисус Христос и сонм святых, превосходящих своей ценностью все остальное⁷². Царство ценностей может религиозно (мистически) переживаться. Но переживание царства ценностей – это глубочайшее переживание человека.

Все сложные системы (живые существа, духовные явления) представляют собой системы гармонической полярности, где трехчленное строение – раздвоенности и примирения в третьем – составляют, разумеется, только принцип и ритм в высшей степени

⁷² Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 293-295.

сложной **дифференциации и интеграции** бытия (сложный процесс разъединения и объединения). Немецкий философ, историк, математик и физик Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716), безусловно, прав в своем определении **совершенства** как наибольшего единства наибольшего разнообразия или как предельной интеграции предельной дифференциации. Совершенство, по Лейбницу, состоит «в совместной возможности наибольшего числа вещей».

Универсальная гармония есть точное философское выражение для обозначения христианского Царства Божия, символический образ которого дается в предпоследней и последней главах Апокалипсиса. У Платона царство справедливости тоже мыслится как **гармония противоположности**, как «симфония и симметрия». Сюда нужно добавить отсутствовавшую в древнегреческом мышлении **идею актуальной бесконечности**. Это идея **конкретного всеединства**, известная также неоплатоникам: «единое и всё, всеединство». Философ раннего Возрождения Николай Кузанский (1401-1464) исследовал и обосновал идею актуальной бесконечности при помощи эллинской и византийской диалектики противоположностей и сопоставил ее с христианским учением «о Царстве Божиим». Для родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта (1724-1804) Всеединство (всеобъемлющий синтез, «всеобщее законодательство») не дано, а только задано, есть только ценность; оно **не есть бытие**, а только долженствование, идеал. Эта ценность здесь налицо, только «в той мере, в какой ее нет» (немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814)). С трагическим мужеством и с этической верой нужно твердо держаться этой идеи, «даже если она никогда не будет реализована...».

Великие религии расходятся в осмыслении возможности гармонического бытия. Универсальная гармония, «Царство Божие» в Индии рассматривается как иллюзия, как принципиальный обман. **Индийская религиозность** верит только во второй вид отношения противоположностей – отталкивание и противоречие. Первый вид совпадения противоположностей почти совсем не принимается во внимание, третий вид этого отношения, а именно гармония противоположностей, не составляет предмет веры индусов. В гармонию не верят, потому что она представляется преходящим моментом, и создается убеждение, что каждая система должна включать в себя страдания и испытывать гибель в силу внутренних или внешних конфликтов. Доказательством тому служит весь человеческий опыт, болезни, старость, смерть, страдания. Все эти явления представляют собой только отдельные виды реального противоречия. Для **Индии мир никогда не придет к «Царству Божию», к Абсолютному бытию,**

история мира не имеет ни ценности, ни цели. В буддизме приводятся подробные доказательства в пользу небытия Божия. В Упанишадах, и в философских системах Веданты и Йога, где Абсолютное (Браман) или Бог (Ишвара) признаются как истинно-сущее, мир никогда не придет к обители божественного величия и божественной славы. Мир вечно останется противоречивым, не просветленным. Господь Бог, Ишвара, царствует в вечности и в своей трансцендентности; далеко под Ним шумит поток мира и человечества в «Самсаре», в вечно повторяющемся круговороте возникновения и исчезновения. Если рассматривать вечное возникновение и вечное исчезновение как бесконечность (немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) в «Энциклопедии философских наук» обозначает эту идею трагической бесконечности понятием «дурная бесконечность»), задачу реализации Абсолютного как невыполнимую (см. предыдущий абзац, а именно, точку зрения И. Канта), то можно потерять мужество и веру. «Этот мир испытывает страдания посредством парных противоположностей» (Рамайна, 11,84,20). Свобода от противоположностей достигается слиянием с Абсолютным, растворением в Абсолютном, путем освобождения от всякого бытия, **путем состояния конечной трансцендентности**. И здесь открывается полная противоположность индуистского мирозерцания – эллинско-еврейско-христианскому.

Эллинско-христианская идея – это идея противоположностей и их соединения через гармонию. Согласно Гераклиту гармония космоса есть гармония лиры и лука. «Лук есть система противоборствующих сил. Чем сильнее напряжение отталкивающихся полюсов, тем лучше лук. Уменьшить или уничтожить сопротивление обоих концов лука – значит уничтожить самый лук. Но тетива лука может превратиться в струну лиры. Лира построена на том же принципе, как и лук: она есть многострунный лук, можно сказать, преображенный ... лук»⁷³. Гераклит и Гегель нащупали величайшие тайны диалектики, но они отождествляли и смешивали противоположности. Несовместимое и противоречивое не может быть соединено в гармонию, поскольку и пока оно остается несогласуемым. По Платону, необходимо особое искусство разрешения противоположностей, как, например, занятия музыкой или медициной, которые должны прийти на помощь, чтобы установить любовно-согласуемые отношения между враждебно-несовместимым. Гармония противоположностей ощущается и переживается нами как любовь и эрос. Эрос – это искусство по гармонизации бытия.

⁷³ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 245-246.

Всех греческих мыслителей можно разделить на тех, кто видел в универсальном порядке (космосе) состояние, действительно когда-то существующее, исторически предшествовавшее ненормальной действительности настоящего, и тех, кто представлял себе универсальную гармонию только как идеальную норму. Конечно, нет такого мыслителя, который придерживался бы исключительно первого или второго представления об универсальном порядке; они обозначают полюсы, между которыми расположен широкий спектр **реально существующих представлений на универсальный порядок**, истинное бытие.

В своей поэзии Гесиод («Труды и дни») полагает, что золотой век в далеком прошлом. «Созданные из золота, блаженные люди этой счастливой поры перешли от земной жизни к еще высшей доле: они сделали бессмертными демонами. Люди серебряного века уступали им в телосложении и мудрости, но все же были блаженны, доколе Зевс не наказал их за нечестие. На смену им он сотворил из меди страшных и воинственных богатырей, которые погибли, истребляя друг друга. За ними явился четвертый «божественный род» мужей, героев благородных и праведных; но и этих «полубогов» истребила злая война и жестокая битва – одних под стенами Фив, других – у Трои. Наступил нынешний «железный» век, отягощенный трудами, печалью и тяжкими заботами. Раздор господствует в нем, разделяя отцов и детей, друзей, союзников, братьев ... И однако, несмотря на все это ... Гесиод непоколебимо верит, что ... правда в конце концов восторжествует над преступной обидой»⁷⁴.

Еврейско-христианская идея – это идея творения мира. Элементы мира как сотворенные Богом – на самом деле дивно устроены, хороши и ценны. Через идею творения признаются все ступени бытия, через эту идею человек признает ценность самого себя, а также ценность культуры. Плохо то, что между разнообразными силами бытия существует раздор, конфликт. Гармония мира – не иллюзия и вовсе не является недостижимой. В греческой философии было высказано две точки зрения по поводу гармонии мира – либо эта гармония уже есть в **природе**, посюсторонняя, имманентна этому миру (но не в человеческом обществе), либо она трансцендентна миру, потусторонняя и никогда недостижима миром, даже если все в мире наполнено стремлением к этой гармонии (учение об идеях Платона). Еврейско-христианская вера – вера в достаточно **близкое** наступление универсальной гармонии. Например, вера Израиля, которая постепенно отделялась от представления о земном (политическом) царстве Израиля, в этой вере

⁷⁴ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – С. 82.

происходит усиление божественной стороны идеала. «Грядущее царство представляется Израилю с его человеческой и божеской стороны. Одни ждут простого восстановления дома Израилева ... Уже этот идеал имеет свою божественную сторону: грядущее царство есть реальное присутствие среди народа того Бога, которого небо и небо небес не могут вместить ... Сознание близости Божества порождает сознание близости этого царства с его судом и спасением: Господь у дверей ... Чем более разрушаются земные надежды Израиля, чем более теснят его враги, чем могущественнее те земные царства, которые угнетают его и оспаривают друг у друга власть над вселенною, – тем живее в Израиле ожидание конца, тем глубже покаяние его псалмов и тем пламеннее молитва о скором пришествии Господа <...> Бог истории есть Бог, Творец и Царь вселенной. В нем Израиль видит свое спасение, столь же близкое и действительное, как Он Сам Древний хаос не восторжествует вновь ... Царство Божие не только **будет** в конце времен, – оно было, оно предзаложено от начала, от сотворения мира и оно **есть** теперь в Боге <...> Апокалиптика родилась среди ... скорби Израиля, и ее предание связывало ожидание близкого «утешения» и «спасения» Божия с представлением о глубине предшествующих бедствий <...> Мысль о грядущем царстве проникает и псалмы Соломона (17, 3) и Сивиллинские оракулы (III, 47 и III, 766). Бог есть царь и ныне, царство Его близко, потому Он, несомненно, явит Свое единое царство, которому не будет конца»⁷⁵.

Для общественной философии, сложившейся в конце XVIII и в XIX столетиях, характерно ожидание близкого наступления царства правды, равенства и свободы; многие уже видели себя вступающими в обетованную землю общественного идеала. Это философия, которая опирается, с одной стороны на Руссо, Канта, Гегеля, а с другой – на Конта, Спенсера и Маркса. Все это признанные и руководящие вожди своего времени, имевшие огромное и редкое влияние на умы. Представители весьма различных и частью противоположных направлений, – все они сходились, однако, в общем ожидании грядущего земного рая. Они были убеждены:

1) что человечество, по крайней мере, в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования,

2) и что они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории»⁷⁶.

⁷⁵ Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. – С. 246-305.

⁷⁶ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 23.

Христианский теолог и философ, представитель христианской патристики Августин Аврелий (354-430) делит историю человечества на шесть периодов, символизируемых шестью днями творения. Августин считает, что в истории начался последний, шестой этап, который длится от рождения Христа до Страшного суда (шестой период – начало старости человечества, душа постигает Бога; но эта старость не падение физических сил, а достижение человеческой душой зрелости). Хотя Августин воздерживается говорить о временной продолжительности каждого из периодов, по его мнению, торжество религиозного начала уже началось. Католическая церковь есть Царство Небесное, ключи от Царства Небесного были вручены Спасителем (Христом) апостолу Петру. «Спаситель обращается к Петру как представителю всей церкви, когда говорит: «Ты еси Петр и на сем Камне созижду церковь Мою и врата адовы не одолеют ее» (Мф. 16: 18). Из всех апостолов один Петр удостоился послужить олицетворением церкви. В качестве такового ему даны были ключи Царствия Небесного: «ибо эти ключи получил не один человек, а церковь в ее единстве»⁷⁷. Симон был наречен Петром, что значит «камень». Впоследствии императорская власть оспаривала у католической церкви право называться Царством Божиим. Как стало возможным то, что земной град, империя выступила с претензиями на имя «Царства Божия»?

Августин отличает внутреннюю (невидимую) церковь от внешней человеку (видимой) церкви, но считает, что вне церкви спасения нет (историческая действительность была такова, что в те времена католическая церковь действительно спасала многих; например, предавая Рим огню и мечу, воины Алариха, сами христиане, «с благоговением останавливались перед христианскими храмами; побежденные находили в них спасение и убежище от ярости победителей. Одна церковь устояла среди всеобщего крушения, обратив поражение Рима в величайшее свое торжество»⁷⁸). Таким образом, Церковь действительно взяла на себя государственные функции. Впоследствии видимую церковь уже не отличали от невидимой, от церкви как мистического тела Христова (братства христиан). **Христианство получило юридическое, внешнее, государственное понимание.** Отсюда понятно, почему светская власть вступила в спор с церковной властью за право наименоваться божественной. Царство Божие было понято как внешнее человеку, произошла материализация Царства Божия. Античные представления о внешней человеку посясторонней (природной) или потусторонней гармонии,

⁷⁷ Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства. – С. 134.

⁷⁸ Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства. – С. 66.

представления об естественном праве, природном законе как божественном, соединились с внешним пониманием Царства Божия.

Ошибка любого **материализма** – это сведение (редукция) высшей формы (в данном случае универсальной гармонии) к ее низшей материи. Для всех видов материализма общим остается метод сведения высших форм бытия к низшим: этот метод Вышеславцев Б.П. называет «спекуляцией на понижение»⁷⁹. Эта ошибка является фундаментальной ошибкой, проходящей через всю науку, через всю философию на протяжении всех веков человеческой истории: это сведение, например, органической жизни к физико-химическим процессам (Энгельс, Тимирязев); человека – к животному (Руссо); статуи – к мрамору (аристотелевский пример наоборот); музыки – к звуковой волне; всего культурного древа – к хозяйству, экономике (Маркс); духовной жизни – к либидо, сексуальности (Фрейд); организма – к механизму (Декарт); Царства Божия – к церкви как социальному институту, или – к прусской монархии (Гегель), или – к народовластию (Руссо) и т.д. и т.п. Ясно, что «материи» у всех этих видов материализма – не имеют ничего общего между собой. Общей является лишь их ошибка, метод редукции, спекуляция на понижение. Мало какой вид материализма идет до конца, не останавливается в своем сведении и идет вниз до первоматерии, как это делает атомистический материализм. Например, советская философия останавливалась на «материи» Маркса, как на хозяйственном процессе, и не могла решиться ни на движение вниз, ни на движение вверх (на восхождение к Всеединству, универсальной гармонии). Философии необходимо порвать с материализмом, с игрой на понижение. Подлинная философия есть искусство мыслить до конца, подниматься от относительного совершенства мира к абсолютному совершенству, всеединству.

То, что Вышеславцев называет «спекуляцией на понижение», Николай Николаевич Страхов (1828-1896) охарактеризовал как «просвещенство». Этот, введенный Страховым, термин звучит карикатурой на подлинное «просвещение». Неписанный лозунг «просвещенства»: «а ларчик просто открывался», или «все очень просто». «Просвещенство» есть отрицание глубинности, многоэтажности мира. «Просвещенцу» мир кажется расположенным как бы в одной плоскости ... Философ Страхов, современник Чернышевского, дал хорошую формулировку «просвещенского мировоззрения» в следующих словах, представляющих собою нечто большее, чем просто пародию: «Между Богом и природою нет разницы. Бог есть природа, олицетворенная человеческой фантазией. Между

⁷⁹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. – С. 217.

духом и материей нет разницы. Дух есть некоторая деятельность материи. Организмы суть создания физических и химических сил. Между животными и человеком нет различия. Душевные явления совершаются у человека точно так же, как и у животных. Между душой и телом нет различия. Душа есть некоторая деятельность тела. Между мужчиной и женщиной нет различия. Женщина есть как бы безбородый мужчина. Между нравственностью и стремлением к счастью нет различия. Нравственно то, что ведет к человеческому благополучию. Между прекрасным и полезным нет различия. Прекрасно только то, что ведет к некоторой пользе».

Здесь одноплоскостный, плоский характер «просвещения» разоблачен с классической ясностью.

«Просвещение» есть уже пройденный этап мысли. Но для человека толпы оно до сих пор обладает заражающей силой, именно вследствие своей мнимой простоты. По поводу этой мнимой простоты Соловьев вспомнил цитату из Библии: «Многая простота удобопревертна есть». «Просвещение» и представляет собой пример такой «удобопревертной» простоты»⁸⁰.

Страхов считал «просвещение» болезнью. Страхов ошибался, заодно со славянофилами, только в том, что болезнь «просвещения» есть специфически западная болезнь и что зародилась эта болезнь на Западе в эпоху торжества материалистических понятий (на самом деле – это фундаментальная ошибка западной философии, которую можно проследить и в средневековой, и в древней философиях). Эта ошибка имеет к тому же не местный, а всемирный характер. Современный же Запад начинает изживать материализм и атеизм. Борьба с «просвещением» роднит Страбова с Достоевским, с ранним Вл. Соловьевым, с Данилевским, с представителями последовавшего русского религиозно-философского ренессанса.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) в своей работе «Что такое философия?» указывал на то, что философия отличается от науки прежде всего тем, что пытается познать не отрывок, фрагмент бытия, а полноту бытия, целостное бытие, бытие в состоянии соединённости (а не разъединенности), всеобщей связи. Как бы ни развивалось научное знание, оно всегда изучает только обрывки действительности. Но человеку, живущему в каждом ученом, необходима целостная истина (истинное бытие), иначе человека ожидает паралич воли, бездействие и даже злое действие (Достоевский) и так уж устроена его, человека, жизнь, что волей-неволей он составляет представление о едином Универсуме (верит или не верит в него, считает

⁸⁰ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – С. 108-109.

возможным или невозможным его познание). Поэтому научная истина точна, но недостаточна, а философская истина – достаточна, но неточна, не соответствует, другими словами, нашим внешним чувственным представлениям. Философия не имеет свой объект исследования в чувственном доступе, как имеет его наука, поэтому философия начинается с акта веры в Универсум (поэтому первый знаток философии – Аристотель называл философию – наукой, которая ищет свой предмет исследования; наукой, ищущей себя, которая себя ищет). Универсум – это не просто совокупность всего существующего, а гармония всего существующего. Итак, человек не может избежать философии, философия как философствование о мировой гармонии – это нечто неизбежное для каждого человека. Аристотель называл философию также божественной наукой, а как иначе можно назвать науку, которая ищет божественное.

2. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

2.1 Специфика философского знания

Философия как любовь к мудрости

Греческое слово **философия** буквально означает **любовь к мудрости** (от *phileo* – люблю и *sophia* – мудрость). Первое применение этого термина приписывают **Пифагору** (VI в. д.н.э.). По свидетельствам античных авторов, когда финикийский правитель Клеонт обратился к Пифагору с вопросом «кто он такой?», тот ответил: «Философ». Далее объяснив: «Жизнь подобна играшкам: некоторые приходят на них соревноваться, некоторые торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни некоторые, подобные рабам, рождаются жадными к славе и наживе, между тем как философы – к одной только истине». **София**, согласно с античной традицией, – высшая мудрость, которую вначале приписывали только богам. Владеть полной и определенной истиной могли только боги. Человек не может слиться с **Софией**, поскольку он – смертен, ограничен в познании. Таким образом, человеку оставалось доступно только непрерывное стремление к истине, никогда не законченное полностью, любовь к мудрости, которая вытекает из самого понятия.

Как описание активного, деятельного, страстного, любовно-эротического состояния души, что обеспечивает подъем и приближение к истине, зачастую не случайно слово **философия** использовал в своих диалогах **Платон**. Любовь, согласно с **Платоном**, не есть ни

прекрасное, ни благо, но – стремление к красоте и добру. Любовь – не бог, но и не человек. Она не смертная, но и не бессмертная. Она – одна из демонических существ, что объединяют человека и бога. Следовательно, любовь – это философия во всей полноте смысла этого термина. София – мудрость, ею владеет лишь бог. Темнота – судьба того, кто совсем лишен мудрости. **Философос** – это, в прямом смысле, тот, кто ни темный, ни мудрый, но, не владеющий мудростью, он заполнен страстью к ней.

Переполненный этим ненасытным желанием, он в вечном порыве к Красоте – Благу – Истине. Платон ставит философию значительно выше поэзии, искусства, риторики, которые не стремятся к истине, более того, не только не раскрывают, а иногда даже скрывают или фальсифицируют ее. Отмечая две ступени интеллигибельного (математически геометрическое познание – первая ступень, чистая диалектика идей – вторая ступень), **Платон** считал чистое философское созерцание идей высшей формой познания, способом восхождения к высшим идеям. Чрезвычайно высоко оценивая философию за ее бескорыстную любовь к истине, чистое желание достичь и созерцать ее, **Аристотель** писал: «Люди, философствуя, ищут знание ради самого знания, а не ради какой-то практической пользы». Философия, таким образом, с самого начала своего возникновения имела самой целью саму себя. Она стремилась к истине, которую следует искать, созерцать, истине самодостаточной, то есть истине как таковой. Поэтому **Аристотель** утверждал, что все остальные науки больше необходимы, но лучшей нет ни одной: Так как человека можно назвать свободным тогда, когда он является целью для самого себя, так и наука может считаться свободной только при данном условии. Привилегированный статус философии среди других видов духовной, интеллектуальной деятельности объясняется ее бескорыстным отношением к истинному знанию, чистой любовью к истинному знанию, мудрости, благодаря чему она является автономной и самодостаточной, действительно свободным творческим актом.

О природе философских проблем

Что есть мудрость? Какого рода знания и знания чего интересно для философов в первую очередь? Путь мудрости – познание необъятного. Мудрость состоит в том, чтобы обо всех известных людям вещах судить, исходя из признания их общей, неизменной основы. Постигание необъятного открывает человеческому уму вечное, бесконечное, единое в неисчислимом множестве изменяющихся, имеющих свой конец, разнообразных вещей. Вот почему не всякое знание (например, знание единичного, случайного, эмпирического

калейдоскопа повседневной жизни, «глупой бесконечности») является мудрость. Такое обилие знаний, мудрости не прибавляет, как говорит пословица: «Уму не учит».

Таким образом, цель философии – познание необъятного. Философия не только стремится **подниматься** над случайным и единичным, а и **перешагнуть** через время. Философская мысль – это мысль о вечном. Она является тем **волшебным зеркалом**, вглядываясь в которое человек видит себя как существо космическое, вечное. Поэтому в фокусе познавательного интереса философии на протяжении всей истории ее существования находятся такие вопросы (**вечные проблемы**): что является основой и первоначалом всего сущего; как соотносятся в мире материальное и духовное начала; в каком состоянии пребывает космический универсум (в движении он или в покое, хаотический или упорядоченный, свободный или детерминированный, имеет цель своего развития или нет). Но самое главное это то, что философов всегда интересовал не **мир сам по себе, не мир как таковой** (этот объективный мир является главным объектом внимания науки), а живое отношение **человек – мир**, взятое в целостности и общности.

Например, даже ранних греческих натурфилософов проблемы вселенной, космоса интересовали не сами по себе, а в контексте решения проблем человеческого бытия. За видимым бесконечным разнообразием тел и явлений природы греческие философы–досократики (VI–V вв. до н.э.) пытались познать единую сущность. Бесконечная сила, упорядоченность и гармония космоса были в глазах греков надежной опорой, основой того, что гармоничным и разумным должны быть и их общий мир, и их моральность. Софисты (**учителя мудрости**) уже в V в. до н.э. провозгласили известный тезис «Человек является мерой всех вещей», а **Сократ** в своей ироничной шутливой манере заявил, что природу он не замечает, она его не интересуется. Лозунгом его философии, как известно, стало выражение дельфийского оракула «Познай самого себя».

Человек – альфа и омега, исходный пункт и конечная цель философствования, какой бы материал не анализировался, какую бы форму не приобретала философия. Это направление философии проявляется на протяжении всей ее истории, имеет тенденцию к расширению и углублению антропологической проблематики. В эпоху Возрождения, к примеру, понятие предмета философии формулируется одним из замечательных гуманистов XV в. Колуччо Салютати так: «Размышления об активности человека, живое понятие общего труда, размышления о положении человека и его судьбе, о его поведении, способе жизни, сама живая причастность ко всему драматичному

жизненному опыту – это и есть философия». Знаменитые вопросы, которые сформулировал **Иммануил Кант** в XVIII в. («Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?») очертили не только предметное поле философии Нового времени, но и подготовили экзистенциально–антропологический поворот в развитии философии XX в.

Философия базируется на особом типе мышления, который не направляется к утилитарно–прагматическому или сугубо рациональному знанию, не отождествляет себя с пользой, с истиной или с мудростью «на все времена», но обеспечивает тот настрой ума и души человека, который лежит в основе так называемого «философского (рефлексивного) отношения к жизни». «Философское отношение к жизни» – это не непосредственное, дающееся практически каждодневно, жизненными потребностями отношение, а отношение через осмысление имеющихся форм культуры (мораль, религию, искусство, науку), это позиция некоторой отстраненности от повседневной жизни, это возможность посмотреть на мир и на себя в этом свете **с точки зрения вечности.**

Философия и наука

Итак, философ не удовлетворяется объективной картиной мира. Он обязательно вписывает в нее человека. Следует иметь ввиду, что философия имеет свой особый, отличный от традиционных форм познания (технических наук, естественных, конкретных и прикладных дисциплин), взгляд на предмет, аспект его осмысления. Прежде всего, философия стремится к целостному восприятию мира. В отличие от отдельных наук в философском знании одновременно представлены как объективное описание мира в целом, так и субъективная, личная позиция философа, которая наделяет знание значением культурной ценности. Объективно-истинное значение переживается каждым философом по-своему в соответствии с жизненным личным и моральным опытом. Благодаря этому философское сознание – это не только абстрактное понятие, абстрактно-умозрительные теории, а глубоко личное, императивное (то есть обязующее к определенному способу жизни и деятельности), знание-ценность, знание-убеждения, знание-вера. Научно-теоретическое знание является только одной стороной идейного содержания философии. Другую, доминирующую его сторону, создает совсем другой компонент сознания – духовно-практический. Именно он выражает мировоззренческий тип философского сознания в целом. В этой наиглавнейшей ипостаси философия есть способ духовной ориентации в мире, стратегия жизни, определение человеком смысловых опорных точек своего бытия.

Согласно с **И. Кантом**, философия служит тому, «каким следует быть, чтобы быть человеком».

Проблема научности философского знания часто формулируется в форме вопроса: «Является ли философия наукой?» При этом под понятием «наука» в данном случае подразумеваются физические науки. Для того, чтобы ответить на данный вопрос, сравним философию и науку.

Таблица 2

Философия

Представлена в культуре в виде текстов, философских систем, философских теорий.

Философское знание – результат логического доказательства или личного жизненного опытом, или того и другого вместе.

В этом смысле философское знание будет субъективным, так как философская система всегда индивидуальна, а потому несет на себе отпечаток жизненного опыта, способа мышления, личных особенностей ее автора. Но философия всегда направлена на постижение сущности явлений и стремится к объективности.

Философские методы – интуиция и критическая рефлексия (умение делать правильные выводы из верных посылок в соответствии с правилами логики).

Наука

Представлена в культуре в виде законов, теорий, гипотез.

Научное знание доказывается посредством эксперимента. К эксперименту предъявляется ряд требований. В самом общем виде – это требования повторяемости результата и общезначимости эксперимента, то есть, результат эксперимента в тех же условиях при соблюдении определенных требований является одинаковым всегда и для всех, вне зависимости от того, кто проводит эксперимент.

Научное знание объективно. Наука пытается свести к минимуму воздействие субъекта на процесс формирования законов и теорий и наиболее максимально соотносить полученное знание с реальной действительностью.

Научные методы – наблюдение, измерение, эксперимент.

Существует тезаурус, но каждый философ волен переосмыслить значение какого-либо термина. Оно может иметь своеобразный и весьма принципиальный для данной философской системы оттенок.

В науке существует общепринятый тезаурус (словарь терминов). Ученый им руководствуется.

Социальная функция философии – осмысление эпохи, формирование общей идеологии.

Социальная функция науки (утилитарная) заключается в улучшении жизни человека и упрощении его деятельности, особенно физического труда.

Итак, проведя сравнение науки и философии, мы можем продемонстрировать три существующие точки зрения: философия – это наука, философия принципиально отличается от науки, философия – это наука особого рода. Постольку, поскольку истина философии плюралистична, то все они имеют право на существование.

Итак, наука не может дать непостижимое знание, религия приписывает человеку программы поведения, которые определяются верой в сверхъестественное, и, наверно, только философии под силу удовлетворить потребности мыслящего человека в создании целостной картины мира и в осмыслении собственного назначения в этом мире. Ведь философия – это область духовной деятельности человека, в основе которой лежит критическая рефлексия над самой духовной деятельностью, над ее смыслом, целью и формами, и, в конечном счете – над выяснением сути самого человека как субъекта культуры, или, как уже сказано, естественного отношения человека к миру.

2.2. Проблема начала философии

Проблема начала философии обращает нас к проблеме возникновения философии и содержит в себе два пункта: происхождение «философии вообще» как явления духовной деятельности человека и происхождение личной философии или философской школы (например, философия Платона, Канта и платонизм, кантианство соответственно).

Вопрос о происхождении «философии вообще» – не самый популярный среди философов, поскольку здесь встает трудность разграничения **еще не** философии с **уже** философией. При попытке отыскать более или менее определенные хронологические границы

возникновения философии, мысль неизбежно встречается с фактом дофилософской жизни или с мифом.

Историю философии принято делить на два больших раздела: философия Востока и философия Запада. Наиболее соответствующую критериям философского знания, принято считать европейскую философию, поскольку философию Востока наиболее правильно охарактеризовать как комплекс религиозно-философских учений. Поэтому, говоря о начале философии, принято говорить о начале именно западной философии.

В мире мифологического мировоззрения нет глубины. Мифологическая реальность – та данность, которую человек находит уже в готовом виде, не творя, а усваивая.

Вообще сопоставление мифологии и философии возможно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 3

Мифология	Философия
Мифология всегда представлено традицией. Человек получает уже готовое знание, ему только предстоит усвоение и дальнейшая трансляция этой традиции.	Философия – знание, полученное путем собственных теоретических усилий.
В мифе мир представлен в готовом для человека виде. Изменить его могут только боги. Человек должен подчиняться судьбе, которая уготована ему с самого рождения.	Человек осуществляет попытку умозрительной конструкции мира. Он пытается объяснить мир, обращаясь только к фактам и своей рациональной мысли.
Миф изложен в поэтической форме. Устное изложение мифа требовало простого языка для облегчения запоминания.	Философское знание использует специфические термины, которые не всегда понятны обычному человеку (например, «бытие»).
Мир мифологии – обыденный мир, в котором боги всегда антропоцентричны, т.е. похожи на людей, обладают привычками, желаниями, потребностями людей.	Помимо обыденного мира, философия всегда полагает мир сущностей, идеальный мир, который непостижим человеком.

Итак, что изменяется с рождением философии? Здесь необходимо сказать о том, **кто** является родоначальником западной философии. Его имя – **Фалес из Милета** (около 652-647 гг. до н.э.). Происходил из

знатного финикийского рода. Много путешествовал, а свои знания старался применять на практике. Его заслуга состоит в том, что он выдвинул идею субстанции – первоосновы всего сущего, обобщив многообразие всего сущего и усмотрев начало всего во влаге – ведь она пронизывает собою все. Ему принадлежит высказывание: «Все из воды». Сейчас, в XXI веке такое умозаключение кажется очевидным. Благодаря научным исследованиям нам известно, что ничто живое не способно существовать без воды. Для VII века до н.э. – это настоящий прорыв в духовной жизни. Вслед за Фалесом развивается натурфилософская школа, где первоначалом является какое-либо природное явление.

В мысли Фалеса «Все из воды» присутствует, во-первых, идея единства всего Универсума. Он говорит о том, что путем сгущения воды происходит земля, а путем разрешения – воздух. К такой мысли нельзя прийти путем только практического наблюдения, она требует умозрительных, теоретических рассуждений. Во-вторых, здесь присутствует идея соотнесения между индивидуальными вещами, которые нам даны в практическом опыте и безличным теоретическим первоначалом. Иначе, присутствует попытка построения мира, организации космоса не посредством богов, а посредством принятого за первоначало явления. Это значит, что человек попытался самостоятельно, минуя традицию, реконструировать космос и объяснить его происхождение. В-третьих, мы можем наблюдать проблематизацию мира. Дело философии – постановка проблем. Философия начинается с удивления и вопрошания. Как пишет М.К. Мамрадашвили: «Философия начинается с удивления... Философ удивляется тому, что вообще что-то есть».⁸¹ Это удивление тому, чего нет в мире природы. В природе нет сознания, почему оно есть у человека? В природе нет свободы, почему она есть у человека? Именно с акта вопрошания, проблематизации, начинается философия и познание мира.

2.3. Предмет философии

Вопрос об определении философии также является одним из самых сложных в самой философской теории. Это объясняется тем, что с одной стороны, философия всегда претендует на глобальность, а потому определение является общезначимым и максимально всеохватывающим; с другой стороны, философия – личностное знание, а потому требует личностного осмысления и принятия. Этим объясняется отсутствие

⁸¹ Мамрадашвили М.К. Необходимость себя. – М., 1996.-С.22

единого определения философии и постоянная направленность философии на осмысление себя, на свое самоопределение.

Для того, чтобы понять, что же такое философия, рассмотрим предмет философии или выделим в универсуме ту область, на познание которой направлено философское знание. Когда ставится вопрос о предмете философии, то возникает попытка найти нечто предзаданное философии, предстоящее ей. Предмет философии – та область знания, на проблематизацию которого направлена философская теория. Предмет философии может быть определен различными способами:

1. Предмет философии в дисциплинарной структуре философского знания.
2. Предмет философии в истории философии.
3. Предмет философии в человеческой деятельности.

Предмет философии в структуре философского знания

В рамках самой философии можно выделить ряд областей, в рамках которой происходит развитие теории. В зависимости от предмета традиционно выделяют такие области философского знания как онтология, гносеология, аксиология, праксиология.

Онтология – область философского знания, изучающая фундаментальные основы бытия и сущего. Традиционно в философии существует противопоставление бытия и сущего. Если сущее – это многообразие окружающих вещей, то бытие – это тот единый обобщенный признак всего мира, то вечное, неизменное, что в нем существует. Философы по разному подходят к постановке и решению онтологических проблем. Так, например, Х. Ортега-и-Гассет пишет, что философия – это охота за единым. Он задается вопросом, почему человек пытается выйти за пределы сущего или за пределы эмпирического мира, который дан человеку. Вопрос о бытии – это стремление найти целостность мира, отыскать ту тайну, которая пронизывает сущее. Для М. Хайдеггера метафизика – это стремление повсюду быть дома, потребность обнаружить полноту бытия. Необходимое для этого усилие (или захваченность в терминах Хайдеггера) – условие, способствующее постижению бытия. Вообще, онтологическая проблематика – основа философии. Благодаря введению в нашу жизнь понятия «бытие» становится возможным становление науки в рамках европейской культуры.

Гносеология – теория познания. Это проблематика философии, в которой изучаются природа познания, его возможности и границы, выявляются условия истинности познания. Философы, работающие в русле данной проблематики, ставят перед собой вопросы: «Познаваем ли мир и насколько?», «Каковы критерии истинного знания?», «Какова

роль человека в процессе познания?». Исследуется проблема взаимодействия субъекта и объекта в процессе познания. Философская теория познания изучает общее в познавательной деятельности, безотносительно к тому, какова эта деятельность – научная, художественная или повседневная.

Аксиология – философское учение о ценностях. Это проблематика философии, которая исследует природу человеческих ценностей. Ценность указывает на то, что обладает значимостью, что предпочитается, избирается. Специфичность понятия заключается в том, что оно синтезирует в себе с одной стороны, предметность или объективность – указывает на то, **что** ценится, с другой стороны, субъективность – указывает на того, **кто** ценит. Объективный момент предполагает наличие подлинных и неподлинных ценностей. Неподлинные – это утилитарная установка на то, что для человека является необходимым. Подлинные – это целевая установка на то, для чего человек существует, к чему он стремится. Субъективный момент предполагает принятие, значимость, свободу избрания ценности.

В аксиологии можно выделить различные направления, например, социальная аксиология, которая изучает соотношение индивидуальных ценностей и общественных. Ценностные отношения выступают в качестве ориентиров поведения людей, где иерархия ценностей выступает как высший способ социальной регуляции. В теории ценностей может быть выделена трансцендентальная аксиология. Это направление развивается И. Кантом. Он рассуждения о моральности переориентировал от психологически ориентированного поступка к формальному поступку по долгу. Действие по долгу содержит ценность в максиме, то есть в исходной установке – не ради чего-то, а почему-то. Ценность трактуется Кантом сугубо рационалистически. Реальный субъект ценностного творчества – чистый разум, основанный на автономной самоопределяющейся воле. В теории ценностей выделяется еще целый ряд аспектов и направлений, но мы на них останавливаться не будем.

Праксиология – учение о практике. Это проблематика философии, которая занимается исследованием человеческой деятельности, анализирует структуру деятельности человека, даёт её типологию. В общепринятом смысле праксиология – это область исследования наиболее эффективных способов и методов человеческой деятельности. Здесь возможно проводить исследование по двум основным направлениям. Первое – исследование практики как деятельности, что наиболее характерно для социологии. Второе – практика как опыт, что, по мнению автора, характерно для философии и, особенно для философии К. Маркса.

Предмет философии в истории философии

Второй способ определения предмета философии – посредством истории философии. В истории философии предмет философии представлен как корпус текстов и комментариев к ним. Как указывает В. Дильтей: «Превосходство этой исторической точки зрения скрывается именно в том, что благодаря ей самоуверенность, с какой каждая система выступала в своем своеобразии и высказывалась о философии, может быть понята в своей необходимости».⁸² При таком подходе можно выделить определенные эпохи на основании того, что является в данный период предметом философии. Так, например, в античности предметом философской деятельности является то, что открывается в области мышления. «Под мышлением у древних греков подразумевается «ум» как определенное состояние, в котором он принадлежит, вернее, когда ум вместе с бытием».⁸³ В области мышления предстает чистое бытие, в котором нивелированы эмпирические характеристики, восходящие таким образом к постижению истины.

В эпоху Средневековья основным предметом философии становится религия и проблемы философского обоснования исходных положений религии. Так исследователь в области истории философии В.В. Соколов следующим образом характеризует средневековую философию: «Средневековая философия – исторически весьма своеобразный тип теоретизирования, решающая особенность которого состояла во взаимоотношениях с религиозно-монотеистическим мировоззрением».⁸⁴ В этом смысле религиозную философию средних веков часто называют спекулятивной, поскольку основной ее интенцией явились рассуждения о Священном Писании и интерпретация Библейских текстов.

Свое переосмысление предмет философии претерпевает в эпоху Нового времени. Предметом философии становится человек как субъект познания, его познающий разум. Данная тенденция была задана Р. Декартом. Он обнаруживает абсолютно достоверную сферу бытия в *Cogito*. Его известный метод тотального сомнения приводит к утверждению о том, что «мышление – атрибут, который принадлежит мне. Оно одно не может быть отстранено от меня. Я есмь, я существую – это достоверно. На сколько времени? На столько, сколько я мыслю, ибо возможно и то, что я совсем перестал бы существовать, если бы окончательно перестал мыслить <...>. Следовательно, я строго говоря,

⁸² Дильтей В. Сущность философии. – М., 2001. – С. 344.

⁸³ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – М., 1997. – С. 62.

⁸⁴ Соколов В.В. Средневековая Философия. – М., 1996. – С. 5.

только мыслящая вещь, то-есть дух (esprit), или душа, или разум (entendement), или ум (raison)»⁸⁵. Для Декарта в основании мышления находится разум, что позволяет сделать вывод о доминировании умопостигаемого способа познания мира. Свой апофеоз указанная тенденция получает свое развитие в философии Канта и Гегеля.

Кризис европейского рационализма приводит к переосмыслению предмета философии. Предметом философии становится мышление и способ его бытия. Этот поворот был проделан Э. Гуссерлем. Он создает феноменологию как направление в философии и полагает феноменальность как объект исследования. Феноменальность – свойство всякого психического, основной характеристикой которого является интенциональность. Известный тезис Гуссерля «назад к вещам» демонстрирует его феноменологический метод. Мы должны воспринимать вещи, так как они даны нам в созерцании. Для этого необходимо избежать субъективных мнений, а потому естественные установки должны быть заключены в скобки. Такая процедура – процедура эпохе позволяет выделить эйдос. Но эйдос или смысл появляется только там, где существует единство субъекта и объекта. Это единство полагается в психике. Таким образом, смысл или сущность вещей постигается только посредством анализа психического.

Далее в истории философии XX века вновь намечается изменение предмета философии. Предметом философии становится эмпирическая жизнь отдельного человека, его чувства и переживания. Примером является философия жизни, которая начинается с Ф. Ницше или русский и французский экзистенциализм как философия кризиса. Так Л. Шестов в своей работе «Добро в учении графа Толстого и Ф. Ницше» пишет: «Очевидно, не о «мыслях как переживаниях» шла у него речь, хотя он и был философом, т.е. человеком, умеющим отдавать себе отчет в своих чувствах. Его «переживания» связаны не с отвлеченными, лежащими вне интересов других людей вопросами, а с тем, из чего складывается вся наша жизнь. <...> Из чего же тогда жизнь? То, что произошло с Ницше, происходит с тысячами людей сплошь и рядом на наших глазах».⁸⁶

Приведенный выше анализ предмета философии в истории философии является обзорным.

Предмет философии в человеческой деятельности. Основные функции философии

Третий подход к определению предмета философии – функциональный. В данном случае предмет философии исследуется с

⁸⁵ Декарт Р. Метафизические размышления // Избранные произведения. – М., 1950. – С. 44.

⁸⁶ Шестов Л. Соч. в 2 т. – Томск, 1996. – Т.1. – С. 267.

точки зрения функций философии в человеческой деятельности. Можно выделить три основных функции философии:

- мировоззренческая функция;
- методологическая функция;
- прогностическая функция.

Критерием выделения указанных функций философии выступает субъект, который является источником философии.

Мировоззренческая функция. Субъектом философии в данном случае выступает обычный человек, который и по образу своей жизни и по своей профессии не имеет никакого отношения к философии.

Наша обыденная современная жизнь не способствует философствованию. Ритм современной жизни – это непрерывный поток сменяющих друг друга событий. Этому сопутствует и техногенность нашей цивилизации, и огромное количество информации, которое получает человек от других людей, из СМИ, Интернета, литературы, и социально-экономическое устройство нашего общества, которое диктует нам необходимость постоянно зарабатывать. У человека просто не остается времени на то, чтобы остановиться и подумать о своей жизни. Тем не менее, тяга к осмыслению сущности явлений окружающей среды, необходимость увидеть смысл всего происходящего присутствует практически в каждом человеке.

С такой тягой к сущему и отсутствием времени человек идет по жизни до тех пор, пока не встречается на своем пути с какой-то глобальной проблемой, которая вызывает огромное эмоциональное потрясение. Что же происходит в данном случае? Человек осознает, что жить так, как раньше он уже не может и ему приходится остановиться и переосмыслить те базовые принципы, которыми он руководствуется в своей жизни. В данном случае человек остается один на один с миром и, будучи предельно честным с самим собой, задается особыми вопросами. Как правило, вопросы, над которыми рассуждает человек – это вопросы о смысле собственной жизни, о смысле человеческого существования, о месте человека в мире, о смерти, о сущности добра и зла. Вот такие рассуждения о мире, когда человек находится за рамками обыденной жизни, и называются философствованием. В этом смысле прав Фихте, когда говорит, что философствовать – значит не жить, а жить – не философствовать.

Какова функция философствования? Зачем человеку необходимо хотя бы иногда обратиться к рассуждениям о смысле? Во-первых, реализация своей сущности. Многие философы, в частности, Х. Ортега-и-Гассет, говорят о том, что человек – существо незавершенное, неполноценное. Он занимает промежуточное состояние между Богом и животными. Животные не наделены разумом, поэтому не способны

размышлять о своей жизни. Бог же, наоборот, слишком совершенен, а потому уже обладает полноценным знанием. Человек же, пытаясь заполнить пустоту, выходит за пределы только физиологического существования и обращается к поиску того, чего ему недостает. Кроме того, в процессе поиска человек обнаруживает еще и недостаточность мира. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет: «все существующее и находящееся здесь, данное нам, присутствующее, явное – это, в сущности, только кусок, осколок, фрагмент, обрубок. Глядя на него, нельзя не заметить, не почувствовать его изъяна. В любом данном нам бытии, в любом явлении мира мы обнаруживаем глубокий след излома, свидетельство того, что это часть и только часть, мы видим рубец его онтологического увечья, к нам вопиют страдания калеки, его тоска по отнятому, его божественная неудовлетворенность»⁸⁷.

Во-вторых, рассуждения человека о смысле какого-либо явления способствуют формированию и становлению иногда трансформации его мировоззрения. Мировоззрение – совокупность взглядов человека на мир. Это те его фундаментальные установки, которыми человек руководствуется при совершении своих поступков, понимание и оценка человеком смысла своей жизни и деятельности. Мировоззрение – более широкое понятие, чем философия, оно включает в себя и религиозные и научные и мифологические аспекты. Но осмысление таких вопросов как вопрос о смысле своей жизни, о местоположении человека в мироздании формирует ядро мировоззрения. Основной проблемой здесь является – необходимость теоретически мыслить, ибо человеку даже в данном случае приходится осмыслять не столько саму жизнь, сколько свои представления о ней, определенную абстракцию жизни. Конечно, человек устроен таким образом, что поток мышления присутствует у него постоянно, если он находится в состоянии бодрствования. Но это действительно поток: меняется картинка – меняется мысль. Что же должно произойти, чтобы человек осуществил духовное усилие, остановил мыслительный поток и попытался осмыслить какое-то абстрактное явление?

В действительности, наша социальная действительность устроена таким образом, что человеческий дух оказывается физически порабощенным. Вся жизнь большинства людей складывается из непрерывного решения проблем выживания или улучшения своей материальной жизни. Ставшая уже обычной занятость современного человека приводит к тому, что его духовное начало редуцируется к минимуму, поскольку у человека просто не остается времени на работу над собой. Культурная ситуация способствует тому, что человек

⁸⁷ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? // www.Philosophi.ru. – Лекция V.

стремится не к познанию и самосовершенствованию, а к развлечению, требующему минимального духовного напряжения. Таким образом, чем совершеннее становится наша цивилизация, тем чаще человек ограничивается удовлетворением физиологических потребностей. В такой ситуации еще более ценной, чем когда-либо, становится возможность иногда остановить свой жизненный поток и осмыслить те философско-мировоззренческие вопросы, которые позволяют сохранить человеку свое особенное положение в мироздании. Как писал немецкий философ А. Швейцер: «Мировоззренческие идеи заключают в себе все, что мы можем думать и предполагать о смысле нашего существования и назначения человечества; они дают нашему бытию направление и сообщают ему ценность»⁸⁸.

Итак, подводя итог сказанному, необходимо определить предмет философии – это представления человека о жизни. В этом смысле лучше говорить даже не о философии, сколько о философствовании как некотором теоретическом размышлении, рассуждении.

Методологическая функция также будет раскрыта посредством обращения к субъекту философии. В данном случае субъектом философии выступает философское сообщество, которое может быть представлено философскими школами, институтами, факультетами, то есть мы говорим о философии как профессии и призвании.

В рамках практически каждого философского института или факультета всегда можно обнаружить более или менее явную попытку организации некоторой философской школы. Философская школа – это объединение, представленное связью учитель-ученик, которые работают в рамках одной парадигмы.

Первые философские школы появляются в Афинах (например, Сократ, Платон, Платоновская академия). Возникнув, эти школы привнесли и закрепили в жизни Афин еще одну ценность, помимо спорта и искусства – интеллект. Американский исследователь У. Коллинз, исследуя интеллектуальную философскую работу, настаивает на том, что она может быть осуществлена только в рамках философской школы. Для определения термина «школа» он формулирует следующие принципы: концентрация во времени, определенном месте и социальных связях. При раскрытии данных принципов мы вынуждены обратиться к истории философии, где обнаружим, что конкурирующие философские учения, как правило, развиваются практически одновременно с разницей в 10-20 лет. Соответственно, крупные философы не появляются в одиночку, а являются миру по двое или трое. Например, греческие философы

⁸⁸ Швейцер А.К. Культура и этика. – М., 1973. – С. 83.

Гераклит и Парменид создавали свои философские учения почти одновременно. При этом Гераклит предложил учение о непрерывном становлении, изменении, а Парменид – учение о вечном и неизменном бытии. Или середина XX века, которая была отмечена появлением таких разнонаправленных течений во Франции как экзистенциализм и постмодернизм.

Наиболее выдающиеся философы обычно располагают достаточно большим количеством социальных связей. Это и взаимодействие с философами других направлений и с теми, кто работает в рамках одной с ними парадигмы. Это вполне закономерно, так как значимость философа определяется его влиянием в рамках интеллектуального поля. Особое значение имеет цепь учитель-ученик, так как в этом случае осуществляются личные контакты, которые вырабатывают определенный стиль мышления, эмоциональный настрой, условия творчества.

Говоря о философских школах и проясняя их функцию в обществе, о ставшем уже классическим разделении тех, кто причастен к профессиональной философской деятельности, как правило, выделяют тех, кто являются собственно философами и тех, кто являются философоведами. Указанное различие хорошо поясняет академик А.А. Гуссейнов: «Философы раздвигают духовные горизонты человека, они всегда говорят что-то новое и очень важное. Они творят, создают ценности. Философские работники имеют дело с произведениями первых, они исследуют эти произведения (выделяют их источники, препарируют их по идеям, темам, сравнивают с другими произведениями, высчитывают в них количество тех или иных терминов, предлагают в более популярной форме, создают их сокращенные форматы, анализируют их сквозь призму биографии философа, в контексте эпохи и под разными точками зрения)»⁸⁹.

Ясно, что в рамках философской школы большую часть составляют именно философоведы: они не имеют собственной философии, их деятельность направлена на анализ другой философии – философии «учителя». Но здесь необходимо отметить, что большая часть философов и философоведа как современности, так и недавнего прошлого (например, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Фуко) представляют собой переходный тип между философами и философоведами. В данном случае философская мысль философа выступает как органическое продолжение философского наследия. В.Ю. Кузнецов пишет по данному вопросу: «Прежде чем самому философствовать,

⁸⁹ Гуссейнов А.А. О философах и профессорах философии // Гуссейнов А.А. Философия, мораль, политика. – М., 2002. – С. 28.

надо овладеть философским наследием, этот тезис в общем виде возражений вроде не вызывает и вызывать не может».

В данном случае, определяя философию как профессию и как призвание, необходимо говорить о ней как о системе специальных знаний, которые приобретены в результате целенаправленной подготовки и отражают способность человека к выполнению конкретных функций в системе общественного труда. В этом смысле философия является не только способом реализации творческих устремлений человека, но и источником существования. В данном случае философия осуществляется на предельном уровне абстракции, для выражения мысли применяется определенный тезаурус (набор терминов), используются необходимые логические конструкции. Кроме того, в философии присутствует специфический комплекс проблем, являющихся только философскими.

Что же это за комплекс проблем и какова функция философии в обществе? Говоря о содержании философии на теоретическом, профессиональном уровне, необходимо выделить уже существующую историю философии и философию, которая находится на этапе становления. В этом смысле философия – явление поливариантное и в ней сосуществуют проблемы разного уровня. Теоретический (или профессиональный) уровень философии можно обозначить как рефлексию второго порядка, так как она является осмыслением иных способов духовного производства. Философия в этом плане является специфическим способом отражения как социальных, так и творческих проявлений человеческого духа. Философская мысль направлена на осмысление таких глобальных явлений как наука, культура, цивилизация, творчество, познание, сознание и так далее. Здесь происходит осознание их сущности, становление их критериев, базовых принципов, способов существования в человеческом бытии. В этом смысле философия может быть определена как методология – теоретическая деятельность, направленная на анализ оснований какого-либо явления.

Подводя итог, необходимо сказать, что методологическая функция философии заключается в осмыслении иных явлений теоретической деятельности человека, в осмыслении их сущности, их фундаментальных принципов, их теоретических правил, необходимых для практических действий. Так, например, в научном знании можно выделить теоретический и эмпирический уровни. На эмпирическом уровне происходит фиксация некоторых взаимосвязей, ученый имеет дело с наблюдением, измерением, экспериментом. Теоретический уровень – это уже готовые научные законы и теории. В данном случае возникает проблема: каким образом из фактов формулируется теория?

Правила формирования теории, требования к эксперименту и к теории формулируются именно философией. Или еще один пример. До XX века наука имела дело с простыми объектами. Например, биология изучала жизнь животных, геология – строение земной коры, анатомия – строение человека и так далее. В XX веке человечество перешло к изучению системных объектов. Например, появляется синергетика, которая изучает природу как единую, саморегулирующуюся систему. Здесь возникает проблема методов – методы и принципы, применяемые для изучения простых объектов, оказываются неприемлемыми для сложных объектов. Проблема трансформации научных методов также область философской методологии, ибо здесь недостаточно создания новых методов, необходимо сохранить суть науки как таковой. Примеры можно продолжать не только из области науки, но и из других областей человеческой деятельности. Философия задает критерии, определяет сущность и осмысляет проблемы тех явлений, которые могут быть обозначены как теоретическая деятельность человеческого сознания.

Прогностическая функция. Говоря о прогностической функции, мы должны рассматривать философию как продукт культуры, если под культурой понимать духовную деятельность человека, направленную на поиск смысла нашего бытия. В этом смысле философия может быть представлена как корпус философских текстов. Это обширная область культуры, которая хотя бы в виду своей масштабности должна учитываться каждым человеком. Но не будем останавливаться на этой наивной точке зрения, и определим философию в данном случае словами Г.В.Ф. Гегеля как «Духовную квинтэссенцию эпохи».

Философия в некотором смысле историческое знание. Она имеет дело с постоянно изменяющейся социальной, исторической и культурной реальностью. Человек – существо деятельное, а потому и реальность, в которой человек живет, постоянно изменяется. Это проявляется в создании новых объектов культуры, новых идей, новых теорий и так далее. Подобная изменчивость реальности представляет собой некоторую проблему для культуры. При появлении в культуре нового объекта возникает проблема его адаптации. Необходимо ввести новое таким образом, чтобы оно не расшатало, не разрушило культуру. Процесс адаптации нового объекта в культуре включает в себя осмысление таких вопросов как: «Какие последствия его внедрение будет иметь для общества? Каким образом возможно его интерпретировать? Каково его значение для мировоззрения?» Пространством для осмысления таких вопросов и формой адаптации нового объекта является философия. Так, например, в середине XIX века выделяются такие науки как психология, социология,

экономика. Их методы не совпадают с методами естественных наук, но это не значит, что они должны быть отнесены к псевдонаукам. В данном случае встает необходимость переосмысления научных критериев, их некоторой трансформации и расширения.

Философия – та форма мышления, которая обращает внимание на исследование и осмысление опыта всего человечества. Она не только концентрирует в рациональной форме этот опыт, но и встраивает современность в общий ряд человеческих деяний. Новые объекты культуры в первую очередь начинают обсуждаться в философском сообществе на философских конференциях, круглых столах, в философских журналах. Здесь происходит формирование того значения, с которым объект проникает в культуру, для него находят определенное пространство, в которое его помещают и создают наиболее приемлемые для культуры интерпретации. После того, как объект проходит подобную стадию теоретического осмысления, он посредством средств массовой информации проникает в массовую культуру, будучи уже вписанным в ее целостную систему. Если же новая идея сразу проникает в культуру, минуя стадию осмысления, последствия для культуры и всего человечества могут быть самыми фатальными. Так, например, комплекс националистических идей А. Гитлера практически миновал стадию адаптации в культуре, результатом чего стала вторая мировая война.

Представляя далее философию как квинтэссенцию эпохи, необходимо сказать о влиянии философских идей на саму культуру, науку, искусство и так далее. Уже общепризнанным стал тот факт, что философская концепция, господствующая в определенный период времени, оказывает воздействие на развитие научных концепций, концепций культуры и искусства. Как пишет А. Койре, «научная мысль (речь идет о физических науках) развивалась не в вакууме; это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философскими».⁹⁰ То же самое можно сказать о культуре и искусстве. Философия задает основные концепты, является формообразующей конструкцией и в этом плане философия является мета-знанием, то есть тем знанием, которое содержит основные принципы и идеи, которые должно развивать.

⁹⁰ Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 2003. – С. 15.

3. НАУЧНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА: ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВЕК

3.1. Научная картина мира

Термин «**Вселенная**» в физике обозначает многообразный физический мир, начиная от элементарных частиц и кончая метagalacticками. *На философском языке «Вселенная» может обозначать бытие или Мироздание.* Другими словами «Вселенная» (Универсум – лат.) в философии имеет иное значение, чем в физике. Принятое в философии понятие «**картина мира**» означает зримый портрет мироздания, образно-понятийное описание Вселенной.

Слово «Вселенная» буквально означает единство, общность всех вещей, рассматриваемых как целое. Вплоть до XX в. познание Вселенной как целого в основном оставалось прерогативой религии. Философию всегда интересовали не отдельные вещи, не каждая вещь сама по себе, в своем обособленном, отдельном существовании, а совокупность всего существующего, публичная жизнь каждой вещи, ее универсальное существование. Причем под вещами понимались не только физические объекты и духовные реалии, но также все ирреальное, фантастическое и сверхъестественное, если оно существует.

Научная космология как самостоятельная отрасль знания возникла сравнительно недавно. Объект внимания физики космологии – Вселенная в целом – недоступен для наблюдения. Космологи прибегают к экстраполяции. Законы физики, выведенные из наблюдений и экспериментов над отдельными частями Вселенной, применяются и ко Вселенной в целом. Например, общая теория относительности (лучшая из существующих на сегодня теорий гравитации), проверенная экспериментально в основном в пределах Солнечной системы, применяется, тем не менее, к расчету движения всей Вселенной. Применяя законы физики к Вселенной в целом, мы совершаем логический скачок, переносим умозрительные схемы (модели) определенной части физического мира на Вселенную. Наука полна умозрительными схемами (моделями, гипотезами). Точность моделей подтверждается неоднократно (повторяемыми) экспериментами. Воспроизводимость экспериментальных проверок увеличивает доверие к модели, модель становится частью совершенного научного знания, оставаясь в этом качестве до тех пор, пока ей на смену не придет улучшенная, более точная или более глубокая модель (теория).

В космологии применяют законы, справедливые для какой-то отдельной части Вселенной, ко всей Вселенной, в космологии действует все тот же научный метод, который в значительной мере опирается на

воспроизводимость экспериментальных проверок. Сами рациональные законы, которые экстраполируются на всю Вселенную, создаются продуктивным воображением ученых («продуктивным воображением» И. Кант назвал конструктивную деятельность сознания; продуктивное воображение может запускаться внешними впечатлениями, наблюдениями. «Теоретик сначала мысленно конструирует нечто, а затем познает то, что уже помысленно»⁹¹), а также улучшаются, уточняются, углубляются с помощью экспериментов и наблюдений.

Свою науку физик рассматривает как **модель**, описывающую реальный мир наблюдений. Эта модель может включать множество дополнительных особенностей, которые, хотя сами по себе и не отражают реального опыта, играют важную роль в теории. Физикам приходится придумывать чисто умозрительные, абстрактные понятия для моделирования реального мира. Физикам нельзя ограничиться исключительно наблюдаемыми величинами. Но, в конце концов, теорию можно проверить только при конкретном наблюдении, и умозрительные особенности модели никогда не входят явно в предсказания теории, относящиеся к реальным наблюдениям. Включение умозрительных понятий в физические теории – обычная практика. Каким же образом физик догадывается, какую именно абстракцию следует ввести в теорию? Ведь годится не любой вымысел. Воображаемое понятие должно работать.

Формирование дисциплинарных онтологий. Роль картин мира (дисциплинарных онтологий) в построении завершенной научной теории

В развитии современных научных дисциплин особую роль играют **специальные картины мира**. Специальными картинами мира называют обобщенные схемы – образы предмета исследования, посредством которых фиксируются **основные системные характеристики** изучаемой реальности. Термин «мир» применяется здесь в специфическом смысле – как обозначение некоторой сферы действительности, изучаемой в данной науке («мир физики», «мир биологии» и т.п.). Чтобы избежать терминологических дискуссий, имеет смысл пользоваться иным названием – **картина исследуемой реальности**. Наиболее изученным ее образцом является физическая картина мира. Но подобные картины есть в любой науке, как только она конституируется в качестве самостоятельной отрасли научного знания.

Обобщенная характеристика предмета исследования вводится в картину исследуемой реальности посредством представлений: 1) о

⁹¹ Шаповалов В.Ф. Основы философии современности. К итогам XX века: Курс лекций для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей вузов. – М., 1998. – С. 58.

фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих закономерностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности. Вышеуказанные представления являются основанием научных теорий соответствующей дисциплины. Например, представления: мир состоит из неделимых корпускул; их взаимодействие осуществляется как мгновенная передача сил по прямой; корпускулы и образованные из них тела перемещаются в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени – описывают картину физического мира, сложившуюся во второй половине XVII в. и получившую впоследствии название механической картины мира.

Переход от механической к электродинамической (последняя четверть XIX в.), а затем к квантово-релятивистской картине физической реальности (первая половина XX в.) сопровождался изменением физических представлений. Особенно радикальным был переход в период становления квантово-релятивистской физики (были пересмотрены представления о неделимости атомов, существовании абсолютного пространства – времени, представления о лапласовской детерминации физических процессов).

По аналогии с физической картиной мира можно выделить картины реальности в других науках (химии, биологии, астрономии и т.д.) Среди них также существуют исторически сменяющие друг друга типы картин мира, что обнаруживается при анализе истории науки. Например, принятый химиками во времена Лавуазье образ мира химических процессов был мало похож на современный. В качестве фундаментальных объектов полагались лишь некоторые из известных ныне химических элементов. К ним приплюсовывался ряд сложных соединений (например, извести), которые в то время относили к «простым химическим субстанциям». После работ Лавуазье флогистон был исключен из числа таких субстанций, но теплород еще числился в этом ряду. Считалось, что взаимодействие всех этих «простых субстанций» и элементов, развертывающееся в абсолютном пространстве и времени, порождает все известные типы сложных химических соединений.

Такого рода картина исследуемой реальности на определенном этапе истории науки казалась **истинной** большинству химиков. Она **целенаправляла** как поиск новых фактов, так и построение теоретических моделей, объясняющих эти факты.

Картина реальности обеспечивает **систематизацию** знаний в рамках соответствующей науки. **С ней связаны** различные типы теорий научной дисциплины (фундаментальные и частные), а также опытные

факты, на которые опираются и с которыми должны быть согласованы принципы картины реальности. Одновременно она функционирует в качестве **исследовательской программы**, которая целенаправляет постановку задач как эмпирического, так и теоретического поиска и выбор средств их решения.

Каждая из конкретно-исторических форм картины исследуемой реальности может реализовываться в ряде **модификаций**, выражающих основные этапы развития научных знаний. Среди таких модификаций могут быть **линии преемственности** в развитии того или иного типа картины реальности (например, развитие ньютоновских представлений о физическом мире Эйлером, развитие электродинамической картины мира Фарадеем, Максвеллом, Герцем, Лоренцем, каждый из которых вводил в эту картину новые элементы). Но возможны и другие ситуации, когда один и тот же тип картины мира реализуется **в форме конкурирующих и альтернативных** друг другу представлений о физическом мире и когда одно из них в конечном итоге побеждает в качестве «истинной» физической картины мира (примерами могут служить борьба Ньютоновой и Декартовой концепции природы как альтернативных вариантов механической картины мира, а также конкуренция двух основных направлений в развитии электродинамической картины мира – программы Ампера–Вебера, с одной стороны, и программы Фарадея–Максвелла, с другой).

Когда наука начинает изучать **объекты**, для которых еще не создано теории и которые исследуются эмпирическими методами, то **связь картины мира с ситуациями реального опыта** проявляется особенно отчетливо. Примером этой связи может служить **влияние электродинамической картины мира на экспериментальное изучение катодных лучей**. Случайное обнаружение катодных лучей в эксперименте поставило вопрос о природе открытого физического агента. Электродинамическая картина мира требовала все процессы природы рассматривать как взаимодействие «лучистой материи» (колебаний эфира) и частиц вещества, которые могут быть электрически заряженными или электрически нейтральными. Отсюда возникали гипотезы о природе катодных лучей: одна из них предполагала, что новые физические агенты представляют собой поток частиц, другая рассматривала эти агенты как разновидность излучения. Соответственно этим гипотезам ставились экспериментальные задачи и вырабатывались планы экспериментов, посредством которых была выяснена природа катодных и рентгеновских лучей. Физическая картина мира **целенаправляла** эти эксперименты, последние же, в свою очередь, оказывали **обратное воздействие** на картину мира, стимулируя ее уточнение и развитие (например, выяснение природы катодных

лучей в опытах Крукса, Перрена, Томсона было одним из оснований, благодаря которому в электродинамическую картину мира было введено представление об электронах как «атомах электричества», не сводимых к «атомам вещества»).

Кроме непосредственной связи с опытом, картина мира имеет с ним опосредованные связи через основания теорий, которые образуются **теоретическими схемами (моделями)** и сформулированными относительно теоретических схем законами.

Картину мира можно рассматривать в качестве некоторой теоретической модели исследуемой реальности. Но это особая модель, отличная от моделей, лежащих в основании конкретных теорий.

Во-первых, они различаются по степени общности. На одну и ту же картину мира может опираться множество теорий, в том числе и фундаментальных. Например, с механической картиной мира были связаны механика Ньютона–Эйлера, а также термодинамика и электродинамика Ампера–Вебера. С электродинамической картиной мира связаны не только основания максвелловской электродинамики, но и основания механики Герца.

Во-вторых, специальную картину мира можно отличить от теоретических схем (моделей), анализируя образующие их абстракции (идеальные объекты). Так, в механической картине мира процессы природы характеризовались посредством таких абстракций, как: «неделимая корпускула», «тело», «взаимодействие тел, передающееся мгновенно по прямой и меняющее состояние движения тел», «абсолютное пространство» и «абсолютное время». Что же касается теоретической схемы, лежащей в основании ньютоновской механики (взятой в ее эйлеровском изложении), то в ней сущность механических процессов характеризуется посредством иных абстракций таких как, «материальная точка», «сила», «инерциальная пространственно-временная система отсчета».

Аналогичным образом можно выявить различие между конструктами (абстракциями) теоретических схем и конструктами картины мира, обращаясь к современным образцам теоретического знания. Так, в рамках фундаментальной теоретической схемы квантовой механики процесса микромира характеризуются в терминах отношений вектора состояния частицы к вектору состояния прибора. Но эти же процессы могут быть **описаны «менее строгим» образом**, например, в терминах корпускулярно-волновых свойств частиц, взаимодействия частиц с измерительными приборами определенного типа, корреляций свойств микрообъектов к макроусловиям и т.д. И это уже не собственно язык теоретического описания, **а дополняющий его и связанный с ним язык** физической картины мира.

Идеальные объекты, образующие картину мира, и абстрактные объекты, образующие в своих связях теоретическую схему, имеют разный статус. Абстракции, образующие теоретическую схему, представляют собой идеализации, и их нетождественность реальным объектам очевидна. Любой физик понимает, что «материальная точка» не существует в самой природе, ибо в природе нет тел, лишенных размеров. Но в картине мира происходит **объективация** теоретических схем, **отождествление** с природой схематизирующих и упрощающих эту самую природу абстракций. Последователь Ньютона, принявший механическую картину мира, считал неделимые атомы уже реально существующими «первокирпичиками» материи. В каких именно признаках эти абстракции не соответствуют реальности исследователь чаще всего выясняет лишь тогда, когда его наука вступает в полосу ломки старой картины мира и замены ее новой. **Процедура отображения теоретических схем на картину мира** (объективации теоретических схем) важна для построения теории **в завершенной форме**. Эта процедура обеспечивает ту разновидность интерпретации уравнений (последние выражают теоретические законы), которую в логике называют **концептуальной (или семантической) интерпретацией** и которая обязательна для построения теории в завершенном виде.

Формирование дисциплинарных онтологий (картин исследуемой реальности) в каждой отрасли науки протекает не только как процесс внутринаучного характера (через процедуру отображения теоретических схем на картину мира), но и как взаимодействие науки с другими областями культуры. Представления о мире, которые вводятся в картины исследуемой реальности, всегда испытывают определенное воздействие **аналогий и ассоциаций**, почерпнутых из различных сфер культурного творчества, включая обыденное (архаичное) сознание и производственный опыт определенной исторической эпохи. Повседневный и производственный опыт называют еще **процедурным знанием** (в отличие от **декларативного**). Декларативное знание – знание – **что**, относится к знанию теоретического типа (предполагает умение объяснить, почему что-либо происходит). Процедурное знание – знание – **как**, является практическим знанием и означает какие-либо умения, практические навыки. Владение декларативным знанием еще не предполагает владения практическими навыками (владения процедурными знаниями, другими словами). Например, прекрасные профессора экономики, начав практическую деятельность на рынке, моментально разоряются и, наоборот, преуспевающие бизнесмены, пытаясь передать свой опыт молодежи, не могут внятно прочитать ни одной лекции.

Процедурное знание по-другому **организовано** в отличие от декларативного. Само процедурное знание может быть организовано двояким образом: инструктивным (знание рецептов приготовления пищи, инструкций к бытовым приборам и т.д.); ситуационным (умение действовать в конкретных ситуациях). Если сравнить древнегреческую математику с математикой Древнего Вавилона и Древнего Египта, то можно обнаружить различия между организацией знания (информации, данных об объекте). В математике Древнего Востока знание организовано в виде рецептов решения задач (как вычислить площадь поля, объем амбара, количество урожая), другими словами, знание организовано как процедурное инструктивное. В греческой математике знание организовано как дедуктивно развертываемая система (дедуктивно-аксиоматическим образом), в которой из исходных посылок-аксиом выводятся следствия. Наиболее яркой реализацией такой организации знания как декларативного была первая теоретическая система в истории науки – евклидова геометрия.

Так вот, процедурное знание может оказывать влияние на дисциплинарные онтологии. Например, можно обнаружить, что представления об электрическом флюиде и теплороде, включенные в механическую картину мира в XVIII в., складывались во многом под влиянием предметных образов, почерпнутых из сферы повседневного и производственного освоения объектов в ту эпоху. Согласно здравому смыслу (процедурному знанию) человека XVIII столетия, немеханические силы легче было представить по образу и подобию механических; например, представить поток тепла как поток невесомой жидкости – теплорода, падающего наподобие водяной струи с одного уровня на другой и производящей за счет этого работу так же, как совершает эту работу вода в гидравлических устройствах. Но вместе с тем введение в механическую картину мира представлений о немеханических силах (представлений о различных субстанций как носителях немеханических сил) способствовало формированию особых, отличных от механического, представлений; было первым шагом на пути к немеханическим представлениям.

Вместе с тем постулаты научной картины мира испытывают и непосредственное влияние **мировоззренческих установок**, доминирующих в культуре некоторой эпохи.

Интересна организация знания средневековой науки – в средневековой культуре существовали представления о природе как книге, написанной «божьими письменами». В соответствии с этими **мировоззренческими установками** формировалась организация знания в средневековой науке. Описать вещь или явление значило не только зафиксировать признаки, которые в более поздние эпохи (в

науке Нового времени) квалифицировались как природные свойства и качества вещей, но и обнаружить сверхприродные «знаково-символические» признаки вещей. Когда известный естествоиспытатель XVIII в. Ж. Бюффон ознакомился с трактатами натуралиста эпохи Возрождения Альдрованди, он выражал крайнее недоумение по поводу ненаучного способа описания и классификации явлений в его трактатах. Например, в трактате о змеях Альдрованди наряду со сведениями, которые естествоиспытатели последующих эпох отнесли бы к научному описанию (виды змей, их размножение, действие змеиного яда и т.д.), включал описание событий связанных со знаками змей. Альдрованди сгруппировал в одном описании биологические признаки змеи, геральдические знаки и легенды о змеях, истолковав все это как различные виды знаков, обозначающих некоторую идею (идею змеи), которая вложена в мир божественным помыслом.

В эпоху Возрождения идеал математического описания природы утверждался исходя из традиционных для средневековой культуры представлений о природе как о книге, написанной «божьими письменами». Затем эта традиционная мировоззренческая конструкция была наполнена новым содержанием и получила новую интерпретацию: «Бог написал книгу природы языком математики».

Общая научная картина мира

Общая научная картина мира выступает особой формой теоретического знания. Картины реальности, развиваемые в отдельных научных дисциплинах, не являются изолированными друг от друга. Они взаимодействуют между собой. Общая научная картина мира выступает **формой систематизации знаний, интегративной** по отношению к специальным картинам реальности (дисциплинарным онтологиям). Она интегрирует наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук – это достижения типа представлений о нестационарной Вселенной и Большом взрыве, о кварках и синергетических процессах, о генах, экосистемах и биосфере, об обществе как целостной системе, о формациях и цивилизациях и т.д. Вначале они развиваются как фундаментальные идеи и представления соответствующих дисциплинарных онтологий, а затем включаются в общую научную картину мира.

Если дисциплинарные онтологии (специальные научные картины мира) представляют предметы каждой отдельной науки (физики, биологии, социальных наук и т.д.), то в общей научной картине мира представлены наиболее важные системноструктурные характеристики **предметной области научного познания как целого**, взятого на определенной стадии его исторического развития.

Понятия времени, пространства, движения, динамической и статистической закономерностей, эволюции, научного знания в причинно-следственных и системных моделях. Детерминизм и индетерминизм. Понятие о динамических и статистических закономерностях

Принцип детерминизма содержит ответ на вопрос, обусловлены ли явления мира в своём существовании и развитии, имеет ли эта обусловленность регулярный, упорядоченный или произвольный, неупорядоченный характер. Другими словами, это вопрос о том, выступает ли мир в своём существовании и развитии как упорядоченный космос или неупорядоченный хаос.

Когда речь заходит о предельных основаниях обусловленности мира, философские позиции здесь могут значительно отличаться друг от друга. У одних философов существование мира связано с естественными причинами, у других – творцами мира являются бог или мировой разум. Любая, идеалистическая или материалистическая философская система, построенная на принципах рационального объяснения бытия, необходимо затрагивает проблему всеобщей обусловленности явлений и процессов в мире, которая и обозначается понятием «**детерминизм**» (от лат. *determinate* – определять, отделять, отграничивать). *Детерминизм – это учение о всеобщей обусловленности объективных явлений.*

В основе детерминистского подхода лежит понимание того, что любое событие, любой факт, явление и т. д. имеют свою причину и могут выступать причиной другого события, факта, явления. Понятие причины является в детерминизме центральным и выступает как генетическая связь между явлениями, при которой одно явление, называемое причиной, при наличии определённых условий с неизбежностью порождает, вызывает к жизни другое явление, называемое следствием. Иначе говоря, во взаимодействии между различными явлениями можно выделить разные типы таких взаимодействий, одним из которых является причинно-следственное.

В диалектическом материализме (советская философия) детерминизм реализовался в выделении принципа причинности, то есть такого объяснения взаимоотношений между событиями и явлениями, когда одно из них выступает в качестве причины другого, когда причина порождает следствие, а следствие всегда имеет свою причину. Главным признаком причинной взаимосвязи выступают: *порождающий и необходимый по отношению к следствию характер причины* и то, что причинно-следственные отношения реализуются в определённой *пространственно-временной непрерывности.*

Однако понятие «детерминизм» шире понятия «причинности», так как сюда включаются и непричинные типы обусловливания, в которых наблюдается взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность между ними, но отсутствует непосредственное отношение генетической производительности и временной ассиметрии. В качестве примера непричинного обусловливания можно привести функциональную связь, которая может существовать между различными характеристиками объекта: связь состояний, вероятностную детерминацию, целевую детерминацию.

Реализация принципа детерминизма осуществляется через *систему категорий*, отражающих двойственный характер любого объекта, содержащего в себе находящиеся в единстве противоречивые стороны и тенденции: *необходимость и случайность; возможность и действительность; сущность и явление; форма и содержание.*

Принцип закономерности утверждает регулярный, упорядоченный характер отношений детерминации. Закономерный характер действительности означает подчинённость всех явлений в своём возникновении и существовании объективным законам. **Закономерность** является характеристикой причинного типа детерминации, когда все явления и события в мире объясняются через реальные, объективные взаимосвязи и отношения между ними. Детерминация в этом случае реализуется через объективные законы. Таким образом, *закономерность выступает как проявление взаимосвязанного и упорядоченного характера во взаимодействии предметов, явлений, событий в мире и связана с выявлением законов этого взаимодействия как существенной, повторяющейся, необходимой и устойчивой связи между ними.*

Признание многообразия видов объективного обусловливания позволяет говорить и о многообразии видов закономерных отношений или о многообразии типов и видов законов.

Законы могут быть различными: по степени общности; по сферам бытия; по предметам исследования в разных науках (законы общества, законы природы, законы мышления, законы конкретных наук и т. д.); *по детерминационным отношениям* (статистические или динамические).

Основанием для деления законов на динамические и вероятностно-статистические в современной науке выступает структура отношений детерминации. **Динамический закон** – *это закон, управляющий поведением индивидуального объекта и позволяющий установить однозначную связь его состояний.* Знание динамического закона позволяет однозначно предсказывать на основе известного состояния объекта все его будущие состояния.

Вероятностно-статистический закон – это закон, управляющий поведением больших совокупностей и в отношении индивидуального объекта позволяющий делать лишь вероятностные (неоднозначные) заключения. Обратим внимание: он характеризует поведение не отдельного элемента в этом коллективе, а поведение коллектива в целом. Знание статистической закономерности не позволяет однозначно предсказывать поведение отдельных индивидуальных объектов, входящих в коллектив. В отношении отдельных элементов такие предсказания имеют только вероятностный характер.

Эти законы не исключают друг друга, но дополняют, позволяя составить более богатое представление о разнообразии отношений детерминации.

Индетерминизм выступает альтернативой по отношению к детерминизму. Существуют различные формы индетерминизма, но все они связаны либо с отрицанием принципа причинности, либо с отрицанием объективного характера отношений детерминации. В современной западной философии весьма распространена доктрина, сторонники которой отвергают принцип причинности, но принимают принцип закономерности.

Научные представления о динамической и статистической закономерностях

Становление современной научной картины мира можно представить как переход от преимущественно причинно-следственных моделей и анализа к преимущественно системным моделям и анализу.

Причинно-следственные модели являются весьма эффективным прогнозирующим средством. Так, основная проблема классической механики состояла в том, чтобы понять, описать и **предсказать** траектории (пути) движения материальных частиц под воздействием приложенных сил. Эти траектории, очевидно, имеют самый различный вид в зависимости от характера действующих сил.

В отличие от гадания, предсказания, пророчества и т.п., прогнозирование – научное исследование, которое основывается на выявлении закономерностей развития явления или события, когда известны причины его зарождения, формы функционирования и ход развития.

Прогнозирование – есть форма предвидения, связанная с предвидением направления развития явления в будущем посредством переноса на него представлений о том, как функционирует (или развивается) явление в настоящем. Предвидение может быть не связанным с научным исследованием, например, может быть простым предвосхищением (предчувствием, свойственным любому организму, –

от растения или вируса до человека), предугадыванием, основанным на биологических и психофизиологических способностях, и собственно предвидением – человеческим представлением о будущей судьбе самого себя, своих качеств, своего окружения и ближайшей контактной среды.

Согласно традиционному представлению о реальности, основанном на классической ньютоновской физике, Вселенная состоит из материальных тел и пустоты. Научная революция, вызванная работами Галилея и Ньютона – классический пример того, как невообразимое нагромождение фактов обретает изящную простоту при использовании более адекватной математической модели. Основное достижение Ньютона состояло в рассмотрении планет как движущихся в пространстве материальных тел, которые подчиняются физическим законам движения и закону всемирного тяготения, открытым самим Ньютоном. Благодаря этому Ньютону удалось описать размеры и форму планетарных орбит, а также периоды обращения по ним планет. Результаты расчетов хорошо согласовались с данными наблюдениями. А самое главное заключается в том, что и законы движения Ньютона, и его закон всемирного тяготения **математически очень просты**. Но в совокупности они дают описание богатого и сложного разнообразия движений.

Как правильно понимать то, что мы считаем **физическим законом**? Когда физик говорит о законе, он имеет в виду некоторое ограничение на поведение определенного класса систем. Например, простой закон гласит: все брошенные бейсбольные мячи описывают параболические траектории. Этот закон можно проверить, наблюдая полеты большого числа бейсбольных мячей. Но закон не утверждает, что все траектории одинаковы. Если бы все мячи летели по одинаковым траекториям, то бейсбол оказался бы скучной игрой. Одни параболы плоские и стелятся низко, другие – крутые и взмывают высоко. И хотя все эти траектории принадлежат к одному и тому же классу кривых – к параболам, существует бесконечное разнообразие форм параболических кривых.

Что же определяет конкретную параболическую траекторию, по которой летит данный бейсбольный мяч? Именно в выборе траектории и проявляется искусство бейсболиста, так как ее форма зависит от того, с какой скоростью и под каким углом к горизонту брошен мяч. Эти два дополнительных параметра, называемые **«начальными условиями»**, и следует задать для однозначного выбора траектории.

Таким образом, все богатство и сложность явлений реального мира можно описывать при помощи простых законов, поскольку существует бесконечное множество начальных условий, создающих разнообразие.

Например, физические законы требуют, чтобы орбиты всех планет Солнечной системы были эллиптическими, но точная их форма и отношение длин большой и малой полуосей каждого эллипса их этих законов не следуют. Они определяются начальными условиями, которые нам неизвестны, так как зависят, в первую очередь, от условий формирования Солнечной системы. Те же самые законы описывают гиперболические траектории комет и даже сложные траектории космических кораблей. Таким образом, открытые Ньютоном простые математические законы служат основой поистине множества сложных явлений.

В классической физике изложение механики следовало строгому соблюдению **причинности**. Все детали движения каждой частицы были строго предопределены законами движения. Считалось, что движение непрерывно и строго определено действующими силами. Законы движения в прямом смысле воплощали в себе связь между причиной и следствием. Вселенная рассматривалась как гигантский часовой механизм, поведение которого строго регламентировано происходящим в данный момент. Именно вера в подобную всеобъемлющую и абсолютно строгую причинность побудила Пьера Лапласа утверждать, что сверхмощный калькулятор способен в принципе предвычислить на основе законов механики как историю, так и судьбу Вселенной. Согласно этой точке зрения, Вселенная обречена вечно следовать предписанному пути.

Квантовая физика разрушила методичную, но бесплодную лапласовскую схему. Физики убедились в том, что на атомном уровне материя и ее движение неопределенны и непредсказуемы. Частицы могут вести себя «сумасбродно», как бы сопротивляясь строго предписанным движениям, внезапно появляясь в самых неожиданных местах без видимых на то причин, а иногда возникая и исчезая «без предупреждения».

Квантовый мир не свободен полностью от причинности, однако она проявляется довольно нерешительно и неоднозначно. Например, если один атом в результате столкновения с другим атомом оказывается в возбужденном состоянии, он, как правило, быстро возвращается в состояние с наименьшей энергией, испуская при этом фотон. Возникновение фотона является, разумеется, следствием того, что атом перед этим перешел в возбужденное состояние. Мы можем с уверенностью сказать, что именно возбуждение привело к возникновению фотона, и в этом смысле связь причины и следствия сохраняется. Однако истинный момент возникновения фотона непредсказуем: атом может испустить его в любое мгновение. Физики в состоянии вычислить вероятное время появления фотона, но в каждом

конкретном случае невозможно предсказать момент, когда это событие произойдет. Видимо, для характеристики подобной ситуации лучше всего сказать, что возбуждение атома не столько приводит к появлению фотона, сколько «подталкивает» его к этому.

Таким образом, квантовый микромир не опутан густой паутиной причинных взаимосвязей, но все же «прислушивается» к многочисленным ненавязчивым командам и предложениям. В старой ньютоновской схеме сила как бы обращалась к объекту с не допускающим возражения приказом: «Двигайся!». В квантовой физике взаимоотношения силы (причины) и объекта строятся скорее на приглашении, чем на приказе. Квантовая физика представляет собой область науки, в которой имеет смысл говорить о событии, происходящем **без видимой причины**.

Подобное можно наблюдать и в социальной сфере. Например, изменение мировоззрения, образа жизни. Американский социолог У. Огборн в 1922 г. предложил концепцию неравномерности развития различных сфер общества, так называемую теорию культурного лага (запаздывания). Согласно этой теории, изменения в экономике, технологии могут значительно опережать изменения в социокультурной сфере.

«Р. Дарендорф утверждал, что для проведения политических реформ достаточно 6 месяцев, экономические реформы можно осуществить за 6 лет, но процесс изменения менталитета, жизненных стилей может потребовать нескольких поколений»⁹².

Или, например, возникновение новой крупной, интенсивной войны наиболее вероятно через два поколения после последней масштабной и кровавой войны. «Небольшие, локальные военные конфликты в истории возникали настолько часто, насколько позволяли ресурсы и агрессивность хотя бы одной из сторон конфликта. Что же сдерживает социальные системы от слишком частых кровавых конфликтов? По мнению ряда ученых, основным сдерживающим фактором является социальная память. Знаменитый историк А. Тойнби обнаружил в истории, начиная с XVI века, 115-летний цикл войны и мира. В своем анализе он опирался на исследования американского политолога К. Райта, который выявил определенную периодичность возникновения крупных, интенсивных войн (период 50-60 лет).

Наличие периода длиной в два поколения Тойнби объяснил тем, что выжившее в войне поколение передает ощущение ужаса от войны своим детям. Однако когда военные истории рассказываются внукам, тяготы войны уже стираются из памяти и в рассказах делается упор на

⁹² Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998. – С. 189.

героические и величественные военные подвиги. Поэтому внуки вновь готовы к испытаниям и мечтают о военной славе ... гипотезу о длительности социальной памяти в два поколения поддерживали многие ученые (Шумпетер, Форрестер). Казалось бы, эту гипотезу опровергает то, что вторая мировая война началась всего лишь через 20 лет после первой мировой. Сторонники данного подхода объясняют этот неудобный факт тем, что считают вторую мировую войну просто продолжением первой мировой, которая осталась какой-то незавершенной»⁹³. Тойнби выявил три цикла борьбы за мировое лидерство. В датировке циклов борьбы за мировое лидерство среди ученых нет единства, как нет единства в прогнозировании очередного конфликта за мировое лидерство. Одни ученые считают, что фаза системных войн может начаться в 2030 г., причем основным соперником США вместо СССР будет скорее всего Китай или Индия. «Более пессимистичен прогноз американского ученого Дж. Гольдстайна. По его мнению, мировая война может начаться ранее 2020 года. Американский политолог в 1987 г. опубликовал работу, в которой разработал концепцию длинных волн, порождаемых войнами, их последствиями и подготовкой к ним. Проанализировав данные о войнах примерно за 500 лет, Гольдстайн обнаружил определенную периодичность, объясняемую им тем, что войны разрушают производство и производственные силы. Это заставляет государства сосредотачиваться на внутренних проблемах. По мере того как из памяти поколений стирается психологический эффект предыдущей войны, а производственный потенциал увеличивается, создаются предпосылки для новой борьбы за гегемонию»⁹⁴.

По мнению Гейнса, система характеризуется тем, что позволяет различать, что принадлежит ей, а что нет, и описывать взаимодействия с окружающей средой. То есть определяются входы и выходы системы и указывается, как повлияют на выходы системы те или иные воздействия на входах. Эти рассуждения делают понятным смысл другого лаконичного определения: система – это потенциальный источник данных. Такое определение предполагает введение следующей расширительной трактовки понятия **эксперимента**: эксперимент – это процесс извлечения данных из системы с помощью воздействия на ее входы. Таким образом, проводя эксперименты, мы собираем знания о системе, а моделирование становится процессом организации знания о данной системе.

⁹³ Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – С. 145-146.

⁹⁴ Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – С. 147.

Таким образом, системный подход в XX веке находит все больше сторонников в различных областях знания (физике, биологии, истории, социологии и др.).

Естественно, что, имея дело со сложной системой, важно понять **возможность обращения к средним характеристикам и усредненным представлениям** о тех процессах, которые в ней происходят. Поэтому успех исследования в значительной мере связан с **репрезентативностью** такого статистического подхода, при котором пропадают местные, индивидуальные характеристики системы и остаются только их эффективные значения.

Некоторые трудности связаны с тем, что при этом возникает впечатление **о потере понимания причин происходящего**, поскольку частные механизмы поглощены при их усреднении. С этим связаны и вопросы управления сложными взаимозависимыми системами, когда прямое вмешательство, основанное на частных факторах, не приводит к ожидаемому результату. Таких примеров множество, особенно при попытках управления обществом и страной, и происходит это в силу высокой сложности связей, которые возникают в больших нелинейных системах. Словом, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Однако именно сложность системы допускает статистический подход к ее анализу.

В качестве примера статистического подхода приведем **оценку** средней температуры больных в больнице. Действительно, для каждого отдельного пациента такие сведения совершенно не нужны, обидны и даже оскорбительны. Но для главного врача повышение средней температуры может послужить важным сигналом об эпидемии, постигшей вверенную ему больницу. При таком подходе, естественно, сглаживаются все частные различия между больными, однако со все большей четкостью проступают **общие закономерности развития**.

Продолжим аналогию с больницей. Состояние конкретного больного определяется его температурой. Но и температура на уровне организма также является интегральной характеристикой здоровья. А эпидемиологическое состояние больницы может повлиять на решение о том, стоит ли обращаться туда за помощью или нет и объявлять ли главному врачу там карантин. **Трудность восприятия такого анализа** и в том, что при этом как бы **отвлекаются от конкретных причин происходящего**.

Когда микроскопическая (детальная) картина явлений очень сложна, то механистический редукционизм оказывается бессильным, чтобы в реальном, макроскопическом, масштабе охватить всю совокупность явлений. Методология механистического редукционизма

основана на мысли, что, только поняв частные механизмы развития, можно затем перейти к описанию общего.

Методологические корни редукционизма лежат глубоко, их следует искать в успехе классической механики, когда, начиная с Ньютона, была продемонстрирована необыкновенная мощь и результативность такого подхода. Поэтому первая мысль исследователей общества состояла в том, чтобы повторить этот путь, найти общие законы развития общества и на этой основе управлять обществом подобно тому, как, зная законы небесной механики, можно не только вычислить движение планет, но и направить к ним космические ракеты.

Однако опыт физики показал, что существует и другой путь, когда ищутся законы, описывающие систему в целом. При развитии такого подхода, с одной стороны, следует определить предмет исследования и затем понять, какими статистически значимыми характеристиками его следует описывать.

Представления о системе

Первые представления о системе как совокупности элементов, находящихся в структурной взаимосвязи друг с другом и образующих определенную целостность, возникли в античной философии (Платон, Аристотель). Воспринятые от античности принципы системности развивались в дальнейшем в концепциях Кузанского, Спинозы, в немецкой классической философии они разрабатывались Кантом, Шеллингом, Гегелем.

Система есть множество связанных между собой элементов. Как следует из этого определения, система представляет собой **множество** с некоторыми дополнительными характеристиками. Математическое понятие множества является первичным. «Под множеством мы понимаем любое объединение в одно целое M определенных, вполне различаемых объектов из нашего восприятия или мысли (которые называются элементами M)»⁹⁵. Когда мы говорим, что множество есть набор или совокупность, то просто поясняем смысл понятия с помощью синонимов.

Чем выше организованность системы, тем легче отличить ее от множества. Труднее провести различие между понятиями системы и множества для менее организованных, слабо структурированных объектов. Учитывая трудности четкого разграничения понятий множества и системы, А.А. Малиновский предлагает не требовать, чтобы система по своим проявлениям обязательно отличалась от

⁹⁵ Клини С.Н. Введение в метаматематику. – М., 1957. – С. 15.

простой суммы составляющих ее элементов. При низком уровне организации система по своим свойствам может приближаться к сумме своих частей. **Эмерджентность** – несводимость (степень несводимости) свойств системы к свойствам элементов системы.

Приведем еще одно определение системы, поясняющее суть этого понятия. **Система** – обособленная сознанием часть реальности, элементы которой обнаруживают свою общность в процессе взаимодействия. Особенным успехом у специалистов по теории систем пользуется афористичный тезис Б. Гейнса: системой является все, что мы хотим различать (рассматривать) как систему. Гейнс приводит также другую редакцию этого определения: системой является то, что различается как система.

Данные определения подчеркивают очень важное свойство системы, ее организованность (структурность). **Структура** – относительно устойчивая фиксация связей между элементами системы. Структуры делятся на простые и сложные в зависимости от числа и типа взаимосвязей между элементами. Структуры часто носят иерархический характер, т.е. состоят из упорядоченных уровней. **Проблема структуризации** была одной из ведущих тем в популярном в первой половине XX в. направлении психологии – гештальтпсихологии (от нем. Gestalt – структура, форма, конфигурация). Проблема структуризации является одной из главных отличительных особенностей системных исследований. Подмножества элементов системы могут рассматриваться как подсистемы, состоящие в свою очередь из подсистем более низкого уровня. Однако следует иметь в виду, что разбиение системы на подсистемы зависит от целей исследования и, вообще говоря, неоднозначно.

Представления о линейной, многолинейной и нелинейной эволюции

Перейдем к описанию **динамики систем**. Введем основные определения. Под **поведением (функционированием)** системы понимается ее действие во времени. Изменение структуры системы во времени можно рассматривать как **эволюцию (генезис)** системы. Для эволюционных теорий характерен поиск универсальных принципов и моделей развития систем. В **классической модели эволюции** развитие имеет постепенный, непрерывный и восходящий, кумулятивный и необратимый характер. Предполагается, что система, например социальная система, развивается по аналогии с биологическим организмом, при этом какие-то важные показатели неуклонно увеличиваются. Теоретики доказывают, что в процессе эволюции неуклонно растут: сложность и дифференциация; адаптивность и

разнообразии; рациональность и свобода; урбанизация и бюрократизация. Но следует обратить внимание на два перспективных направления совершенствования теории эволюции: **концепцию многолинейной эволюции и концепцию «прерывистого равновесия»**. Эти идеи особенно развиваются в применении к высокоорганизованным системам (социокультурным, организационным и экономическим изменениям). Например, Ю.Н. Тынянов, рассматривая литературную эволюцию, а именно, популярности литературного жанра, отмечал, что эволюционные процессы протекают не планомерно, а скачкообразно. В эпоху разложения какого-либо жанра последний из центра перемещается на периферию литературного процесса, а на его место из мелочей литературы, из ее низин всплывает в центр новое явление⁹⁶. Американский антрополог Дж. Стюард считал, что в эволюционные изменения многоплановы и мультилинейны. Аналогичную схему эволюционного процесса разработали профессора Токийского университета Я. Мураками, С. Кумон и С. Сато, анализируя особенности японской модели модернизации. По мнению японских ученых, современные теории модернизации должны основываться на признании многолинейного характера исторического процесса (исторической эволюции), так как на каждой новой ступени общественного развития ведущей может стать одна из линий эволюции, игравших «периферийную» роль на предыдущей стадии⁹⁷. Этот же круг идей развивает И. Валлерстайн⁹⁸.

В теориях эволюции до последнего времени доминировала идея постепенного, непрерывного развития, основанного на процессах адаптации и естественного отбора. Однако в последние годы все более популярной становится концепция «прерывистого равновесия». Теория прерывистого равновесия впервые сформулирована биологами Н. Элдреджем и С. Гоулдом в 1972 г. По их мнению, биологические, макроэволюционные изменения носят характер всплесков. Длительные периоды постоянства (застоя) сменяются кратковременными быстрыми изменениями, в процессе которых и происходит образование новых биологических видов. В данную схему укладывается разработанная П. Куном модель чередования этапов «нормальной» науки и революционных переходов к новой научной парадигме. Кстати, и саму теорию прерывистого равновесия называют новой эволюционной парадигмой.

⁹⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

⁹⁷ Мураками Я., Кумон С., Сато С. Общество как цивилизация // Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе. – М., 1989. – С. 126-155.

⁹⁸ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // СОЦИС. – 1997. - №1. – С. 8-21.

Можно предположить, что философия по отношению к науке играла роль периферии. Очень часто разработанные философами идеи и концепции в случае необходимости (кризиса научного знания?) из философии перемещались в науку и присваивались наукой. Можно также предположить, что мы неправильно оценивали мистику. Многие научные идеи были подсказаны науке восточным мистицизмом (перемещены оттуда). Об этом пишет Фритьюф Капра⁹⁹.

Следующее понятие динамики систем – **цель** системы, то есть предпочтительное для нее состояние. Целенаправленное поведение – стремление достичь цели. В телеологии как идеалистическом философском учении считалось, что можно описать и истолковать законы Вселенной, используя концепцию «конечных причин» целей, которые относятся к будущему. Телеологический взгляд на Вселенную, развитый еще античными философами, был отвергнут во времена Галилея и Ньютона, когда механистические концепции в физике позволили объяснить законы движения на основе предшествующих причин без использования метафизических «конечных причин». Однако господствующие долгое время механистические взгляды на Вселенную были неспособны объяснить многие явления, происходящие в живой природе и человеческом обществе.

Кибернетика заново ввела понятие целевого (телеологического) объяснения в научный оборот. Важность **принципа обратной связи** была осознана при разработке технических систем. Обратная связь – воздействие результатов функционирования системы на характер этого функционирования. Если обратная связь усиливает результаты функционирования, то она называется **положительной**, если ослабляет – **отрицательной**. Положительная обратная связь может приводить к неустойчивым состояниям, тогда как отрицательная обратная связь обеспечивает устойчивость системы. С помощью отрицательных обратных связей органические системы поддерживают свою жизнедеятельность. Например, тяжелая физическая работа уменьшает количество кислорода в крови человека. Однако учащенное дыхание (при физической работе) увеличивает приток кислорода к легким, что ведет к пополнению запаса кислорода в крови. В качестве примера положительной обратной связи можно рассмотреть проблему инфляционных ожиданий. Рост инфляционных ожиданий вынуждает людей делать больше покупок, чем необходимо. Увеличение спроса приводит к росту цен и усиливает инфляцию, что в свою очередь способствует повышению инфляционных ожиданий.

⁹⁹ Капра Ф. Дао физики. – СПб., 1994.

Одним из первых, кто осознал роль обратной связи в познании поведения систем живой и неживой природы, был Норберт Винер, который считается отцом кибернетики. Начальные идеи кибернетики разработаны группой ученых, которую возглавлял Н. Винер. В 1943 г. появилась историческая статья «Поведение, целенаправленность и телеология», где впервые показано принципиальное единство ряда задач, в центре которых находятся проблемы связи и управления в природе и технике.

Винер отмечал, что, выбирая термин «кибернетика», происходящий от греческого «кормчий», «мы тем самым признавали, что первой значительной работой по механизмам с обратной связью была статья о регуляторах, опубликованная Кларком Максвеллом в 1868 году... Мы хотели также отметить, что судовые рулевые машины были действительно одними из первых хорошо разработанных устройств с обратной связью»¹⁰⁰. Он считал, что существование отрицательных обратных связей у живых существ является главной особенностью, отличающей живую природу от неживой. Технические системы обладают обратной связью по воле конструктора. Следует отметить, что за 15 лет до Винера А.П. Анохин также утверждал, что наличие отрицательных обратных связей обеспечивает устойчивость организмов и создает у живых **существ стремление к сохранению гомеостазиса**. Еще ранее А.А. Богданов писал, что для **развития организации** любой природы необходимы отрицательные и положительные обратные связи.

В 70-е годы XX века столетия теория систем столкнулась с **затруднением**, которое заключалось в том, что **ключевые понятия** классического системного анализа в социологии и биологии ориентированы на изучение систем в статическом состоянии, когда изменений нет или они несущественны. В такой ситуации адекватным было понимание системы как целого, зафиксированного устойчивой **структурой** взаимодействия элементов. Однако если мы начнем наблюдать за динамикой системы, т.е. за изменениями конкретной системы во времени, то легко убедимся, что **четкость и ясность основных системных понятий начинает размываться**.

Например, проанализируем функционирование системы МГУ за последние 25 лет. За этот период сменилось несколько ректоров, появились новые факультеты, поменялось государство, изменилась идеология. Что можно сказать о МГУ как о социальной системе, изменилась ли она настолько, что нужно говорить о разных социальных системах, или она сохранила свою **тождественность**?

¹⁰⁰ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983. – С. 28.

Размышляя над проблемами тождественности органических систем, биологи пришли к выводу, что ключевым понятием теории живых систем должна стать организация, а не структура. **Организация** определяет **главные отношения**, которые конституируют системы как целое, тогда как структура системы, т.е. взаимодействие элементов, может меняться. Одна система может **иметь несколько структур**, меняя их с тем, чтобы лучше взаимодействовать с внешней средой. Можно сказать, что система осуществляет структурное сопряжение с другими системами и внешней средой.

Чилийские биологи У. Матурана и Ф. Варела, пытаясь определить отличие живых систем от неживых, ввели понятие «аутопойезис» (самотворение, самопорождение, самовоспроизведение). **Аутопойезис** – сохранение своей организации (единства и целостности), в то время как сами компоненты непрерывно или периодически распадаются и возникают, создаются и уничтожаются, производятся и потребляются. По мнению Матураны, процессы аутопойезиса свойственны не всем социальным системам, а только «естественным», примерами которых являются семьи, клубы, политические партии.

М.А. Розов называет высокоорганизованные системы куматоидами (для куматоидов характерно постоянство **формы** и непостоянство вещества: вещество не сохраняется, сохраняется форма). «Например, что такое Московский университет? Это, конечно, студенты, но они полностью меняются с периодичностью в пять лет, а Московский университет остается Московским университетом. Это преподаватели, но и они меняются, хотя и не с такой строгой периодичностью ... Уже Леонардо да Винчи обращает внимание на один факт, который, по-видимому, его впечатляет. “Многочисленны случаи ... когда волна бежит от места своего возникновения, а вода не двигается с места, – наподобие волн, образуемых в мае на нивах течением ветров: волны кажутся бегущими по полю, между тем нивы со своего места не сходят”¹⁰¹ ... Мы предлагаем называть все явления подобного рода куматоидами (от греческого kuma – волна). Специфическая особенность куматоидов – их относительное безразличие к материалу, их способность как бы “плыть” или “скользить” по материалу подобно волне. Этим куматоиды отличаются от обычных вещей, которые мы привыкли идентифицировать с кусками вещества»¹⁰². Примером куматоида может служить и сама наука (институт науки).

В 80-е годы все большее внимание исследователей привлекает **проблема самоорганизации** (появление организации, сложной

¹⁰¹ Да Винчи Л. Избранные естественнонаучные произведения. – М., 1955. – С. 350.

¹⁰² Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М., 1995. – С. 80-82.

структуры, в хаотической среде благодаря флуктуации). Например, описание процесса самоорганизации у термитов¹⁰³ – построение термитника. Предполагается, что первая стадия – основание термитника – является результатом беспорядочного поведения термитов. Термиты приносят и беспорядочно разбрасывают комочки земли. Каждый комочек пропитывается гормоном, привлекающим других термитов. Случайным образом в этом процессе возникает флуктуация – несколько большая концентрация комочков земли в окрестности некоторой точки. Повышенная концентрация гормонов привлекает к этой точке большее число термитов. Процесс концентрации термитов усиливается благодаря положительной обратной связи. Постепенно возникают «опоры» термитника.

В теории диссипативных структур, развиваемой И. Пригожиным и его школой, первоначально изучались процессы самоорганизации в физико-химических системах. До работ Пригожина в естествознании в основном изучались равновесные структуры. Если систему с равновесной структурой **изолировать** от внешней среды, то ввиду инертности данная равновесная структура может существовать бесконечно долго. Равновесную структуру можно рассматривать как результат статистической компенсации активности микроскопических элементов (молекул, атомов). Однако в биологических и социальных системах ситуация, как правило, другая: система открыта (незамкнута) и, более того, существует потому, что она открыта, питается потоками вещества, энергии, информации, поступающими из внешнего мира. В открытых системах **случайные флуктуации** «пытаются» вывести систему из равновесного состояния. В реальных системах незначительные флуктуации, как правило, подавляются, и система остается стабильной. Если же силы, действующие на систему, становятся достаточно большими и вынуждают ее достаточно далеко уйти от положения равновесия, то состояние системы становится неустойчивым. Некоторые флуктуации могут не затухать, а усиливаться и завладевать всей системой. В результате действия положительной обратной связи флуктуации усиливаются и могут привести к разрушению существующей структуры и переходу в новое состояние. Причем возможен переход и на более высокий уровень упорядоченности, называемый диссипативной структурой. Возникает явление самоорганизации.

Исследуя динамику сильно неравновесных систем, И. Пригожин приходит к следующим выводам: «Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится

¹⁰³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой. – М., 1986. – С. 246.

непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы... Существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуации, которая сначала была локализована в малой части системы, а затем распространилась и привела к новому макроскопическому состоянию»¹⁰⁴.

Известный американский футуролог О. Тоффлер в предисловии отмечает, что «пригожинская парадигма особенно интересна тем, что она акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современной стадии ускоренных социальных изменений: разупорядоченности, неустойчивости, разнообразии, неравновесности, нелинейных соотношениях, в которых малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе, и темпоральности – повышенной чувствительности к ходу времени»¹⁰⁵. Принципы, разработанные Пригожиным для анализа химических процессов, были распространены на широкий класс явлений в физике, молекулярной биологии, процессов эволюции в биологии, а затем и социологии.

Одно из основных понятий современной нелинейной науки – **бифуркация**. В точке бифуркации система как бы делает выбор, который определяет ее дальнейшую эволюцию. Ю. Лотман считает, что целесообразно рассмотреть **два типа социальных процессов**. В первом типе социальных процессов события носят внеличный характер, так как участники процесса практически лишены права выбора. Можно сказать, что люди играют роль частиц в броуновском движении гигантских социальных процессов (развитие общественных формаций, классовые, национальные движения). Второй тип социальных процессов связан с событиями, которые совершаются через сознание людей и с помощью этого сознания. «Человек оказывается перед возможностью выбора поведения и неизменно соотносит свои действия с образом цели, представлением о результатах»¹⁰⁶. Таким образом, там, где социальный процесс предстает как множество альтернатив, **выбор** между которыми осуществляется **интеллектом и волей** человека, необходим поиск новых и более сложных форм и **моделей причинности**. Ю. Лотман предлагает рассматривать социальный процесс как многофакторный поток. «Когда достигается точка бифуркации, движение как бы останавливается в раздумье перед выбором пути»¹⁰⁷. Из этой точки может выходить несколько

¹⁰⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой. – С. 56.

¹⁰⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой. – С. 16-17.

¹⁰⁶ Лотман Ю. Клио на распутье // Наше наследие. – 1988. - № 5. – С. 3.

¹⁰⁷ Лотман Ю. Клио на распутье. – С. 3.

равновероятностных устойчивых траекторий развития. В этом моменте социального процесса люди имеют возможность осуществлять выбор. «Как бы ни были бессильны при нормальном течении истории эти факторы, они оказываются решающими в момент, когда система задумалась перед выбором. Но, вмешавшись в общий ход процесса, они сразу же придают его изменениям необратимый характер... замкнутые фигуры – круг, треугольник, квадрат – символизируют высшие надчеловеческие силы; крест, перекресток уже в санскрите означал выбор, судьбу, человеческие начала: разум и совесть. Перепутье предоставляет выбор идущему»¹⁰⁸. Не следует забывать, что в изученных физических, химических и биологических системах точек бифуркации не так уж много. Типичным является устойчивое состояние, **устойчивое развитие**. Поэтому представители более точных, естественных наук не одобряют слишком частое и вольное использование термина «бифуркация» политологами и историками. Социальные системы от природных отличает прежде всего то, что эти системы способны делать **осознанный выбор**.

Немецкий ученый Г. Хакен назвал теорию самоорганизации **синергетикой** (теорией совместного действия). Синергетика изучает такие **взаимодействия** элементов системы, которые приводят к возникновению пространственных, временных или пространственно-временных структур в макроскопических масштабах. Особое внимание уделяется структурам, возникающим в процессе самоорганизации. «С более общих позиций можно считать, что и теория динамических систем, и синергетика занимаются изучением временной эволюции систем. В частности, математики, работающие в теории бифуркаций, отмечают, что в центре внимания синергетики (по крайней мере в современном виде) находятся качественные изменения в динамическом (или статическом) поведении системы, в частности при бифуркациях. Наконец, синергетику можно рассматривать как часть общего системного анализа»¹⁰⁹.

Таким образом, теория катастроф, системная динамика, теория диссипативных структур «самоорганизовались» в новую междисциплинарную науку – синергетику. Наряду с теорией относительности, квантовой физикой **теория хаоса** оказывает все более заметное влияние на парадигмы обществоведения. Высказывается надежда, что теория хаоса послужит углублению взаимопонимания между представителями естественных и гуманитарных наук.

В древние времена **хаосом** называли неупорядоченную, бесформенную массу, из которой возникло все сущее.

¹⁰⁸ Лотман Ю. Клио на распутье. – С. 4.

¹⁰⁹ Хакен Г. Синергетика. – М., 1985. – С. 17.

Самоорганизацией называется переход от хаоса к порядку. В состоянии хаоса поведение системы непредсказуемо. Точнее, нельзя предсказать конкретное состояние, проследить заданную траекторию на длительном временном интервале. Однако вероятностные, усредненные характеристики могут быть спрогнозированы. Рассмотрим в качестве примера наклонный желоб, по которому течет вода. Если бросить в него разноцветные песчинки, то они стройными рядами поплывут вниз. Попробуем положить в желоб несколько камней. Спокойное течение сменится турбулентным. Траектории песчинок, определяемые завихрениями и водоворотами, станут трудно прогнозируемыми. Две в начале близкие песчинки к концу пути могут оказаться далеко друг от друга. Однако интегральные характеристики системы (например, количество жидкости, вытекающей из желоба в единицу времени) могут вести себя достаточно устойчиво.

Таким образом, в сложных системах часто возникает порядок (устойчиво функционирующая структура), **симметрия в развитии**. **Самоорганизация является принципом развития сложных систем.** Для процессов самоорганизации в пространстве и времени необходимы следующие условия: 1) относительная открытость системы, которая предполагает наличие определенных потоков в нее и из нее (вещества, энергии, информации для нелинейной системы вообще и капитала, товаров, человеческих ресурсов и т. д., если это социальная система); 2) нелинейное поведение системы, которое определяется ее сложностью, богатым набором самых разнообразных ресурсов; 3) наличие элемента случайности как нарушения однообразия (например, случайности природного происхождения или случайности научно-технического плана и т.д.); причем новое, ранее не бывшее, является самой подлинной случайностью; 4) наличие управляющих параметров.

Открытость системы одновременно вынуждает (в открытой системе наряду с преумножением происходит утечка ресурсов) и способствует накоплению системой самых различных ресурсов (экономических, социальных, физиологических, психологических, интеллектуальных), при помощи которых система может противостоять неожиданным изменениям в окружающем ее мире. Случайность может быть как внешнего (например, природный катаклизм), так и внутреннего характера (например, болезнь). Разделение случайностей на внешние и внутренние носит относительный характер. Как внешний случай может перейти во внутренний, так и внутренний может стать внешним.

Параметр – это основное системное свойство, которое играет весьма важную роль в поведении системы. Управляющие параметры

социальной системы играют важную роль в качественном поведении социальной системы. Когда у системы отмечаются управляющие параметры, это не означает, что внутри системы ведется сознательное управление. Управляющие параметры входят в систему описания познаваемого объекта. Управляющие параметры, если не доказано действительное сознательное управление, представляют внутреннюю логику системы описания.

Если управляющие параметры имеют критические точки, за которыми поведение системы коренным образом меняется и возникают новые разновидности решений, то такие управляющие параметры называют **бифуркационными**. Так, бифуркационными параметрами макроэкономического уровня системы могут быть коэффициенты производительности (эффективности) труда, интегрированные характеристики (например, валовой национальный продукт) и т. д. На микроуровне это могут быть различные характеристики социального взаимодействия.

Поведение сложных систем можно рассматривать, как говорят, в **линейном приближении**. Это верно тогда, когда состояние системы устойчиво. Критерий устойчивости системы заключается в малых колебаниях около положения равновесия. В устойчивых системах существует одна система связей – функционирования. Если же система находится вблизи порога устойчивости, но еще устойчива, то даже небольшое возмущение может стать причиной непропорционально крупных изменений, наступающих при потере устойчивости, нарушении внутренней структуры и организации системы, которые затем приводят к хаосу. Внезапные переходы организации системы в новое состояние, после чего наступает следующая стадия эволюции, называются **бифуркациями**.

Модели самоорганизации открывают перед нами неустойчивый мир (находящийся в хаотическом режиме), в котором малые причины порождают большие следствия. Малые воздействия на систему вблизи границы устойчивости могут привести к непропорционально большим последствиям. Так, в 1914 г. Европа стремительно развивалась, вооружалась и находилась на пороге устойчивости. Убийство эрцгерцога Фердинанда оказалось малым, но достаточным возмущением для того, чтобы опрокинуть хрупкую систему европейской безопасности и ввергнуть Европу в непредвиденный хаос мировой войны. И только по прошествии 40 лет Европа перешла в новое состояние относительно спокойного развития.

Множество точек, к которым притягиваются траектории динамических систем, называются **аттрактором**. Аттракторы являются математическим образом установившихся режимов. Для устойчивых

равновесных систем аттракторами чаще всего является либо точка, тогда переменные не меняются во времени, либо цикл, тогда система испытывает периодические колебания.

Если система находится в неустойчивом состоянии, то ее траектории могут притягиваться к странному аттрактору. Странный аттрактор в некоторых случаях похож на клубок траекторий, напоминающих две склеенные друг с другом ленты. Если наблюдать за поведением точки, характеризующей состояние системы, на экране дисплея, то можно увидеть, что точка «бегает» по аттрактору, случайно (хаотично) подается то на левую, то на правую ленту. Переход системы в режим странного аттрактора означает, что в ней наблюдаются сложные непериодические колебания, которые очень чувствительны к незначительным изменениям начальных условий. Такой режим может **быть назван хаотическим.**

Странный аттрактор, определяющий хаотическое поведение системы, часто занимает ограниченную область фазового пространства. Поэтому, хотя траектории разбегаются с экспоненциальной скоростью, убежать за границы странного аттрактора они не могут. Следовательно, определение границ области хаоса может позволить получить оценки поведения системы. Можно ли управлять подобными системами? Не только можно, но и нужно. Чувствительность такой системы позволяет вывести ее из хаотического состояния с помощью очень малых, но точных и своевременных воздействий.

Одни теоретики считают, что социальные системы должны избегать хаотических состояний. Но далеко не все теоретики считают, что хаоса следует избегать. Верящие в животворную силу хаоса, наоборот, полагают, что чем он окажется обширнее, глубже, тем более эффективный порядок смогут породить творческие силы самоорганизации.

Представления о времени

Проблема времени в истории занимала мыслителей всех эпох и народов, ей посвящена огромное количество литературы. Первый, если не главный вопрос, который давно был поставлен, – в чем смысл различия времени в естественных науках и времени, которое воспринимается в истории субъективно человеком в процессе жизни или историком при изучении развития общества.

Первое понимание времени определяет его как внешний фактор, никак не связанный с происходящими процессами, будь то движение небесных светил, колебания молекул в атомных часах или физиологический рост самого человека. Второе понимание времени рассматривает его как деятельность тех или иных процессов в

человечестве. Следовательно, оно зависит от протекания этих процессов.

Остановимся на понятии времени астронома и физика. Издавна именно астрономические явления определяли ритм жизни. Восход и закат Солнца, смена времен года, фазы Луны и движение планет навязывали человеку ход времени с постоянством и неоспоримостью, которые представлялись абсолютными. Полнее всего это понятие об абсолютном времени было выражено Ньютоном при утверждении основных представлений классической механики: «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год»¹¹⁰.

Современному физика, воспитанному на мыслях об относительности времени, такие представления недостаточны, особенно после того глубокого понимания времени, которым мы обязаны Эйнштейну. В специальной теории относительности время по-прежнему независимо от состояния развития системы, поскольку речь идет о кинематике инерциальных систем отсчета, движущихся без ускорения, а, следовательно, и без взаимодействий. Здесь уместно вспомнить определение времени, данное еще Аристотелем: «время есть число движения». Однако в общей теории относительности течение времени уже зависит от изменения состояния и гравитационного поля системы.

Идея о собственном внутреннем времени эволюции системы кажутся естественными после работ И.Р. Пригожина по самоорганизации диссипативных структур и введенной им направленности стрелы времени¹¹¹. Диссипативные системы – механические системы, в которых происходит диссипация энергии. Диссипация энергии – переход части энергии упорядоченных процессов (кинетической энергии движущегося тела, энергии электрического тока и т.д.) в энергию неупорядоченных процессов, в конечном счете – в теплоту. В процессе эволюции подобных структур развитие необратимо. Это принципиально отличает их от простых физических систем, в которых движение и процессы обратимы, что является

¹¹⁰ Ньютон И. Математические начала натуральной философии.

¹¹¹ Пригожин И. Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М., 1994.

следствием временной симметрии законов Ньютона в механике и уравнений Максвелла в случае электрических и оптических явлений.

Следует отличать течение физического, ньютоновского, Времени-1 и исторического времени, которое связывают с характерной длительностью процесса развития, Времени-2. События во Времени-2 необратимы. Это хорошо выражено в афоризме Гераклита: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В истории человечества непрерывный рост числа людей и есть та река времени, в которую невозможно вернуться.

Таким образом, понятие Времени-2 как собственного, социального времени человечества, введенного на основе анализа понятия длительности исторических процессов, получило свое подтверждение в выражении для динамики роста населения. Однако историки редко обращаются к данным демографии, в то время как именно численность населения дает, пусть и не полную, но универсальную количественную характеристику сообщества людей и тем самым ключ к пониманию динамики развития человечества.

Таблица 4

Различия в представлении о времени

Время-1	Время-2
1. Кинематическое	1. Динамическое
2. Однородное	2. Неоднородное
3. Внешнее, независимое	3. Внутреннее, зависимое
4. Обратимое, каузально нейтральное	4. Необратимое, каузально эффективное

В табл. 6 уточнены различия в представлении о времени. Эти уточнения связаны с более точным определением различий и призваны описать различия Времени-1 и Времени-2 в общих для естественных наук и философии понятиях. К сожалению, часто возникает положение, при котором в философии обращаются к понятиям физики и математики, используя их как образы, вызывающие скорее ассоциации, а не достаточно точные представления о тех или иных качествах. С этим связаны многие трудности в установлении понимания и развитии диалога между естествоиспытателями, философами и представителями гуманитарных наук.

Различие времен следует учитывать при сравнении темпов биологической эволюции, проходящей во Времени-1, и социальной, следующей во Времени-2.

Представления о внешнем и внутреннем системе пространстве и движении

Теория Ньютона позволила объяснить загадку движения Земли (и не только) вокруг Солнца. Великим достижением Ньютона стало сознание того, что равномерное прямолинейное движение (движение как таковое) отнюдь не требует приложения силы. Материальное тело будет двигаться с постоянной скоростью в заданном направлении без какого бы то ни было внешнего воздействия.

В отсутствие внешних воздействий тело непрерывно движется вперед благодаря инерции. Инерция – свойство вещества. Тяжелые предметы обладают большой инерцией; это означает, что их трудно привести в движение, однако если это произошло, то их трудно остановить. Шайба, пущенная по поверхности льда, движется почти как свободное тело. Благодаря инерции шайба сохраняет состояние движения с почти постоянной скоростью; при этом достаточно было придать шайбе начальный импульс, и нет необходимости в какой-либо «подталкивающей» силе. Однако, например, автомобиль испытывает столь сильное трение и сопротивление воздуха, что эти силы вскоре превзойдут его инерцию. В результате автомобиль останавливается, пройдя после выключения двигателя короткий отрезок пути.

Первый закон Ньютона в частности утверждал, что для поддержания равномерного прямолинейного движения не требуется силы или другого физического воздействия. Напротив, тело будет продолжать двигаться прямолинейно и равномерно до тех пор, пока что-либо не изменит характера его движения. **Только отклонение от равномерного прямолинейного движения требует объяснения, т.е. наличия силы.**

Само движение Земли не требует объяснений; в объяснении нуждается только отклонение от равномерного прямолинейного движения. Траектория Земли в пространстве искривляется относительно направления на Солнце, что легко объяснить солнечным притяжением. Механика Ньютона быстро получила признание, поскольку успешно описывала связь сил и движения. Однако механика Ньютона ничего не говорит о происхождении сил, вызывающих ускорение тел.

Как объяснить, например, вращение Земли вокруг своей оси (вращение – частный случай ускоренного, неравномерного движения), при котором возникают «центробежные эффекты», которые в свою очередь вызывают утолщение земного шара в районе экватора? Вследствие вращения Земли возникают «центробежные эффекты» (инерция как свойство вещества отбрасывает нас к внешнему ободу вращающейся карусели или прижимает к стенке вращающейся центрифуги; инерция разрывает слишком быстро вращающийся

маховик, именно эта тенденция сбрасывать с себя вещество (ее иногда называют центробежной силой) приводит к утолщению Земли на экваторе). Тщательные измерения размеров Земли показывают, что ее диаметр по экватору на 43 км превышает расстояние между полюсами. Причина того, что вращение Земли вызывает ее утолщение на экваторе, кроется в существовании инерции. Утолщение на экваторе вращающейся Земли показывает, что вращается именно Земля, а не звезды. **Ньютон утверждал, что вращение Земли имеет абсолютный характер.**

Другими словами, это движение нельзя объяснить воздействием материальных тел. Если равномерное и прямолинейное движение мы объясняем свойством самих материальных тел – инерцией, а круговое движение Земли и других планет – гравитацией, то так как Земля вращается в абсолютном пространстве (пустом), представление об этом движении нельзя соотнести с материальными телами. Вращение Земли является причиной инерции Земли (центробежной силы), является точкой отсчета (началом) движения во Вселенной. Ньютон бросил вызов тем, кто сомневался в существовании абсолютного движения: «Явления, которые отличают абсолютное движение от относительного, обусловлены центробежными силами... В чисто круговом движении, имеющем относительный характер, таких сил не существует».

Ньютон относился к тем, кто придерживался представления о самостоятельном существовании пустоты, или вакуума. Противоположное представление высказал еще Аристотель, который провозгласил «природа не терпит пустоты», и который утверждал, что пустота есть «ничто» и потому не может существовать. Видимое пустое пространство между телами можно принять, лишь предположив, что оно непрерывно заполнено веществом – эфиром или еще чем-либо. Ньютон утверждал, что Земля вращается в абсолютном пространстве. Гравитация действует на расстоянии, через пустое пространство. Эту концепцию Ньютона высмеял его оппонент Готфрид Лейбниц, провозгласивший, что «не существует пространства без материи».

Почти современник Ньютона ирландский философ епископ Джордж Беркли не хотел согласиться с выводом Ньютона относительно абсолютного движения. Беркли считал, что любое абсолютное движение, которое только можно вообразить, в основе своей имеет не что иное, как относительное движение. Беркли обосновывал это тем, что представление о любом движении может иметь смысл, если только его относить к другим материальным телам. Важное представление Беркли состоит в том, что все движения можно описывать относительно «неподвижных звезд», другими словами наиболее далекое вещество во Вселенной может в определенном смысле служить стандартной

системой отсчета. Сегодня мы знаем, что звезды в действительности не «закреплены», а сами движутся в галактике. Однако это движение едва заметно, поскольку звезды чрезвычайно удалены от нас.

Несмотря на успехи механики Ньютона, рассуждения Беркли сохранили силу и два века спустя получили отклик в работах австрийского физика и философа Эрнста Маха (1838-1916), который не считал необходимым проводить принципиальное различие между равномерным и неравномерным движениями. Мах полагал, что ускоренные и инерциальные (равномерные) движения происходят **одинаково**. Ускоренные движения (например, вращение) чисто относительно (создаются инерцией или гравитацией). Ход рассуждений Маха прям до дерзости. Если вращение существует лишь относительно неподвижных звезд, то, утверждал Мах, испытываемые вращающимся телом центробежные силы должны **создаваться** звездами. Гипотеза Маха по существу означает не более и не менее как утверждение, что природа инерции коренится в глубинах Вселенной. Если принять подобное объяснение происхождения инерции, то можно отказаться от ньютоновского абсолютного пространства и рассматривать все движения как относительные. Именно эта линия рассуждений и составляет содержание так называемого принципа Маха, оказавшего удивительно сильное влияние на несколько поколений физиков. Этот принцип вызвал ряд резких критических оценок, в том числе со стороны В.И. Ленина¹¹².

Как объяснить природу инерционного влияния удаленных звезд на тело, находящееся на Земле или где-то во Вселенной? Ключ к решению этой проблемы лежит в полном сходстве центробежной и гравитационной сил. Близкое сходство центробежных и гравитационных сил хорошо понимали Галилей и Эйнштейн. Действительно, в основе общей теории относительности лежит так называемый принцип эквивалентности, согласно которому обе силы локально идентичны. Поэтому вполне естественно пытаться объяснить центробежные и другие инерционные силы на основе гравитационного поля Вселенной. Каким образом гравитация звезд могла бы создавать инерцию тел? Одна из возможных идей состоит в том, что вращающееся тело оказывает на звезды некоторое гравитационное влияние. Звезды, испытывая лишь слабое воздействие, создают собственный гравитационный эффект, действующий на вращающееся тело. Этот эффект порождает то, что мы называем центробежной силой, однако по существу это гравитационный эффект космического происхождения. Разумеется, из-за огромных расстояний вклад каждой

¹¹² См. работу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». – Полн. собр. сочинений, изд IV. – Т. 18.

звезды в центробежную силу чрезвычайно мал, но число звезд столь велико, что суммарный эффект может оказаться весьма значительным. Однако с этой простой картиной связана некая сложность, состоящая в том, что, согласно теории относительности, гравитационное возмущение не может распространяться быстрее света. Но даже с учетом этого понадобилось бы много миллионов лет, чтобы гравитационное «эхо» вращающихся тел вернулось обратно. Мы же знаем, что центробежные эффекты возникают мгновенно, как только тело начинает вращаться.

Эйнштейн полагал, что нашел способ преодолеть проблему временной задержки. Несколько странно, что схема Эйнштейна оказалась действенной только в случае искривленной Вселенной, причем пространственно замкнутой (в виде гиперсферы). Бесконечное, неограниченное пространство в этом случае не подходит. А модель математика и логика Курта Гёделя, нашедшая в 1949 г. решение уравнений Эйнштейна для гравитационного поля, описывает вращающуюся Вселенную. В этих примерах показано то, что физические теории существуют как умозрительные, логические возможности и не претендуют непременно на описание реальной Вселенной. Физические теории либо оказываются в рамках предыдущих теорий, либо выходят за рамки последних. В современной физике прослеживается тенденция к объединяющей теории.

Труды Маха, посвященные природе инерции и позднее обобщенные под названием «принцип Маха», являются одним из первых научных аргументов в пользу существования глубокой связи между структурой Вселенной в больших масштабах и локальной физикой.

Отправной точкой всей научной космологии послужила универсальность физических систем, присущее физической Вселенной всеобъемлющее единство **формы**. Физическая Вселенная состоит из огромного числа подобных друг другу или даже идентичных систем. В больших масштабах структуру Вселенной можно представить как некое собрание галактик, а ее микроструктуру – как собрание атомов. В недрах строения вещества Вселенная представляет собой набор квантовых полей. Изучение звездного неба показывает, что звезды очень похожи на наше Солнце, а другие галактики напоминают наш Млечный Путь как по размерам, так и по структуре. Более детальный анализ свидетельствует, что удаленные тела состоят из тех же атомов, какие встречаются на Земле. «Земной» атом совершенно неотличим от атома на самом краю наблюдаемой (видимой) Вселенной. Физические процессы, происходящие в наиболее удаленных областях космоса, по-видимому, абсолютно идентичны процессам в ближнем космосе. При

этом особенно важно, что сами взаимодействия оказываются универсальными. Например, силу электромагнитного взаимодействия в удаленных квазарах можно определять на основе тщательного изучения их оптических спектров. При этом не обнаруживается заметного различия с электромагнитными взаимодействиями, наблюдаемыми в лабораторных условиях.

По мере того как астрономы расширяли свои горизонты, охватывая все более обширные области Вселенной, они, как правило, обнаруживали почти одно и то же. Почему так должно быть, совсем не ясно. Ученые сформулировали эти представления в виде так называемого «**космологического принципа**», который, попросту говоря, утверждает, что ближний космос является типичным образцом Вселенной в целом. Это относится не только к атомам, звездам и галактикам, но и ко всей организации Вселенной, а также к распределению вещества и энергии. Вселенная чрезвычайно однородна относительно распределения галактик в пространстве как по удаленности, так и по направлению. Насколько можно судить, в космосе отсутствуют какие-либо выделенные области или направления. Более того, эта однородность сохраняется с течением времени по мере расширения Вселенной; скорость расширения одинакова для всех областей пространства и всех направлений. Таким образом, наука рисует картину однородной, самосогласованной и простой в больших масштабах Вселенной.

Мах обнаружил более глубокое космическое единство, чем то, на которое опирается классическая физика, это более глубокое космическое единство еще более тесным образом «сплетает» воедино ближайшую нам локальную часть мира со всей необъятной Вселенной. Идея связи большого и малого, глобального и локального обладает большой притягательной силой. Без сомнения, идеи Маха оказали глубокое влияние на молодого Эйнштейна в его попытках сформулировать общую теорию относительности. В письме, написанном в июне 1913 г. вслед за публикацией в предшествующем году книги Маха «Наука механики», Эйнштейн признавал, что многим обязан Маху.

В 1915 г. Эйнштейн опубликовал свою поистине эпохальную общую теорию относительности, которая разрушила представление о гравитации **как о силе**. Общая теория относительности уверенно провозгласила, что гравитация представляет собой **геометрию искривленного пространства**, которое описывается единой четырехмерной структурой, называемой «пространство-время».

Ньютоновская теория гравитации, остававшаяся незыблемой на протяжении более 200 лет, была повержена новой физикой, возникшей

в первые десятилетия XX в. Специальная теория относительности (СТО) вступила в противоречие с теорией гравитации Ньютона. Согласно Ньютону, гравитационное взаимодействие между телами передается через пространство мгновенно, так что, если бы Солнце вдруг исчезло, траектория Земли тотчас же перестала бы искривляться, хотя мы продолжали бы видеть Солнце еще в течение 8 минут после его исчезновения – за это время солнечный свет достигает Земли. Согласно специальной теории относительности Эйнштейна невозможно распространение физического сигнала со скоростью выше скорости света. Пытаясь расширить свою теорию так, чтобы включить в нее гравитацию, Эйнштейн создал (1915) общую теорию относительности (ОТО), которая не только вытеснила закон всемирного тяготения Ньютона, но и в корне изменила сами «идейные» основы нашего понимания гравитации. В теории Эйнштейна гравитация – это не сила, а проявление искривления пространства-времени. Тела вынуждены следовать по искривленным траекториям вовсе не потому, что на них действует гравитация, – просто они движутся кратчайшим, самым «быстрым», путем в искривленном пространстве-времени. По Эйнштейну гравитация обусловлена просто геометрией.

Теория Ньютона вполне адекватно описывает большинство астрономических систем, но не может объяснить, например, прецессию орбиты Меркурия. Прецессия орбиты Меркурия – небольшое вращение орбиты планеты Меркурия, которая имеет не вполне эллиптическую форму; прецессия орбиты Меркурия обусловлена гравитацией; если учесть гравитационное возмущение, вызванное воздействием других планет, то между предсказанной теорией Ньютона орбитой Меркурия и наблюдаемой сохранился небольшое расхождение – всего 43 угловые секунды в столетие. Это расхождение и не могла объяснить теория Ньютона. Прецессия орбиты Меркурия обусловлена искривлением пространства, вызванного гравитационным воздействием Солнца. Влияние искривления пространства-времени можно обнаружить вблизи коллапсирующих объектов типа нейтронных звезд или черных дыр, в гравитационных полях большой силы, а также даже в умеренных гравитационных полях (вблизи Солнца, например).

Гравитацию стали рассматривать не как силу, а как **поле**. Явление, о котором мы говорим как о движении материи, есть изменение кривизны пространства (искривления, деформации пространства). Подобные деформации (или искривления) непрерывным образом (периодически), точно волна, переходят из одной области пространства в другую.

Представление о поле было введено Фарадеем и Максвеллом как некая абстракция. Мы не можем непосредственно ни увидеть

электромагнитное поле, ни прикоснуться к нему. О том, что оно существует, мы знаем только по его действию на электрические заряды. Вместе с тем, мы знаем, что это действие порождается другими электрическими зарядами. Почему бы нам не говорить просто о том, каким образом заряды взаимодействуют между собой через пространство, и не сформулировать все уравнения теории электричества, пользуясь только понятием зарядов? Ничего невозможного здесь действительно нет. Различие состоит лишь в том, что при этом получится громоздкая и сложная теория. Теория поля гораздо изящнее. Ее математический аппарат более гармоничен, взаимосвязан и более экономичен. И дает **больше пищи для размышлений**. Последнее обстоятельство очень важно. Изящная, **продуманная в деталях**, абстрактная теория часто подсказывает новые пути развития физики, которые просто невозможно было бы увидеть, придерживаясь моделей, основанных исключительно на конкретных наблюдаемых величинах. Понятие поля оказалось столь эффективным, что получило широкое распространение в физике.

Как понятие поле появилось в физике? Майкл Фарадей и другие физики установили, что электричество и магнетизм тесно связаны между собой и что одно порождает другое. Действие электрических и магнитных сил удобнее всего было описать, пользуясь понятием поля – невидимого воздействия, создаваемого материей, простирающегося далеко в пространство и способного влиять на электрически заряженные частицы, электрические токи и магниты. В 50-х годах XIX в., Джеймс Клерк Максвелл, опираясь на эти факты, разработал теорию, связав электрическое и магнитное поля единой системой уравнений. Сначала Максвелл обнаружил, что эти уравнения «несбалансированны». Чтобы придать уравнениям более красивый и симметричный вид, он ввел дополнительный член. Его можно было бы интерпретировать как не замеченный ранее эффект – порождение магнетизма переменным электрическим полем, но оказалось, что **такой эффект действительно существует**.

Введение дополнительного члена в уравнения Максвелла (нахождение симметрии) повлекло за собой чрезвычайно глубокие последствия. Во-первых, это позволило соединить электрические и магнитное поля в единое электромагнитное поле, другими словами, Максвеллу удалось привести в своих уравнениях электрические и магнитные силы (взаимодействия) к гармонии (математической симметрии). Сила – это то, что действует на вещество или изменяет природу частиц. Симметрия – понятие, связанное с гармонией и соразмерностью форм. Симметрия служит ключом к пониманию

взаимодействий (сил). «Симметричная лихорадка» завладела умами физиков.

Так, среди решений уравнения Максвелла обнаружили различные синусоидальные функции (опять симметрия!), которые описывают периодические колебания, или волны. Эти электромагнитные волны, заключил Максвелл, самостоятельно распространяются в поле, т.е. в том, что кажется пустым пространством. Из своих уравнений он вывел формулу, выражающую скорость электромагнитных волн через электрические и магнитные величины. Подставляя численные значения, Максвелл получил, что скорость электромагнитных волн составляет около 300 000 км/с, т.е. совпадает со скоростью света. Отсюда последовал неизбежный вывод: свет должен представлять собой электромагнитную волну. Он действительно может распространяться в пустом пространстве, именно поэтому мы и видим Солнце.

Пойдя дальше, Максвелл предсказал также существование электромагнитных волн другой длины, и через несколько лет его предсказание подтвердилось: Генрих Герц открыл в лабораторных условиях радиоволны. Сегодня мы знаем, что гамма-, рентгеновское, инфракрасное, ультрафиолетовое и СВЧ-излучения также представляют собой электромагнитные волны. Небольшая добавка, внесенная Максвеллом в уравнения (носящие ныне его имя) из соображений симметрии, принесла большие результаты. Открытие электромагнитных волн имело далеко идущие последствия, приведя к появлению радиотехники и в конечном счете к современной революции в электронике. Но оценить полностью все следствия, вытекающие из симметрии уравнений Максвелла, удалось лишь через пятьдесят лет.

На рубеже XX в. Анри Пуанкаре и Хендрик Лоренц исследовали математическую структуру уравнений Максвелла. Их особенно интересовали симметрии, скрытые в математических выражениях, симметрии, которые тогда еще не были известны. Оказалось, что знаменитый «дополнительный член», введенный Максвеллом в уравнения для восстановления равноправия электрического и магнитного полей, соответствует электромагнитному полю, обладающему богатой, но тонкой симметрией, которая выявляется лишь при тщательном математическом анализе. По-видимому, только Эйнштейн с его сверхъестественной интуицией мог предвидеть из физических соображений существование подобной симметрии.

Симметрия Лоренца-Пуанкаре аналогична по своему духу таким геометрическим симметриям, как вращения и отражения, но отличается от них в одном важном отношении: никому до этого не приходило в голову физически смешивать пространство и время. Всегда считалось,

что пространство – это пространство, а время – это время. То, что симметрию Лоренца-Пуанкаре входят оба компонента этой пары, было странно и неожиданно.

По существу новую симметрию можно рассматривать наподобие вращения, но не только в одном пространстве. Это вращение затрагивает и время. Если к трем пространственным измерениям добавить одно временное, то получится четырехмерное пространство-время. Симметрия Лоренца-Пуанкаре – это своего рода вращение в пространстве-времени. В результате такого вращения часть пространственного интервала проектируется на время и наоборот. То, что уравнения Максвелла симметричны относительно операции, связывающей воедино пространство и время, наводит на размышления.

Понадобился гений Эйнштейна, чтобы полностью осознать все следствия такой симметрии. Пространство и время не существуют независимо друг от друга, они неразрывно связаны. Хитроумные «вращения» Лоренца и Пуанкаре – не просто абстрактная математика, они могут происходить в реальном мире, осуществляясь через движение. Когда наблюдатель движется со скоростью, близкой к скорости света, пространство и время сильно изменяются, причем симметрично, и это отражено в математических соотношениях, полученных Лоренцем и Пуанкаре. Ключ к причудливым пространственно-математическим преобразованиям лежит в скорости света и других электромагнитных волн, и величина этой скорости также следует непосредственно из уравнений Максвелла. Таким образом, существует глубокая взаимосвязь между распространением электромагнитных волн и структурой пространства и времени. Максвелл обнаружил, что в электромагнитном поле могут возникать волны (симметрии), распространяющиеся в пространстве. Эйнштейн установил, что волны могут зарождаться и в гравитационном поле.

Урок, преподнесенный работами Лоренца и Пуанкаре, состоит в том, что математическое исследование, в особенности на основе анализа симметрии, может стать источником выдающихся достижений в физике. Даже если заложенные в математическом описании симметрии трудно или невозможно представить себе наглядно физически, они могут указать путь к выявлению новых фундаментальных принципов природы. Поиск новых симметрий стал главным средством, помогающим физику в наши дни продвигаться к пониманию мира. Помимо симметрий пространства или пространства-времени в физике существует много симметрий негеометрического характера (более абстрактные симметрии). Например, то, что физики называют калибровочными симметриями. В случае калибровочных симметрий изменение масштаба («калибровка») не влияет на процесс (процесс

симметричен, одинаково протекает в первом и во втором масштабе). Рассмотрим, например, явление инфляции в экономике. Происходит изменение масштаба денег (реальная стоимость доллара падает), падает и благосостояние лиц с фиксированным доходом, но не падает благосостояние лиц, чей доход следует индексу цен. Можно сказать, что доход, «привязанный» к уровню цен (доход, который следует индексу цен), симметричен относительно инфляционных процессов.

Калибровочные симметрии – это симметрии негеометрического характера. В физике таких симметрий существует много. Например, сильное ядерное взаимодействие между протонами и нейтронами, как показывают эксперименты, не зависит от того, о каких частицах идет речь – протонах или нейтронах. Действительно, протоны и нейтроны удивительно похожи друг на друга. Их массы отличаются лишь на 0,1 %. У них одинаковые спины и на них одинаково действуют ядерные силы. Единственно, чем они отличаются, – это наличием у протона электрического заряда. Заряд позволяет распознавать протон и отличать его от нейтрона, но никак не сказывается на ядерном взаимодействии, связывающем протоны и нейтроны. Эта симметрия сильных ядерных взаимодействий относительно нейтронов или протонов получила название изотопической симметрии. Изотопами называются ядра, отличающиеся только числом нейтронов.

В сущности, цель науки – это поиск единства. Научный метод обязан своими значительными успехами способности ученых связывать разрозненные фрагменты знания **в единую картину**. Отыскивать связующее звено – одна из главных задач научного исследования. Выявление Ньютоном связи между гравитацией и движением планет ознаменовало собой рождение научной эры. Выявление связи между болезнетворными микробами и заболеваниями положило начало современной медицине как истинной науке. Установление связи термодинамических свойств газа с хаотическим движением молекул поставило на прочную основу атомную теорию вещества. Обнаружение связи между массой и энергией проложило путь к ядерной энергии.

Всякий раз, когда ученым удается установить новые связи, расширяется понимание окружающего мира и возрастает наша власть над ним. Новые связи не просто объединяли наши познания – они указывали путь к ранее не известным явлениям. Связи – это одновременно и синтез знания, и стимул, направляющий научные исследования по новым, непроторенным дорогам. Фундаментальная физика всегда прокладывала путь к единству знания. Главный толчок столь существенному продвижению был дан исследованиями фундаментальных взаимодействий в природе. Физики различают четыре фундаментальных взаимодействия: гравитационное,

электромагнитное, слабое и сильное. Еще в середине прошлого столетия Максвелл создал единую электромагнитную теорию, охватившую как электрические, так и магнитные явления. Затем в 20-х годах нашего века Эйнштейн предпринимал систематические попытки объединить электромагнетизм с его теорией гравитации (общей теорией относительности). Но вскоре были открыты ядерные силы – сильное и слабое взаимодействия, и при любой попытке объединить силы природы приходилось считаться уже не с двумя, а с четырьмя фундаментальными взаимодействиями.

Назначение науки по существу заключается в поиске единства. Связывая различные явления в общую теорию или общее описание, ученый как бы соединяет части окружающего нас необычайно сложного мира. Последние открытия в физике вызывают энтузиазм потому, что позволяют охватить в теории все явления природы в рамках единой описательной схемы. Более столетия назад Фарадей и Максвелл показали, что электричество и магнетизм – тесно связанные явления, которые можно описать на основе единого электромагнитного поля. Об успехе этого описания можно судить по тому колоссальному влиянию, которое оказывают на наше общество радио и электроника, берущие свое начало в концепции электромагнитного поля. Задача распространить процесс объединения, связав электромагнитное поле с другими силовыми полями, например с гравитационным, всегда выглядела весьма заманчиво. Однако совершить следующий шаг оказалось не так просто. Предпринятая Эйнштейном попытка создать единую теорию электромагнитного и гравитационного полей не увенчалась успехом, и дальнейшее продвижение на пути к созданию единой теории поля произошло только в конце 60-х годов XX столетия, когда было показано, что математически электромагнетизм можно объединить с одной из ядерных сил (так называемым слабым взаимодействием). Новая теория позволила сформулировать идеи, допускавшие экспериментальную проверку; наиболее эффективной из них было предсказание новой разновидности света, состоящего не из обычных фотонов, а из загадочных Z-частиц. В 1983 г. в серии экспериментов, исследующих столкновения частиц высоких энергий на ускорителе, расположенном в окрестностях Женевы, Z-частицы были, наконец, обнаружены – и единая теория поля получила блестящее подтверждение.

К тому времени теоретики продвинулись дальше, сформулировав гораздо теорию, объединяющую с электромагнитным и слабым взаимодействиями еще один тип ядерных сил – сильное взаимодействие. Одновременно были получены и первые результаты исследований в области гравитации, показавшие, каким образом

гравитационное взаимодействие можно было бы объединить с другими типами взаимодействий. Физики считают, что в природе существуют только четыре перечисленных типа фундаментальных взаимодействий, таким образом, открывается путь к созданию универсальной всеобъемлющей теории, в которой описания всех взаимодействий укладываются в единую схему.

Современная теория взаимодействий выросла из квантовой физики, согласно которой действие сил осуществляется путем обмена частицами. Поскольку все вещество также построено из частиц, квантовая физика обеспечивает единое описание сил и вещества. Действительно, природу сил (взаимодействий) невозможно отделить от микроскопической структуры материи: одни частицы взаимодействуют с другими (или сами с собой), обмениваясь некими третьими частицами. Следовательно, единая теория сил (взаимодействий) представляет собой и единую теорию материи. Ошеломляющий перечень субатомных частиц, обнаруженных экспериментаторами за последние пятьдесят лет, уже не выглядит бессмысленным нагромождением диковинных названий – частицы удается упорядочить в стройную схему.

Фундаментальным для этой программы объединения является понятие симметрии. По самой своей сути симметрия присутствует повсюду, где существуют связи между различными частями какого-либо объекта или системы. Если субатомные частицы с близкими свойствами сгруппировать в семейства, то возникающая при этом картина обнаруживает проявления глубоких симметрий. Математический анализ сил, ответственных за формирование материи, также выявляет наличие скрытых симметрий с тонкими свойствами. Опираясь на это, физики установили, что силы можно рассматривать просто как способ, которым в природе поддерживаются различные абстрактные симметрии.

Только постигнув взаимосвязь силовых полей, частиц и симметрий, физики сформулировали, вероятно, самую замечательную из известных гипотез: мы живем в одиннадцатимерной Вселенной. Согласно этой теории, трехмерный мир наших чувственных восприятий дополняется семью невидимыми пространственными измерениями, что и составляет вместе с временем одиннадцать измерений. Невидимые нам дополнительные семь измерений проявляются как **силы**, или **взаимодействия**. Например, электромагнитное взаимодействие в действительности представляет собой некое невидимое пространственное измерение. Геометрия семи дополнительных измерений отражает симметрии, присущие взаимодействиям. Из этой теории следует, что силовых полей вообще нет, а существует только свернутое определенным образом пустое одиннадцатимерное

пространство-время. Мир, возможно, в большей или меньшей степени построен из ничего, наделенного структурой, а сила и вещество – лишь проявления пространства и времени. Если это так, то перед нами взаимосвязь глубочайшего значения.

На протяжении всей жизни Эйнштейн мечтал о создании единой теории поля, в которой все силы природы сливались бы воедино на основе чистой геометрии. Гравитация – это «белая ворона» среди других сил природы. Остальные взаимодействия имеют характер силовых полей, простирающихся в пространстве и времени, гравитация же сама представляет собой пространство и время. Общая теория относительности Эйнштейна описывает гравитацию как деформацию, искривление пространства-времени. Это не что иное, как пустота, испытывающая возмущение. Геометрической природе гравитационного поля, по-видимому, присуща необычайная утонченность, но именно она создает серьезные трудности при любой попытке квантового описания. На протяжении десятилетий общая теория относительности Эйнштейна не поддавалась последовательной квантовой формулировке. Несмотря на то, что гравитации соответствует калибровочное поле, ее описание на языке обмена гравитонами (частицами – переносчиками гравитационного взаимодействия) дает разумные результаты только в случае простейших процессов. Камнем преткновения, как всегда, служат члены, возникающие в уравнениях всякий раз, когда встречаются замкнутые гравитационные петли.

Поискам теоретической схемы единого поля Эйнштейн посвятил большую часть своей жизни после создания общей теории относительности. Однако по иронии судьбы ближе всех к реализации мечты Эйнштейна подошел малоизвестный польский физик Теодор Калуца, который еще в 1921 г. заложил основы нового и неожиданного подхода к объединению физики, до сих пор поражающего воображение своей дерзостью.

Калуца был вдохновлен способностью геометрии описать гравитацию. Он задался целью обобщить теорию Эйнштейна, включив электромагнетизм в геометрическую формулировку теории поля. Это следовало сделать, не нарушая «священных» уравнений теории электромагнетизма Максвелла. То, что удалось сделать Калуце, – классический пример проявления творческого воображения и физической интуиции. Калуца понимал, что теорию Максвелла невозможно сформулировать на языке чистой геометрии (в том смысле, как мы ее обычно понимаем), даже допуская наличие искривленного пространства. Он нашел удивительно простое решение, обобщив геометрию так, чтобы она «вместила в себя» теорию Максвелла. Чтобы выйти из затруднения, Калуца нашел весьма необычный, но вместе с

тем неожиданно убедительный способ. Он смог показать, что электромагнетизм является своего рода «гравитацией», но необычной, а «гравитацией» в ненаблюдаемых измерениях пространства.

Калуца постулировал, что существует еще дополнительное пространственное измерение и общее число измерений пространства равно четырем, а всего пространство-время насчитывает пять измерений. Если принять это допущение, то, как показал польский физик, произойдет своего рода математическое чудо. Своей смелой гипотезой Калуца утверждал, что если мы расширим свое представление о мире до пяти измерений, то в нем будет существовать лишь единственное силовое поле – гравитация. То, что мы называем электромагнетизмом, есть всего лишь часть гравитационного поля, действующая в пятом дополнительном измерении пространства, которое мы не в состоянии наглядно представить. Теория Калуцы не только позволила соединить гравитацию и электромагнетизм в единой схеме, но и дала основанное на геометрии описание обоих силовых полей. Если принять точку зрения Калуцы, то вообще нет никаких сил, существует лишь геометрия искривленного пятимерного пространства, а частицы свободно «кочуют» по наделенной структурой пустоте. Теория Калуцы остается загадочной в том отношении, что столь важное четвертое измерение пространства вообще не воспринимается нами. Пространство, доступное нашему непосредственному восприятию, с полной очевидностью и неизменностью остается трехмерным. Если четвертое измерение пространства существует, то где же оно?

Существуют исследования, которые отнюдь не доказывают невозможность другого числа измерений пространства, а лишь говорят о том, что в мире с числом измерений, отличным от трех, физика была бы совершенно другой и, возможно, такой мир был бы значительно менее упорядочен по сравнению с тем, который мы реально воспринимаем. Например, от размерности пространства существенно зависит такое явление как распространение волн. Нетрудно показать, что в пространствах с четным числом измерений не могут распространяться «чистые» волны. За волной обязательно возникают возмущения, которые вызывают реверберацию. Именно поэтому четко сформированные сигналы нельзя передавать по двумерной поверхности (например, по резиновому покрытию). Анализируя этот вопрос, математик Г. Дж. Уитроу в 1955 г. пришел к выводу, что высшие формы жизни были бы невозможны в пространствах четной размерности, поскольку живым организмам для согласованных действий необходимы эффективная передача и обработка информации. Как совместить все это с теорией Калуцы, в которой вселенная имеет четыре пространственных измерения? Одна возможность состоит в том, чтобы рассматривать

дополнительное, невидимое измерение исключительно как формальный математический прием, не имеющий физического смысла. Однако более привлекательная идея была высказана вскоре после публикации Калуцей первоначального варианта теории.

В 1926 г. шведский физик Оскар Клейн предложил блестящий по простоте ответ на вопрос о том, куда же исчезло пятое измерение Калуцы. Клейн предположил, что мы не замечаем дополнительного измерения потому, что оно в некотором смысле «свернулось» до очень малых размеров. То, что мы обычно считаем точкой в трехмерном пространстве, в действительности является крохотной окружностью в четвертом пространственном измерении. Из каждой точки пространства в направлении ни вверх, ни вниз, ни вбок, ни куда-либо еще в воспринимаемом нами пространстве выходит небольшая «петелька». Мы не замечаем всех этих «петель» вследствие крайней малости их размеров. Ни вещество, ни поля (в виде волн) не могут неограниченно перемещаться в дополнительном измерении. Наличие пятого измерения допустимо, однако ничто не может ускользнуть из него сколько-нибудь далеко. Тем самым теория Калуцы-Клейна, увы, не оставляет никаких надежд фантастам использовать ее для сокращения пути в пространстве.

Клейн вычислили периметр петель вокруг пятого измерения, используя известное значение элементарного электрического заряда электрона и других частиц, а также величину гравитационного взаимодействия между частицами. Он оказался равным 10^{-32} см, т.е. в 10^{20} раз меньше размера атомного ядра. Поэтому неудивительно, что мы не замечаем пятого измерения: оно скручено в масштабах, которые значительно меньше размеров любой из известных нам структур, даже в физике субъядерных частиц. Очевидно, в таком случае не возникает вопроса о движении, скажем, атома в пятом измерении. Скорее это измерение следует представлять себе как нечто находящееся внутри атома.

Несмотря на ее неординарность, теория Калуцы-Клейна на протяжении более полувека оставалась по существу не более, чем математическим курьезом. С открытием в 30-е годы XX столетия слабых и сильных взаимодействий идеи объединения гравитации и электромагнетизма значительно потеряли свою привлекательность. Последовательная единая теория поля должна была включать в себя уже не две, а четыре силы. Очевидно, это нельзя было сделать, не достигнув глубокого понимания слабых и сильных взаимодействий. Благодаря свежему ветру, принесенному теориями Великого объединения (ТВО) и супергравитацией, в 70-х годах вспомнили старую теорию Калуцы-Клейна. В нее включили все известные на сегодня взаимодействия.

Как и в первоначальном варианте, взаимодействия вводятся в теории путем присоединения к пространству-времени дополнительных пространственных измерений. Однако, поскольку теперь надо дать пристанище взаимодействиям трех типов, приходится вводить несколько дополнительных измерений. Простой подсчет количества операций симметрии, входящих в ТВО, приводит к теории с семью дополнительными пространственными измерениями (так что их общее число достигает десяти); если же учесть время, то всего пространство-время насчитывает **одиннадцать** измерений. Таким образом, современные последователи теории Калуцы-Клейна постулируют одиннадцатимерную вселенную. При этом необходимо предполагать, что дополнительные семь измерений пространства каким-то образом свернуты в столь малых масштабах, что мы вообще не замечаем их. Одно дополнительное измерение можно свернуть лишь единственным способом, а именно в «окружность». Однако многомерные пространства можно свернуть (или компактифицировать) различными способами. Например, двумерную поверхность можно присоединить так, чтобы она образовывала либо поверхность сферы, либо поверхность тора (фигуры, имеющей формы бублика). Обе структуры замкнуты, их размеры могут быть предельно малыми; однако они существенно различаются своей топологией: у бублика есть дырка!

Когда же речь идет о семи измерениях, набор возможных топологий становится чрезвычайно большим. Какая из них верна? Один из наиболее привлекательных вариантов – это семимерный аналог сферы, то есть 7-сфера. Если невидимые измерения пространства действительно имеют такую форму, это означает, что каждая точка трехмерного пространства фактически представляет собой крохотный семимерный «гипершар». 7-сфера привлекла внимание математиков более полувека назад в связи с тем, что она обладает рядом уникальных геометрических свойств.

Сфера – в высшей степени симметричная фигура, причем 7-сфера обладает многими дополнительными симметриями, не свойственными обычной сфере. Именно с их помощью удастся смоделировать основополагающие калибровочные симметрии силовых полей. Однако физикам понадобилось много времени, чтобы обнаружить эти поля, в частности по той причине, что симметрии иногда оказываются скрытыми или нарушенными. В теории Калуцы-Клейна такое нарушение симметрии достигается небольшой деформацией семимерной структуры, ее отклонением от идеальной сферичности. Слегка сплюснутая 7-сфера считается сейчас наиболее вероятной конфигурацией дополнительных компактифицированных измерений пространства.

Воскрешенная теория Калуцы-Клейна вдохновила теоретиков на переформулировку законов физики с учетом одиннадцати измерений. При этом возникла необходимость поиска причин спонтанной компактификации семи измерений. В поиске этих причин теоретики исходили из того, что физические системы всегда стремятся к состоянию с наименьшей энергией. Это наводит на мысль, что слегка сплюснутая 7-сфера в некотором смысле воплощает в себе конфигурацию пространства-времени с наименьшей энергией.

Для объяснения трехмерности непосредственно воспринимаемого нами пространства используется так называемый **антропный принцип**. Живые организмы имеют чрезвычайно тонкую организацию и их существование, по-видимому, критически зависит от единственно гармоничного сочетания взаимодействий, которые характерны для нашей Вселенной.

В современном варианте теории Калуцы-Клейна все силы природы, подобно гравитации, рассматриваются как проявление структуры пространства-времени. То, что мы обычно называем гравитацией, обусловлено кривизной четырехмерного пространства-времени, тогда как остальные силы обусловлены кривизной пространства более высокой размерности. Все силы природы выступают просто как проявление скрытой геометрии.

Есть глубокие основания предполагать, что вся Вселенная, включая, по-видимому, «твердое» вещество, воспринимаемое нашими органами чувств, – это всего лишь проявление извилистого ничто. Мир в конечном итоге окажется слепком абсолютной пустоты, **самоорганизованным вакуумом**. Кропотливая работа многих поколений астрономов, наносивших на карты звездного неба траектории небесных тел, привела в конечном счете к ньютоновской научной революции и объяснила движение небесных светил с помощью сил и полей. Теперь круг замыкается: поля и взаимодействия получают объяснение на языке геометрии. В теории Калуцы-Клейна частицы рассматриваются как **возбуждения** пространства с одиннадцатимерной геометрией.

Сами по себе красота и изящество теории не могут убедить физиков в ее истинности. Поэтому необходимо проникнуть «внутри» 7-сферы и исследовать дополнительные измерения пространства. Согласно теории Калуцы-Клейна для этого требуется достичь энергий, эквивалентных 10^{19} масс протона. Это огромная величина – 10^{19} масс протона – носит название массы Планка, так как она была впервые введена Максом Планком, создателем квантовой теории. Лишь при таких невообразимо огромных энергиях удалось бы непосредственно наблюдать проявления дополнительных измерений пространства.

Эти обнадеживающие успехи в понимании фундаментальных взаимодействий, лежащих в основе физического мира, приводят к осознанию того, что наиболее существенные особенности наблюдаемой ныне структуры Вселенной были заложены в самые ранние космические эпохи, когда возраст Вселенной был много меньше секунды. Современные астрономы считают, что Вселенная возникла внезапно, в результате Большого взрыва – чудовищного катаклизма, когда температура и давление значительно превосходили их предельные значения, наблюдаемые во Вселенной в наши дни. В мгновение ока пространство заполнилось материей необычных форм, управляемых силами, которые с того времени остались навсегда подавленными. Именно тот первоначальный краткий миг бытия ознаменовался безраздельным господством суперсилы.

В самом начале Вселенная была безликим сгустком энергии, пребывала в состоянии с исключительно высокой степенью симметрии. Действительно, начальное состояние Вселенной вполне могло быть предельно простым. И только по мере быстрого расширения и охлаждения Вселенной из первородного горнила стала вырисовываться, застывая, знакомая структура окружающего нас мира. Одно за другим из суперсилы выделились четыре фундаментальных взаимодействия. Одна за другой частицы, из которых построено все вещество Вселенной, обретали свое нынешнее обличие. Тогда же, на той ранней стадии развития Вселенной сформировались галактики. Можно сказать, что высоко упорядоченная и тонко организованная Вселенная, которую мы наблюдаем сегодня, образовалась в результате «отвердевания» бесформенного однородного сгустка, рожденного Большим взрывом. Любая фундаментальная структура окружающего нас мира – это реликт, т.е. окаменелость начальной фазы. Чем примитивнее объект, тем древнее эпоха, в которую он выплавлялся в первородном горниле.

Чем был вызван Большой взрыв – всегда являлось величайшей космической тайной. До последнего времени на этот вопрос предлагались лишь метафизические ответы. В настоящее время стали вырисовываться первые наброски подлинно научного объяснения Большого взрыва, основанного на действии суперсилы. Согласно новейшим представлениям, переход Вселенной буквально из ничего в физическую реальность произошел самопроизвольно наподобие извержения. Даже пространство и время возникли только в момент Большого взрыва. Тайну этого «беспричинного» космического события хранит квантовая физика.

Обретя существование, управляемая суперсилой Вселенная эволюционировала чрезвычайно быстро. По мнению некоторых теоретиков, наблюдаемая ныне инфраструктура Вселенной

сформировалась в первые 10^{-32} с. Эта мгновенная ее упорядоченность включала переход от десяти пространственных измерений к трем, сохранившимся до настоящего времени. Именно в ту эпоху Вселенная могла оказаться запертой в «космической ловушке», что обеспечило генерацию из ничего огромных количеств энергии. Если это так, то из первичной энергии в дальнейшем возникла вся материя, из которой построена Вселенная, и вся энергия, которая по сей день питает Вселенную.

Ученые разделились на два лагеря. Одни считают, что наука в принципе способна объяснить Вселенную в целом. Другие склонны думать, что есть некий сверхъестественный элемент бытия, не поддающийся рациональному объяснению. Научные оптимисты, если позволительно называть их так, не отваживаются утверждать, что мы когда-нибудь достигнем исчерпывающего знания всех деталей окружающего нас мира, но упорно настаивают, что любой процесс и любое событие строго соответствуют правилам, вытекающим из законов природы. Их оппоненты отрицают это.

Еще совсем недавно – в середине 70-х годов – большинство ученых-космологов считали, что, хотя физика в состоянии объяснить эволюцию Вселенной, раз уж та возникла, но происхождение Вселенной лежит вне компетенции физики. Таким образом, все важные физические объекты, все вещество и энергию, а также их крупномасштабную структуру приходилось рассматривать как данные богом; **их следовало вводить «самолично» как необъяснимые начальные условия.** Благодаря бурному прогрессу в понимании Вселенной, достигнутому в последнее время, все эти особенности оказались следствиями законов физики. Начальные условия – в той мере, в какой это понятие имеет смысл с точки зрения квантовых представлений, – не оказывают влияния на последующее строение Вселенной. Таким образом, Вселенная – в большей мере продукт **закономерности**, нежели **случая**. Мы можем, наконец, представить себе Вселенную, лишенную чего бы то ни было сверхъестественного, Вселенную, которая целиком и полностью является результатом действия подвластных науке законов природы, и в то же время обладает единством и гармонией.

3.2. Смена научных картин мира. Место человека в научной картине мира

Старая физика представляла Вселенную как часовой механизм, неукоснительно следующим по предначертанному пути и помещенным в абсолютное пространство-время. Старой физике был присущ «**редукционизм**» (убеждение в возможности объяснить все путем разложения на составные части). Ньютон считал, что сложные

движения можно объяснить, рассматривая простые тела небольших размеров, на которые действуют силы со стороны других подобных тел. Хотя падение листа с дерева может быть чрезвычайно сложным, движения отдельных частиц должны в принципе подчиняться простым математическим законам. Ньютоновский редукционизм достиг своего апогея в знаменитом высказывании Пьера Лапласа, суть которого заключается в следующем: будь известны точные положения и скорости всех частиц во Вселенной, тогда в принципе можно было бы определить поведение любого тела в прошлом и будущем. Представление о том, что поведение всего жестко predetermined, опровергает идею свободы воли и создает **образ безжизненного и бессмысленного космоса**. Такое представление становится еще более неприемлемым, если обратиться к живым существам: попытка свести все живое лишь к движению мириадом атомов, подчиняющемуся воле слепого случая, более чем, что либо порождает взгляд на науку как на бездушное, негуманное занятие. Разочарование в естественных науках, возникшее в недавнем прошлом, в значительной степени является реакцией на традиционный научный «редукционизм», приверженцы которого хладнокровно разлагают окружающий мир на простейшие составные части.

Один из сильнейших ударов по редукционистской концепции нанесло существование **разума (сознания)**. Пытаясь свести все системы к функционированию ее более простых компонентов, некоторые ученые пришли к убеждению, что разум (сознание) – это активность головного мозга, которая в свою очередь представляет собой не что иное, как серию электрохимических процессов, сводимых к движению электронов и ионов. Столь крайне упрощенный материалистический взгляд сводит мир человеческих мыслей, чувств и ощущений лишь к чисто внешнему проявлению.

Старая научная картина мира строилась вокруг объектов, понятых как независимых от человеческой субъективности, свободных от влияния желаний человека и особенностей его восприятия. Наука стремилась видеть мир «таким, как он есть», без пелены человеческих иллюзий, её смысловое ядро – реальность без человека.

Рисуемая наукой картина мира принималась за точную фотографию реальной действительности, за изображение Вселенной такой, какая она есть на самом деле.

Сегодняшняя научная картина мира не равна вчерашней. Повседневное сознание все ещё живёт научной картиной мира прошлых лет и веков, а сама наука ушла далеко вперед и рисует порой вещи столь парадоксальные, что сама её объективность и беспристрастность начинает казаться мифом.

Веком коренной смены парадигм научного мышления и радикального изменения естественной картины мира стал XX век. Вплоть до его начала в науке господствовала возникшая в Новое время ньютоновско-картезианская парадигма – система мышления, основанная на идеях И. Ньютона и Р. Декарта. Последнему принадлежала идея принципиальной двойственности реальности; материя и сознание – различные, параллельные друг другу субстанции. Из чего следовало, что материальный мир можно описать объективно, не включая в описание человека-наблюдателя с его специфической позицией (субъективностью).

Рационально-механистический образ мира, сформировавшийся в трудах последователей учений Декарта и Ньютона, – это мир твёрдой материи, подчинённый жёстким законам. Физикалистски понятая действительность – гигантские космические просторы, в которых движутся по строго определённым траекториям массы материи; не несёт в себе никакой необходимости появления человека и сознания. Человек в таком мире – эпифеномен (побочный продукт) звёздной эволюции.

Механистическая Вселенная Ньютона состоит из атомов – маленьких неделимых частиц, обладающих постоянной формой и массой и связанных таинственным законом тяготения. Она организована в трёхмерное пространство классической евклидовой геометрии. Это пространство абсолютно, постоянно и всегда находится в покое. Оно представляет собой вместилище тел, само по себе от них не завися и лишь предоставляя им возможность перемещения под воздействием силы притяжения. Время является собой чистую длительность, оно также абсолютно, автономно и независимо от материального мира. В целом Вселенная представляет собой огромный полностью детерминированный «часовой» механизм, в котором действует непрерывная цепь взаимосвязанных причин и следствий.

Вселенная, представленная в виде комплекса механических систем, развивается без участия сознания и разума. Вся её история, начиная от «Большого взрыва» – результат слепого и стихийного движения материальных масс. **Жизнь зарождается в первозданном океане случайно**, как результат беспорядочных химических реакций, и пойдя процесс чуть по-другому, сознание никогда не проявилось бы в бытии. С физикалистской точки зрения появление жизни и сознания – не только загадка, но и явление достаточно странное, абсурдное.

В начале XX века был сделан целый ряд научных открытий, в корне изменивших видение мира. Теория относительности А. Эйнштейна, опыты Резерфорда с альфа-частицами, работы Нильса Бора, исследования в химии, биологии, психологии и других науках показали,

что **мир гораздо разнообразнее и сложнее**, чем это представлялось механистической науке, и что сознание человека изначально включено в само наше восприятие действительности. Это следует понимать так: мир таков, потому что это мы глядим на него, и изменения в нас, в нашем самосознании меняют картину мира. «Чисто объективное» её описание невозможно.

На смену старым представлениям пришли представления, каждое из которых отражает один из аспектов повседневного опыта, но которые не укладывались в единую стройную картину. Что такое электрон – волна или частица? Каждое из этих представлений соответствует ясному мысленному образу, но их нельзя связать в единое целое, которое было бы «и тем, и другим».

Картина мира на этом этапе развития науки – фрагментарна, она складывается из разрозненных и плохо подогнанных друг к другу знаний, идущих от отдельных научных дисциплин (только в физике существует более 70-ти конкретных наук!) и областей культуры.

Однако при кажущейся абстрактности и тривиальности *некосмического* мировосприятия оно есть результат длительной критической переработки предшествующей духовной культуры и в этом смысле оно богаче и сложнее «космического сознания», представленного, например, в мифологии или в классической физике.

Необычность эффектов замедления времени и сокращения пространства питала убеждения в том, что существует реальность, выходящая за пределы доступного созерцанию. В физических открытиях увидели конец безликому материальному миру (миру, где нет места человеку с его разумом), образ которого сложился в сознании людей технологического общества.

Новая физика особенно резко контрастирует с традиционно редуccionистским подходом. Квантовый подход решительно отвергает лапласовский детерминизм, отрицая, что мир можно объяснить лишь как сумму его составных частей. Макромир и микромир оказываются тесно связанными. Не стоит надеяться, что полного понимания строения вещества удастся достичь, зная лишь свойства его составных частиц. Только подход к системе как целому дает возможность познания свойств микромира. Большое и малое сосуществуют. Одно не исчерпывает другого, как равным образом второе не «объясняет» полностью первого. Старые представления возникали вследствие крайней ограниченности нашего опыта. В повседневной жизни нам не приходится двигаться с достаточно большими скоростями, которые сделали бы заметными эффекты замедления времени и сокращения пространства, и большинству из нас не приходится вторгаться в неясный и туманный мир атома. Новая физика восстанавливает

центральное положение сознания в природе. Прежде всего, описание, содержащееся в уравнениях квантовой физики, явно включает акт наблюдения. Считается, что наблюдение вызывает определенное изменение в физической системе.

Космическое мироощущение было универсальным, общечеловеческим феноменом, распространённым на протяжении тысячелетий во всех высокоразвитых цивилизациях вплоть до середины XVII века. В его рамках накапливались знания людей о природе, обществе и человеке. Именно **встроенность человека** во всеобъемлющую и своеобразную конструкцию Космоса отличало представления наших далёких предков от классической физики и форм знания, которые объединялись «некосмической» парадигмой мышления.

Картины мира, отводящие человеку определённое место во Вселенной, этим помогают ему ориентироваться в бытии и познании, вырастают и в рамках повседневной жизни, и в ходе духовной деятельности человеческих сообществ, и ходе развития научного знания.

3.3. Бытие как основная категория философской картины мира. Концепции бытия

Исходным понятием, на базе которого строится **философская картина мира**, является категория **бытия** (впервые термин «бытие» ввёл в философию античный философ Парменид). В этой категории фиксируется убеждение человека в существовании окружающего его мира и самого человека с его сознанием. Отдельные вещи, процессы, явления возникают и исчезают, а мир в целом существует и сохраняется. Констатация бытия является исходной предпосылкой для дальнейших рассуждений о мире.

Понятие «бытие» сходно с такими понятиями, как «действительность», «реальность», «существование», и в некоторых контекстах они могут рассматриваться как синонимы. Вместе с тем, бытие есть интегральная характеристика мира, утверждающая целостность его через существование. Категория бытия позволяет философии постулировать одинаковость всего того, что она изучает. *Всё есть бытие. Все явления одинаковы в том смысле, что они существуют.*

Одним из первых вопросов, возникающих на пути философского осмысления мира, является вопрос о многообразии способов и форм существования. Признание факта существования многообразных вещей окружающего мира, природы и общества, самого человека является предпосылкой формирования картины мироздания.

По способу существования бытие разделяется на два мира, два способа существования или две реальности: мир физических состояний, или материальный мир, и мир психических состояний, мир сознания, внутренний мир.

Оба этих мира – мир сознания и мир природы – могут характеризоваться понятием бытия, но способы их существования различны. Физический, материальный, природный мир (как мир) существует *объективно*, независимо от воли и сознания людей. Психический мир, мир человеческого сознания существует *субъективно*, так как зависим от воли и желания людей. Вопрос о том, как эти два способа существования связаны между собой является одним из основных вопросов философии. Комбинация этих двух основных форм бытия позволяет выделить ещё несколько разновидностей форм бытия.

Специфичной, *объективно-субъективной реальностью* является бытие человека, ибо он одновременно принадлежит двум мирам: телесному природному миру как его органическая часть и миру сознания, психическому миру, принадлежность к которому и делает его человеком. Именно наличие сознания позволяет человеку не только быть (существовать), но и рассуждать о бытии мира и своём собственном бытии.

Своеобразием отличается и бытие вещей, создаваемых человеком. Мир материальной культуры принадлежит к объективному, физическому миру, но в то же время все продукты человеческой деятельности в своём происхождении, существовании и способе функционирования опосредованы человеческим духом, сознанием, и этим бытие «второй природы», создаваемой человеком, отличается от способа бытия самой природы, частью которой является человек.

Двояким существованием характеризуется и духовный мир человека. Его можно подразделить на субъективный и объективный духовный мир человека. Субъективный духовный мир – это внутренний психический мир человека со всеми его уровнями существования от бессознательного до самосознания. Этот мир является достоянием отдельного индивида.

Вместе с тем совместная деятельность индивидов в социуме с необходимостью порождает интерсубъективный духовный мир (или объективированный), это есть такие духовные образования, которые являются достоянием сообщества индивидов, духовной культуры общества (например, человеческий язык, научное знание). К таким формам объективного духа относятся все формы общественного сознания: наука, религия, мораль, искусство и т. д. Между объективным

и субъективным духом существует органическая связь, как в процессе становления, так и в процессах развития и функционирования.

Внутренний психический мир человека развивается до уровня сознания, только приобщаясь к объективно существующей духовной культуре человечества, а сам объективный дух, мир знания, морали, искусства, религии существует до тех пор, пока предполагается существование индивидов и мира их сознания.

Аналогичным образом своеобразный способ существования характеризует человеческое общество. В тех связях и отношениях, которые лежат в основе социальных систем, теснейшим образом переплетается материальное и идеальное, первая и вторая природа, субъективный и объективный дух.

Помимо природного и социального, материального и идеального способов бытия, можно назвать ещё *два уровня бытия* – это существование в возможности и существование в действительности. Под возможностью понимается потенциальное бытие, под действительностью – реальное бытие. Эти уровни бытия иногда трактуются как формы бытия: «потенциальная форма бытия», «актуальная форма бытия».

Бытие не статично. Все конкретные формы существования, как данная качественная определенность, переходят в *небытие*. Переход в небытие мыслится как разрушение данного вида бытия и превращение его в *иную* форму бытия (*инобытие*). Возникающая форма бытия также есть результат перехода одной формы бытия в иную. Небытие мыслится как относительное понятие: в абсолютном смысле небытия нет.

«Бытие» как исходная интегральная характеристика мира слишком абстрактное понятие, оно становится содержательным, конкретно-всеобщим понятием только в контексте других категорий философии и значительная часть философского знания представляет собой ничто иное, как *учение о бытии*, или **ОНТОЛОГИЮ**.

В рамках онтологии философы сталкиваются с рядом кардинальных проблем: Обладает ли мир в своём существовании единством и что является основой этого единства? Является ли мир в своём существе неизменным или он постоянно изменяется и развивается? Упорядочен ли мир в своём развитии и изменении, подчиняется ли он каким-либо законам или он изменяется и развивается совершенно произвольным образом? Обладает ли мир и в целом, и в своих отдельных фрагментах системной организацией или он существует как простой конгломерат различных элементов?

Философские концепции мира в зависимости от решения этих проблем подразделяются на *материализм и идеализм, монизм и плюрализм, детерминизм и индетерминизм* и т. д.

В зависимости оттого, что кладётся в основание мира, какой сфере приписывается первичность (природа или дух, материя или сознание), все философы делятся на **материалистов и идеалистов**. И материализм, и идеализм имеют фундаментальное философское обоснование, и оба эти течения в философии представлены в равной степени великими мыслителями прошлого и настоящего.

Для обозначения общей основы всего существующего в философии выработаны две категории: субстрата и субстанции. **Субстрат** – это то, из чего всё сделано. Более высокую степень общности отражает понятие субстанции. **Субстанция** – первооснова всего существующего, внутреннего единства многообразия конкретных вещей, событий, явлений и процессов, посредством которых и через которые они существуют. Таким образом, через понятие субстрат философы разъясняют, *из чего* состоит бытие, понятием субстанции фиксируется *всеобщее основание* бытия.

Как правило, философы стремятся создавать картину мироздания, исходя из какого-то одного начала. Учение, принимающее за основу всего существующего одно начало, называется **монизмом** (от греч. monos – один, единственный). История философии свидетельствует, что всё многообразие бытия сводилось к двум предельным основаниям – **материи и сознанию**.

Монизму противостоит **дуализм** (от лат. dualis – двойственный), рисующий картину мироздания, опираясь на какие-либо два равноценных начала. Установку дуализма формировало различие двух субстанций – духовной и телесной. Яркий представитель дуализма – Р. Декарт утверждал полную бездуховность материи. Духовная жизнь представляла перед философом автономно от телесной. Декартово «*cogito ergo sum*» – «мыслю, следовательно, существую» говорит о безусловном превосходстве умопостигаемого над телесным.

Если в качестве первоосновы признаётся более двух субстанций, такое учение именуют **плюралистическим** (от лат. pluralis – множественный). Классическим примером плюрализма в учении о сущем является монадология немецкого философа и ученого Г. Лейбница (1646-1716), согласно которой мир состоит из бесчисленного множества духовных начал. Более ранняя аналогия плюралистического подхода к вопросу о первоосновах бытия – учение древнегреческого мыслителя Эмпедокла (490-430 гг. до н. э.) о четырех началах мироздания.

В истории философии преобладает монистический подход. Дуалистические тенденции наиболее ярко обнаружили лишь в философских системах Р. Декарта и И. Канта. В соответствии с решением вопроса: «Что первично: сознание или материя?» в истории

философии существовали две основные формы монизма – идеалистический монизм и материалистический монизм. **Материалисты** полагают, что сознание является порождением материи. Материя – философская категория, которая обозначает вещественность (в переводе с латыни слово «субстрат», «материя», означает «вещество»). Существовали различные философские определения материи. Описательные определения материи включали в себя перечисление её наиболее характерных свойств и признаков. Субстанциальное определение материи указывало на её несотворимость, неуничтожимость, на отсутствие внешней причины её существования и изменения. Атрибутивное определение отождествляло материю с совокупностью атрибутов (атрибут – сущностное, неотъемлемое свойство): пространством, временем, движением и др. В генетически-контрастном определении материя противопоставлялась сознанию. В ленинском определении материи указывается на то, что материя – это категория (абстракция, чистое создание мысли), которая обозначает бытие. Таким образом, в этом определении материя необоснованно отождествляется с бытием.

Идеалисты считают наоборот, сознание (разум) порождает материю. При этом различаются две разновидности идеализма – объективный идеализм и субъективный идеализм. К объективным идеалистам относят тех философов, кто началом всего сущего (бытия) признает высший разум (сознание) (Платон, Гегель и др.). О субъективном идеализме говорят тогда, когда мир (бытие) рассматривается через призму индивидуального сознания (Дж. Беркли, Д. Юм, И. Г. Фихте).

В истории философии известны также различные формы материализма. К представителям **наивного материализма** относят древнекитайских философов Лар Цзы и Ян Чжу, древнеиндийских философов школы *локаята*, философов античности – Гераклита, Эмпедокла, Демокрита и др. **Механистический материализм** представляют П. Гассенди, Ж. Ламетри; **антропологический материализм** – Л. Фейербах; **вульгарный материализм** – Фогт, Бюхнер, Молешотт; **диалектический материализм** – К. Маркс, Ф. Энгельс и др.

И материализм, и идеализм в философии представлены в равной степени великими мыслителями прошлого. Предпочтение, отдаваемое материализму, может быть мотивировано некоторыми предварительными соображениями: материализм ближе, чем идеализм стоит к логике здравого смысла; стихийный материализм лежит в основе миросозерцания большинства учёных в рамках их профессиональной деятельности. Критическое отношение к

материализму строится, прежде всего, на том, что, представляя собой удобную гипотезу для объяснения некоторых физических и химических явлений, материализм оказывается неудовлетворительным при объяснении более сложных феноменов – органических, психологических, духовных.

В современной философии признается тот факт, что многообразное бытие не сводится к материальному и идеальному, что при решении определенных теоретических задач разграничение на материализм и идеализм является столь важным. Мир не материален и не идеален, мир многосущностен, и потому в рамках альтернативных материализму теорий для его описания вводятся новые понятия, в том числе – понятие **антиматерии**. При этом антиматерия понимается не как вещество с противоположными характеристиками, но как собирательное понятие нематериальных сущностей. Одну из нематериальных сущностей представляет информация.

4. СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

4.1. Философская антропология.

Человек как философская проблема

Философия как стержень мировоззрения выражает отношение человека к миру. Это не просто знание, а знание, облаченное в ценностные формы. Философия исследует не мир как таковой, а смысл бытия человека в мире. Человек не просто вещь среди вещей, а субъект, способный к изменению мира и самого себя.

Человек – фундаментальная категория в философии, являющаяся смысловым центром практически любой философской системы.

Сложность философского определения «человека» состоит в невозможности его однозначного редуцирования ни к чему-либо иному (природа, Бог, общество), ни к какой-либо его части – телу, душе, духу. Человек – это одновременно и микрокосм, микротеос, микросоциум, и тело, душа и дух. Человека нельзя определить исходя из чего-либо иного или его частей, а только исходя из него самого как целостности и уникальности. Человек предстает перед нами одновременно и как субъект, и как объект познания. Но может ли человек дистанцироваться от самого себя, сделать себя внешним объектом самонаблюдения, взглянуть на себя со стороны, извне? Акт рационального познания предполагает дистанцирование субъекта от объекта. В этом и заключается великий парадокс человеческого самопостижения. Тем не

менее, человек с давних пор пытается определить неопределимое, постичь непостижимое – свою собственную сущность.

Место человека в истории философии

В *античной* философии сложился образ *космоцентричного* человека, живущего вещами и существующего для космоса физических тел. Античные греки открывают «душу», но понимают под ней нечто квазителесное, скрытое внутри вещи и приводящее вещь в движение. Поэтому душой обладают и человек, и животное, и растение. Для грека человек мыслит всем телом, а, следовательно, для того, чтобы хорошо мыслить, надо уметь хорошо бегать, метать диск, стрелять из лука, бороться.

В *эпоху Нового времени* эта идея была развита Р. Декартом и выражена в афоризме «Cogito, ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую»). Картезианский дуализм души и тела надолго определил характер развития *новоевропейской философии*, когда тело рассматривалось как автомат, а душа отождествлялась с сознанием. Французский материалист XVIII в. Ж. Ламетри утверждает, что «человек – это машина», а З. Фрейд считает человека сексуальной машиной.

Средневековый образ человека *теоцентричен*. Человек не верит в себя, он верит в Бога. Его глаза обращены к потустороннему миру. Это подлинно духовный мир. Земной мир – лишь момент движения человека к Богу. Заботиться нужно лишь о спасении души, в том числе и при помощи ущемления тела. Огромное значение придается промыслу Божьему, проявлению Божественной воли во всех событиях в мире. Человек не может самостоятельно добыть знание, оно открывается ему в откровении. Не может он и преодолеть свою греховную природу без Божьей благодати.

Образ человека *Нового времени* *антропоцентричен*. Бог смещается на периферию человеческой души. Человек отрывается от него. Человек верит в себя. Главная сфера человеческой деятельности – познание. Главный метод – рефлексия. Миром управляют разумные законы, соответствующие человеческому разуму. Человек есть предметное существо, он всегда имеет дело с предметами и предметным способом. Будучи предметным существом, он не сводится к мышлению и сознанию. Это лишь одна из способностей целостного человека. Элементарной клеточкой целостного человека является противоречивое единство опредмечивания и распредмечивания. *Опредмечивание* есть превращение деятельностных способностей человека в свойства предмета. *Распредмечивание* – превращение характеристик предмета в деятельностные способности человека. *Опредмечивание* и

распредмечивание взаимосвязаны друг с другом и друг в друга переходят. В качестве *предметного существа* человек – природное существо, живой чувственный предмет, предметным образом относящийся к предметному миру, обладающий природными силами и являющийся страдающим существом, предметом проявления сил других предметов. Предметность есть единственная форма существования жизни. Непредметное существо – недействительное, нечувственное, только мыслимое, только воображаемое, продукт абстракции. Человек, однако, не только природное, но и общественное предметное существо, живущее в собственно человеческом, общественно-предметном мире. Последний создается человеком, формирует человека, социализирует его. Поэтому человек культурно ориентирован. Человек реализует себя не только потому, что для него свойственна нераздельность тела и духа, но и потому, что не только человек – момент движения общественной системы, но и общество – момент движения человека. Человек делает свою жизнь предметом. Поскольку его собственная жизнь является для него предметом, его деятельность является свободной деятельностью. Он достигает высшей формы деятельности – самодеятельности. В силу этого *сознательная жизнедеятельность существенно отличает человека от животной жизнедеятельности*.

Все перечисленные концепции верны, но лишь при условии, если рассматривать каждую из них как парадигму, системно фиксирующую в человеке всего лишь **одну** из его сущностных сил, конкретных сторон и граней человеческого универсума.

Таким образом, за 2,5 тысячелетия история философии наделила человека множеством разнообразных эпитетов, характеризующих сущность человека:

- разумное животное;
- политическое животное;
- машина;
- венец природы;
- ошибка природы;
- самосознающее существо;
- моральное и свободное существо и др.

Причину такого разнообразия мнений следует искать, прежде всего, в природе самого человека. Важнейшим здесь является вопрос о происхождении человека, задающий определенную направленность всем дальнейшим рассуждениям о человеке. Но и в этом вопросе нет определенности и однозначности. Все сложившиеся теории условно можно свести к двум основным концепциям.

Первая концепция характеризуется тем, что исходит из *естественного происхождения* человека, рассматривая его как продукт естественной эволюции неживого, а потом и живого вещества.

Самая древняя из этих теорий – теория самозарождения человека. К ней относятся древние верования, что человек происходит из природы (от священного растения или животного – анимизм, тотемизм и др.) Согласно Анаксимандру человек происходит из ила.

Однако центром этой концепции является эволюционное учение Ч. Дарвина (1809-1882), опубликованное в 1859 г. в работе «О происхождении видов». Эта теория стала основой естественнонаучного истолкования происхождения человека со второй половины XIX в. Согласно этой концепции человек произошел от высокоразвитых предков современных обезьян. Процесс превращения животных (гоминид) в людей был длительным и занял 3-3,5 млн. лет. Этому процессу предшествовал длительный этап становления человека (антропогенеза) и становления общества (социогенеза). Это две неразрывные стороны одного процесса – антропосоциогенеза. Важную роль в объяснении общего смысла антропосоциогенеза сыграла трудовая гипотеза, описанная Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где подробно изложены основные элементы становления человека и человечества.

Следует отметить, что среди сторонников «естественного» подхода помимо теории земного происхождения человека (социал-дарвинизм), существует также теория космического происхождения, которая получает периодические всплески в связи с новыми исследованиями космоса. Она носит название «панспермии».

Вторая концепция выводит человека из *сверхприродного* начала, рассматривая его как результат творения Бога или Космического Разума. Теория религиозного происхождения человека носит названием «креационизм» – это религиозный миф о сотворении человека, согласно которому человек – это вершина творения Божия, созданный по образу и подобию Божьему.

Таким образом, по мере накопления и развития знаний о природе, окружающей человека, возрастал его интерес к самому себе. Наряду с онтологией, гносеологией, этикой, эстетикой и другими разделами философии постепенно формировалась область знаний о человеке, где он не только анализировался со всех сторон, но и рассматривался в его взаимосвязях с общественными, природными и космическими процессами.

Философская антропология как наука

В настоящее время существует наука, изучающая человека – это антропология (anthropos – человек, logos – учение). Она занимается всем, что имеет отношение к человеку: физиологией, традициями, обычаями, языками, искусством, религией, историей цивилизации и др. Следовательно, антропология тесно связана с множеством наук. XVII век еще не знает антропологии как науки. Как самостоятельная отрасль философского знания антропология возникла в XVIII веке трудами Г. Лейбница, И. Канта, других немецких мыслителей и французских материалистов. В XIX в. родилась антропологическая философия Л. Фейербаха, Н. Чернышевского, а в XX в. уже философская антропология М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена. В 20-х годах XX в. М. Шелер в своей работе «Положение человека в космосе» писал, что «если и есть сегодня задача, которая требует незамедлительного разрешения, то это создание философской антропологии – науки о сущности человека».

Философская антропология – это раздел философии, в котором изучается человек как особый род сущего, занимающий специфическое положение в космосе, осмысливаются проблемы человеческой природы и человеческого бытия.

В более строгом смысле слова философская антропология – это направление современной зарубежной философии, сформировавшееся в 20-х годах XX в., представленное М. Шелером, Х. Плеснером и А. Геленом, и противопоставляющее себя психоанализу, феноменологии, экзистенциализму, позитивизму, структурализму, неомарксизму и др. Это философское направление реализует программу антропологии как единственно возможной современной философии и направлено на целостное постижение человека. Предмет философской антропологии – это «человек метафизический».

Биосоциальная природа человека

Среди наиболее важных проблем, решаемых философской антропологией, в первую очередь, следует назвать вопрос о соотношении биологического и социального в человеке. В философской литературе сложились две основные позиции по этому вопросу. Они получили название **биологизаторской** и **социологизаторской** позиций в понимании биосоциальной сущности человека. При этом каждая из них преувеличивает или даже абсолютизирует какую-то одну (биологическую или социальную) природу человека.

Так сторонники **биологизаторских** концепций стремятся объяснить человека, исходя из его естественного, биологического

начала. Первой наиболее известной попыткой такого объяснения можно считать теорию Т. Мальтуса, который в XVIII в. предложил рассматривать общественную жизнь, как арену борьбы людей за свое существование, в которой выживают сильнейшие, а слабые обречены на гибель. Идеи Мальтуса получили свое развитие в неомальтузианстве. В XIX – XX вв. получила свое развитие и теория Дарвина как социал-дарвинизм. Сходные взгляды на природу человека можно обнаружить в расистских теориях, сводящих сущность человека к его расовым признакам, и на этом основании утверждающих превосходство одних рас над другими; в инстинктивистской теории агрессивности К. Лоренца, в учении о бессознательном З. Фрейда и др.

Биологическая (или натуралистическая) методология изучения человека занимает видное место в современной философской антропологии. Данный подход характеризуется тем, что при рассмотрении родовой сущности человека гипостазированы закономерности, присущие его поведению, складывающиеся исключительно в процессе филогенеза. На этом основании делается вывод о неизменной биологической природе человека. Поскольку философы натуралистической ориентации исходят из культа природы, космоса, то в соответствии с их взглядами сущность человека не в том, что человек в первую очередь разумное существо, а в том, что он – существо биологическое, инстинктивное. Человек, согласно такой постановке вопроса, – это всего лишь высокоразвитое существо, наделенное рядом отличительных особенностей, а человечество – этап в грандиозном эволюционном процессе.

Натурализм следует двум основным положениям:

- человечество есть живой вид, качественно гомогенный с остальной биологической реальностью, но имеющий осознанную самоорганизацию;

- человечество есть вид, в природе которого заложен конфликт между началом самоорганизации (недавно приобретенным сознанием и социальностью) и базисным бессознательно-витальным началом.

Одним из самых авторитетных сторонников данного подхода был известный немецкий философ Арнольд Гелен (1904-1976). А. Гелен в своей философии исходит из положения, что человек – это животное, биологическая неспециализированность которого делает его «ущербным существом», потому что он (в отличие от других животных) плохо оснащен инстинктами и не может вести чисто естественное существование, а его интеллект и образ жизни обусловлены телесно-анатомически. Ущербность объявляется источником человеческой активности, деятельности, которая есть компенсация изначальной биологической неполноценности, неспециализированности человека.

Человек может проявить свою активность (жизнеспособность) везде: на экваторе и на полюсе, в воде и на суше, под землей и в космосе. Границей жизни для животных является их среда обитания, а у человека это – культура. Именно культура компенсирует, считает А. Гелен, природные недостатки человека. При этом культура, в его понимании, не есть нечто внутреннее неотделимое от человека, это всего лишь фон, нечто внешнее, существующий сам по себе неподлинный мир компенсирующий человеческую ущербность.

Важное место в антропологической теории А. Гелена сводится к вопросу о том, как выживает человек. С его точки зрения жизнь человеческих сообществ регулируется несколькими основными инстинктами (он называет их социальными регуляторами). Эти инстинкты есть и у животных, и у людей. Они поддаются объективному биологическому описанию. А. Гелен выделяет три основных регулятора-инстинкта:

- инстинкт заботы о потомстве;
- инстинкт восхищения перед цветущей жизнью и сострадание перед жизнью гибнущей;
- инстинкт безопасности.

В результате воздействия этих инстинктов у человека формируется три этоса биологического происхождения, которые определяют солидарность или конфликтность общественной жизни людей. Так, например, из инстинкта заботы о потомстве (детеныше) вырастает идеология гуманизма, а из инстинкта восхищения и сострадания – этика потребительства. Из инстинкта (потребности) безопасности возникает государство, формируется этика «закона и порядка».

Таким образом, в философско-антропологической теории А. Гелена можно видеть как «биологическая ущербность» человека предопределяет и его самого и его социальную жизнь.

Подобные идеи о человеческой сущности развивает и известный австрийский этолог и философ, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц (1903-1989).

К. Лоренц исходит из биологической природы человека, определяемой его инстинктами. Система инстинктов представляет собой более или менее целостную систему взаимодействия между множеством независимых переменных – питание, размножение, половой инстинкт и т. п. Будучи неизменными по форме каждый инстинкт имеет свою особенную власть над всем организмом и в своих действиях не зависит от целого. Вот почему, подчеркивает К. Лоренц, человек – это как бы корабль, которым командует множество капитанов. У человека все эти капитаны могут находиться на капитанском мостике одновременно, и каждый волен высказать

собственное мнение. Иногда они приходят к разумному компромиссу, и тогда имеет место наилучший вариант решения проблемы, но порой придти к соглашению не удается и тогда корабль, как говорится, плывет «без руля и без ветрил».

К. Лоренц считает, что подлинным первичным, направленным на сохранение вида, инстинктом является агрессия (нападение, применение силы, злость) – естественное генетически врожденное свойство, которое присуще и животным, и человеку. Интересно, что, по Лоренцу, агрессия коренится и проявляется в социальных связях людей, ибо любой общественный ритуал – это переориентированный, сохраняющий их вид, инстинкт агрессии. По Лоренцу, любое отклонение от принятых форм общения вызывает агрессию и потому члены группы вынуждены выполнять установленные социальные нормы.

Он утверждает, что по сравнению с животными у современного человека имеет место фатальное возрастание его агрессивных инстинктов, поскольку социальные условия, в которых сейчас живет человек, все более провоцируют его на нее. И, хотя агрессивность подавляется, тем не менее, она постоянно требует выхода, проявления.

Главная опасность инстинкта, в том числе и инстинкта агрессии, с точки зрения К. Лоренца, состоит в его спонтанности. Если бы инстинкт, указывает Лоренц, был лишь реакцией на определенные внешние условия, то положение человека не было бы так опасно, как в действительности. Однако агрессия – это не только реакция на определенные (конкретные) внешние условия (объекты): на скученность в общественном транспорте, грубость окружающих людей, глупость политиков. Наиболее серьезную опасность, грозящую человечеству в современных условиях культурно-исторического и технологического развития представляет собой, по Лоренцу, его внутривидовая агрессия. Последняя связана еще и с тем, что человек обладает средствами, которые многократно могут усиливать мощь проявлений агрессивного инстинкта. Так, например, корень проблемы войны и мира, по Лоренцу, лежит в генотипе человека. Наличие атомного оружия и склонность к агрессии навсегда лишили общество точки опоры. Очень велика вероятность того, что человечество покончит с собой. И, если это будет не атомная смерть, то медленная смерть вследствие отравления окружающей среды и ее уничтожения всякими недалёковидными действиями человека.

Вместе с тем, нельзя не признать, что отношение К. Лоренца к агрессии все же далеко от того, чтобы считать ее чем-то метафизическим и полностью неотвратимым. Ссылаясь на древнекитайскую поговорку: «не все люди есть в зверях, но все звери есть в людях», К. Лоренц доказывает, что последнее обстоятельство

совсем не означает, что «зверь в человеке» с самого начала является собой нечто злое и опасное, что надо немедленно искоренить. По его мнению, агрессию нельзя исключить только избавлением людей от всевозможных раздражающих ситуаций или с помощью моральных, правовых и прочих запретов и сдерживаний, но ее можно перевести на эрзац-объект, сделать сублимированной реакцией. Можно поддерживать воодушевление (некий священный трепет) людей, например, определением ценности, которую надо защищать или указанием на врага, против которого надо сплотиться, или нахождением сообщников, с которыми человек чувствовал бы себя заодно.

Подводя итоги, подчеркнем, что жизнь человека диктуется ему не только разумом и традициями культуры, усвоенными им в процессе воспитания и совместной жизни с другими людьми. Жизнь человека подчиняется и закономерностям биологического порядка, т. е. обстоятельствам, присущим любому филогенетически возникшему поведению. Человек живет в природной среде, вне которой нет его социальной жизни, да и сам он является биологическим организмом тоже. Человек не может изменить того, что он является частью природного мира и связан с ним теснейшими узами. Однако он все время стремится выбраться и выбирается из чисто природного состояния. Его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию, должно быть создано и создается им самим.

Для биологического направления философской антропологии свойственно видеть определение, сущность человека исключительно в самой его природе, т.е. природном естестве как некоей объективной данности его рода. Так, для А. Гелена, например, человек из-за природной ущербности предопределен к деятельной активности, реализующей себя в различных формах эрзац-культуры. Для К. Лоренца человек – «заложник» врожденных инстинктов, главным из которых является агрессивность. Получается что социум, культура – это ни что иное, как превращенная форма биологической природы человека. Человек – это беспомощное, всеядное существо, получившее в обладание уникальные и мощные средства – оружие и абстрактное мышление, которые деформируют его естественные наклонности в неблагоприятном направлении, порождая все многообразие социальных проблем.

Абсолютизация биологического в определении человеческой сущности личности практически сводит на нет другие важные аспекты проявлений этой сущности. Игнорируются многие иные качественные стороны бытия человека, что методологически не состоятельно, а

практически вредно, ибо служит оправданием безысходности и личной безответственности человеческих действий.

Другая не менее значительная ветвь современной философской антропологии – **социокультурная (культурная) антропология**. С точки зрения приверженцев культурной антропологии человек рассматривается в контексте более широких социальных связей, продуктом которых он выступает, как существо, определяемое культурой, как создатель культуры, и ее создание. Исходным пунктом марксистского понимания человека является трактовка его в качестве зависимой производной от общественного развития. «Сущность человека, – отмечает К.Маркс в работе “Тезисы о Фейербахе”, не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Следствием такого утверждения выступает суждение: «Каково общество, таков и человек». Чтобы изменить человека, необходимо предварительно изменить систему общественных отношений, сделать ее более человеческой.

В постфрейдистский период психоаналитическая философия попыталась преодолеть односторонность учения Фрейда за счет ослабления роли либидо и усиления социальных характеристик человека (Э. Фромм и др.).

Одним из видных представителей культурной антропологии является известный немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства Эрнст Кассирер (1874-1945). Он доказывает, что проблема человека – это «архимедов рычаг» философского познания, и ключ к такому постижению человека – символ. Человек живет не просто в естественном универсуме, а в символическом мире, то есть, во Вселенной Культуры. Язык, миф, искусство, религия – символические части этой Вселенной. Именно в этой Вселенной и существует человек. По Кассиреру, человек до такой степени пронизан этим миром символов, живет в языковых формах, религиозных обрядах, что не может знать и видеть себя иначе, чем через подключение этих искусственных сред.

Итак, в соответствии с учением Э. Кассирера, между человеком и миром находится посредник и этим посредником выступает символ. Символическая Вселенная определяет человека настолько, что он осознает себя только через нее. Это значит, что человек – существо культурное, а культура есть не более как совокупность символов. Следовательно, делает вывод Э. Кассирер, человек – это не столько *Homo sapiens*, – человек разумный, сколько *Homo symbolicum* – человек символический.

Без символов, полагает Э. Кассирер, жизнь человека была бы блокирована (ограничена) границами его биологических потребностей и его практическими интересами. Человек не нашел бы доступа в мир идей, которые открывают ему с разных сторон искусство, религия, философия, наука. Согласно Кассиреру, символ – продукт человека и всегда функционален. Это функция идеальная, ибо содержание символа не зависит от бытия. Подчеркнем эту важнейшую кассиреровскую мысль о том, что именно человек создает символы, что символы порождаются фундаментальными структурными элементами самого человеческого чувственного опыта. В символах выражаются интуитивные структуры человеческих аффектов, надежд, страхов, иллюзий и разочарований.

По мнению Кассирера, символ не существует как фрагмент действительности, это то, что он значит, или иначе: имеет значение. Однако, с точки зрения Кассирера, символ имеет значение лишь только по отношению к человеческому духу. С одной стороны, человек формируется в деятельности во взаимодействии с символами, ибо он – функция символов, но с другой стороны, мир символов зависит от сознания человека. Иначе говоря, исходным пунктом в философии Э. Кассирера является символическое мышление, а уж от него происходит и символическое поведение человека.

Задаваясь вопросом о познании символов, Э. Кассирер утверждает, что познать символы нельзя, их можно только истолковать, т.е. придавать им некий смысл, или рассмотреть в более широком контексте. В кассиреровском понимании, вся деятельность человека есть деятельность символическая, символ отнюдь не является формой отражения, совсем наоборот, действительность в символе не конструируется. Таким образом, анализ культурной антропологии Э. Кассирера показывает, что человек и вся его общественная жизнь сводится к культуре. Культура выступает самодовлеющим основанием определения человека в теории Э. Кассирера. Кстати, примерно такой же подход и у русского поэта и философа-символиста Андрея Белого (1880-1934). Он тоже ставит проблемы культуры во главу угла при рассмотрении человека. А. Белый показывает, что культура – деятельность сохранения и роста жизненных сил личности путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности. Однако поскольку культура проецируется из внутреннего мира человека, она вряд ли может выступать в качестве смыслового гаранта для него, ибо сама нуждается в обосновании. Иначе говоря, человек должен приобретать свой смысл через содержание культуры, но культура сама, в свою очередь, оказывается продуктом человека.

Символическая функция присуща отнюдь не каждому явлению человеческой культуры, а лишь тем, которые раскрывают сущность других явлений, выражают ценностное отношение человека к этому другому. Символичность – это приобретение тем или иным феноменом культуры смысловой глубины и значимости. Символическое отражение – это взгляд на мир через призму человеческих ценностей. Функционируя в обществе в качестве одного из средств приобщения индивидов к ценностям коллектива, символы задают способ деятельного отношения людей к реальности.

Антропоцентризм Н.А. Бердяева исходит из его представления, что человек – это микрокосм и микротеос. Это значит, что человек включает в себя все силы мира, и он есть верховный центр бытия. Объясняется это только присутствием Божественного в человеке. Важно также подчеркнуть, что это антропоцентризм по отношению к миру, но не к Богу. При этом Бог несколько не умаляется, и человек не ставится на один уровень с Богом, ибо Н.А. Бердяев постоянно подчеркивает, что ценность человека исчезает, если нет ценности Бога.

С.Л. Франк, отвечая на вопрос, что есть человек, отмечает, что человек является существом самопреодолевающим, преобразующим себя самого. Разъясняя это положение, С.Л. Франк показывает, что человек является таким существом, которое способно дистанцироваться от всего, что фактически есть, в том числе и от действительности себя самого, смотреть на все фактически сущее извне, определять его отношение к чему-то иному, более для него убедительному, авторитетному, первичному. Именно в акте самосознания, полагает С.Л. Франк, человек сам смотрит на себя, судит и оценивает себя – имеет себя в двойном состоянии познающего и познаваемого, оценщика и оцениваемого, судьи и судимого. Вот почему, именно одному человеку присуща способность возвыситься над самим собой, идеально отрешиться от своей эмпирической природы и поднявшись над ней, судить и оценивать ее.

Такой подход С.Л. Франка как нельзя лучше объясняет своеобразие человеческой природы: человек всегда хочет быть чем-то большим и иным, чем он есть, он всегда трансцендирует за пределы всего фактически данного включая и свое собственное бытие.

Если для Н.А. Бердяева личность – целостна и являет собой абсолютное единство, то у Л.П. Карсавина личность определяется лишь в отношении к более высшим («симфоническим») личностям – социальным коллективам – семье, церкви, народу, человечеству, оказываясь их функцией, органом. Иначе говоря, для Л.П. Карсавина «Я» каждого человека само есть момент, индивидуация «высших», т.е. имеющих над-индивидуальный объем симфонических личностей, или

социальных коллективов. Л.П. Карсавин подчеркивает, что «Я» человека – одно, но оно пульсирует: то сужается до индивидуального «Я», то расширяется, отождествляя с собой высшие личности – коллективы, составной частью которых является. При этом для его философии характерно положение о том, что сам человек получает свою ценность от этого высшего, или коллективного единства. Таким образом, в философии Л.П. Карсавина личность рассматривается с позиции холизма – примата целого над частями. Для этой философии характерно господство коллективного над индивидуальным, поскольку человек переживает как свою, жизнь в социальной общности, живет ее интересами, сознает себя ответственным за нее.

В русской религиозно-философской антропологии особое внимание уделяется вопросу развития личности. Так, Н.О. Лосский считает, что весь мир состоит из личностей действительных и личностей потенциальных. С точки зрения Н.О. Лосского, развитие личности представляет собой эволюционный процесс, предполагающий переход от потенциальной, воплощающей в себе образ Божий, к действительной личности – подобию Божию. Подобие Божие – это цель развития всякой личности, и эта цель достигается собственными свободными усилиями личности, что составляет подвиг самой личности.

Отмечая, что человек существо несовершенное, Н.О. Лосский утверждает, что совершенной реализации своей индивидуальности личность достигает только в Царстве Божьем. Расстояние между земным человеком и абсолютно совершенной личностью чрезвычайно велико. Он должен пройти много ступеней жизней, все более и более усложняющихся: душа семьи, душа некой социальной группы, душа нации (социальное бытие). Поднимаясь в своем развитии на более высокий уровень, человек, в конце концов, становится на ступень сверхчеловеческого бытия, выходит из состава человечества и входит в Царство Божие.

Таким образом, и у Л.П. Карсавина, и у Н.О. Лосского личность есть часть, момент иерархического целого, некоего высшего коллектива. У Л.П. Карсавина личность – подножие иерархической пирамиды разного уровня социальностей, у Н.О. Лосского – очередная ступень на пути к Царству Божьему. Все это означает, что в отличие от Н.А. Бердяева, в философии Л.П. Карсавина и Н.О. Лосского самого понятия «личность» как целостного, единственного и неповторимого просто не существует. Однако нельзя не отметить для философии Л.П. Карсавина и Н.О. Лосского весьма важную мысль, имеющую актуальное научное и практическое значение: личность не есть готовая

данность, личность должна созидать себя неустанно на протяжении всей своей жизни.

Возвращение человеком собственной сущности в мире товарного фетишизма и самоотчуждения практически невозможно, но есть способы уйти от мира, хорошо себя зарекомендовавшие. Путь, известный многим – пьянство, наркотики, иногда секс – они помогают понять хаос бытия и иллюзорность всего того, к чему стремится большинство людей. Другой путь доступен немногим – это мир искусства, создаваемый человеком. Этот мир позволяет не только творцу, но и его слушателям и зрителям приобщаться к обнаженному хаосу бытия и помогает понять бессмысленность современного фетишизированного мира вещей. Современное искусство – это стон личности, задавленной обществом, более оно ничего не в состоянии выразить.

Современная философская ситуация характеризуется кризисом традиционной антропологической проблематики, который обусловлен признанием невозможности создания целостной модели человека. *Экзистенциализм (философия существования)* в его нерелигиозных вариантах исходит из отсутствия природы человека как таковой. Согласно философии экзистенциализма (Ж.П. Сартр), в мире есть нечто, у которого существование предшествует сущности и этим нечто является *человек*. Нет иного творца человека, кроме самого человека. Он сам создает свою сущность, а, следовательно, и творит себя сам. Причем это осуществляется не один раз и навсегда, а ежедневно. *Человек – это существо, устремленное в будущее*. Человек сам творит свое бытие, сам отвечает за него, отвечает за свой выбор. Выбирая себя, он выбирает и других людей, так как человек живет в мире людей. Человек тревожится, так как ощущает бремя ответственности. Человек испытывает тревогу, так как принимает решения. Человек не есть некая сумма задатков, возможностей, надежд, он есть не что иное, как его жизнь, ряд поступков. Человека никто не может спасти от самого себя. Спасти человека может лишь сам человек. Экзистенциализм, отрицая природу человека, будь это психологическая, биологическая или социальная, допускает, что свобода не исторична и имеет всегда одно и то же определение, что нет никакой системы социальных ценностей, установленных для индивида, человек в каждой ситуации заново творит новую систему ценностей. Экзистенция (от лат. *exsistentia* – существование) – одно из основных понятий экзистенциализма, означающее способ бытия человеческой личности. Экзистенция трактуется как ядро человеческого «Я», благодаря которому человек проявляет себя как конкретная неповторимая личность. Экзистенция – это не сущность человека, ибо последняя означает, согласно теории

экзистенциалистов (Ж.П. Сартр), нечто определенное, заранее данное, а, напротив, «открытая возможность». Одно из важнейших определений экзистенции – ее необъективируемость. Человек может объективировать свои способности, знания, умения практически в виде внешних предметов; он может далее сделать объектом собственного рассмотрения свои психические акты, свое мышление и т.д., объективируя их теоретически. Единственное, что ускользает от его как практического, так и теоретического объективирования, а тем самым и от познания, и что, таким образом, не подвластно ему, – его экзистенция. Учение об экзистенции направлено как против рационалистического понимания человека, усматривающего сущность последнего в разуме, так и против марксистского понимания этой сущности как совокупности общественных отношений.

Таким образом, человек в своем развитии всегда является и субъектом, и объектом одновременно, что предопределяет появление еще одной важной для человека философской проблемы, связанной с самореализацией личности и поиском смысла жизни.

4.2. Понятие личности

Первым понятием, с которого следует начинать изучение проблемы личности, является «индивид». Отдельный человек рассматривается как единичный представитель человеческого рода и как член какой-то социальной группы. Это самая абстрактная и простая характеристика человека, говорящая лишь о том, что он отделен от других индивидов. Отделенность не составляет его сущностную характеристику.

Намного более содержателен термин «индивидуальность», обозначающий уникальность и неповторимость человека во всем богатстве его личностных качеств и свойств. Индивидуальность – характеристика единичности и своеобразия человека.

Становление личности происходит в процессе усвоения людьми опыта и ценностных ориентаций данного общества, то есть в процессе социализации. Человек учится выполнять социальные роли, которые имеют культурный контекст и зависят от стереотипа мышления.

Личность – человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторически конкретных видов деятельности и общественных отношений. Хотя природную основу личности образуют ее биологические особенности, все же определяющими факторами развития (ее сущностным основанием) являются не ее природные качества, а качества социально значимые: взгляды, способности, потребности, интересы, убеждения и т. д.

Личность – это динамичная, относительно устойчивая целостная система интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых

качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности. Комплекс своеобразных неповторимых качеств и действий, характерных для данной личности, выражается в понятии «индивидуальность».

Личность представляет собой диалектическое единство общего (социально-типического), особенного (классового, национального и т.д.) и отдельного (индивидуального). Для личности характерны осознание мотивов своего поведения, постоянная работа сознания и воли, направленная на раскрытие индивидуальных способностей и самореализацию.

В конкретно-исторических обстоятельствах личность выступает как целостность, тип которой формируется определенной социальной системой. Личность – это действительность индивида как социального феномена и субъекта, реализующего себя в различных видах социального общения и действия. Социальные качества личности проявляются в ее действиях, поступках, в ее отношении к другим людям. По этим проявляющимся вовне поступкам можно в известной степени судить о внутреннем мире человека, его духовных и нравственных качествах (как положительных, так и отрицательных). Это создает возможность не только объективного познания социальных качеств личности, но и формирующего воздействия на них.

Познание структуры личности возможно как в общетеоретическом плане, так и в плане эмпирических исследований тех или иных аспектов этой структуры отдельными науками (биологией, психологией, физиологией, социологией, педагогикой и др.).

Определяющее воздействие социальных и природных факторов на формирование, развитие и становление личности происходит через ее субъективность. Внутреннее содержание личности, ее субъективный мир – это не результат механического внедрения в ее сознание многообразных внешних воздействий, а итог той внутренней работы индивида, в процессе которой внешнее субъективно перерабатывается, осваивается и применяется им в практической деятельности.

Сложившаяся система воспитанных и выработанных самим индивидом социальных качеств проявляется в субъективной форме (идеи, ценности, мотивы, направленность интересов), отражающей взаимодействие личности с окружающим миром. В зависимости от характера общественных отношений, уровня знаний и силы воли индивид может оказывать большее или меньшее влияние на факторы своего развития.

Личность – это активный субъект социальных отношений. Вместе с тем каждый человек – не только субъект, но и объект деятельности, и совокупность социальных функций, которые он выполняет в силу

сложившегося разделения труда, в силу принадлежности к той или иной социальной группе, классу с их идеологией и психологией.

Характер мировоззрения личности, формируемого социальным окружением, воспитанием и самовоспитанием, является одним из важнейших ее качеств, ее «стержнем». Мировоззрение личности в значительной мере предопределяет направленность и особенности всех социально значимых ее решений и поступков. Социальная структура личности формируется как в производственной, так и во внепроизводственной сферах, иными словами, как в сфере труда, так и в сферах общественной деятельности, семьи и быта.

Степень развитости личности прямо зависит от богатства реальных общественных отношений, в которые она включена. Это определяет и объективные предпосылки для всестороннего развития человека.

Социально-философская теория личности рассматривает развитие личности в ее взаимодействии с обществом. Она решает вопросы конкретно-исторического развития человека, становления индивидуальности, свободы личности и ее ответственности за выбор общественного развития и взаимоотношения с природой.

Теория личности строится как образ сложного взаимодействия человека и общества. Человек создает общественную систему отношений, социальных институтов. Сложившиеся общественные отношения и институты воздействуют на личность, формируют ее потребности, интересы, ценности, ориентации, характер.

Субъектом, то есть активным деятельным индивидом, в обществе является личность. Общество не существует вне конкретных индивидов, личностей. Оно представляет собой социокультурную систему, в которой происходит процесс объективации субъекта в создаваемых им предметах, в индивидуальных и общественных духовных продуктах. Это социальное «тело» человека, его общественное продолжение. Объективация является не самоцелью, а способом человеческой жизнедеятельности, в которой и происходит становление, развитие и осуществление человека в конкретной субъективной форме. Процесс общественного восполнения личности субъекта через усвоение им созданных обществом социокультурных ценностей называется субъективацией. Личность является субъектом общественного развития. Она не пассивно относится к усвоению определенных ценностей, а делает индивидуальный свободный выбор.

Человек изначально выступает как экономический, нравственный, эстетический, религиозный, а затем, с образованием государства, и как политико-правовой индивид. Но все эти родовые качества человека проявляются в нем по-разному, в зависимости от того типа общества, которое он же, человек, создал.

Отдельный человек не в состоянии изменить сложившийся тип отношений, поэтому он, социализируясь, преломляет в себе эти отношения, и соответственно с этими образующимися социально-значимыми чертами формируется в соответствующий тип личности.

Можно выделить следующие особенности, характерные для всех исторических типов личности:

- наличие потребности трудиться;
- потребность самосохранения, что составляет содержание таких социальных явлений, как социализация, адаптация в деятельностном варианте;
- потребность связи с окружающим миром, которая вытекает из коммуникативной природы человека.

При анализе следует учитывать внутренние психологические качества личности, которые в процессе ее социализации приобретают мощную мобилизующую силу в ее деятельности, ведущей к дальнейшему развитию общества и личности.

Итак, личность – это не сумма врожденных биологически закрепленных побуждений, не безжизненный слепок с социальных условий. Личность – это субъект социальной деятельности и продукт ее исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и определенными неизменными факторами социальной сущности человека.

Смысл человеческого существования

Проблема смысла жизни рано или поздно встает перед каждым человеком. Вопрос о смысле жизни есть вопрос о предназначении человека, смысле его бытия. *Для чего живет человек?* Этот вопрос всегда занимал человечество.

Существует четыре подхода к решению этой проблемы:

1. Жизнь бессмысленна.
2. Смысл жизни изначально присущ жизни в ее глубинных основаниях.
3. Смысл жизни за пределами жизни.
4. Смысл жизни создается самим субъектом.

Для *первого* подхода характерно отрицание наличия смысла жизни. Жизнь – это цепочка горестей и страданий человека, ведущая к отрицанию цели, ценности и смысла жизни. Подобный пессимистический взгляд характерен для философии самоотрицания А. Шопенгауэра.

В основе *второго* подхода лежит *религиозное* истолкование жизни. Единственное, что делает осмысленной жизнь и потому имеет для человека абсолютный смысл, есть не что иное, как *действенное*

соучастие в Богочеловеческой жизни. Эта точка зрения характерна для русской религиозной философии, в частности – С.Л. Франка.

В основе *третьего* подхода лежит *секуляризованная религиозная идея.* Человек способен переустроить мир на началах добра и справедливости. Движение к этому светлому будущему есть прогресс. Прогресс предполагает цель, а цель придает смысл человеческой жизни. В рамках этого подхода будущее обоготворяется за счет настоящего и прошлого. Прогресс превращает каждое человеческое поколение, каждого человека в средство и орудие для окончательной цели – совершенства, могущества и блаженства человечества в будущем. Подобных взглядов придерживался Ф. Ницше.

В соответствии с *четвертым подходом,* жизнь не имеет смысла, проистекающего из прошлого или будущего, а тем более из потустороннего мира. В жизни самой по себе вообще нет никакого раз и навсегда заданного, однажды определенного смысла. Только мы сами сознательно или стихийно, намеренно или невольно самими способами нашего бытия придаем ей смысл и, тем самым, выбираем и создаем свою человеческую сущность. Данной теории придерживаются философы-экзистенциалисты А. Камю и Ж.П. Сартр, психоаналитик В. Франкл, создатель нового направления – экзистенциального анализа и логотерапии (лечения словом). В книге «Человек в поисках смысла» он высказывает уверенность в том, что «жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден». Универсальность смысла жизни человека состоит в воплощении высшей человечности своего бытия: любви, красоты, сострадания, добра, мудрости. Только в сообществе с другими людьми, заботе о ближнем и ответственности за нею человек обретает смысл своего существования. Когда человек думает не о себе, заботится не о своих интересах, а находит корни своего существования в другом, в том, кому он нужен, его жизнь получает смысл и оправдание.

Смысл жизни человека неизбежно пересекается со смыслом человеческой истории. Неслучайно Н.А. Бердяев определял смысл мировой истории как соединение судьбы личности и судьбы Вселенной; немецкий философ К. Ясперс (1883-1969) усматривал смысл истории в единстве человеческого рода; основатель русского космизма Н.Ф. Федоров считал, что «жить стоит не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех. Это и есть полное Добро без Зла». Человечество призвано сохранить и умножить веками сложившиеся традиции созидания общечеловеческих ценностей.

Герберт Маркузе (1898—1979) считает, что человек должен стать нерепрессивным существом. Он подчеркивает, что современная западная культура, с ее достоинствами комфорта, технической

оснащенности, удобства бытия и безопасности существования рождает репрессивную терпимость всех членов буржуазного общества, их одномерность и проинтегрированность во все общественные отношения. В работе «Одномерный человек» (1964 г.) он показывает, как индустриальное общество, создавая высокий жизненный уровень, связывает руки всех оппозиционных сил. В этом обществе происходит не только технико-технологическая, но и духовная нивелировка.

По мнению Г. Маркузе, в современном обществе нет других общественных сил, которые могут начать борьбу против общества, кроме тех, которые чувствуют себя отщепенцами, изгоями. Это – третья сила в современной европейской культуре. Эта новая сила – это молодежь и люди гетто. Они являются носителями конфликта и их знамя – тотальная негация (всеобщее отрицание) свободно парящего слоя одиночек, обладающих социальными знаниями. Вслед за Т. Адорно и М. Хоркхаймером, Г. Маркузе повторяет, что все, существующее в современном западном обществе – ложно и все это необходимо разрушить.

Современное индустриальное общество конформично. В своей основе оно состоит из манипуляторов и манипулируемых, и в нем нет сил, противостоящих манипуляции. Существующая современная техника гарантирует богатство в обществе, она концентрирует общество как определенную систему, возвышаясь над партикулярными и групповыми интересами и формирует все более заметное стремление к паразитическому существованию людей. Формирование стандартных ложных потребностей, привязывающих индивида к современному обществу делает людей одномерными в действиях, поступках, мышлении.

Гибельное развитие индустриального общества Г. Маркузе видит в том, что в нем «возрастает иррациональность целого: расточительная и требующая ограничений производительность; потребность в агрессивной экспансии; постоянная угроза войны; усиливающаяся эксплуатация; дегуманизация».

Концепция тотальной негации была в свое время подхвачена молодежью Запада, на работах франкфуртской школы базировалось достаточно разнородное движение «Новых левых». Однако в целом ни одну из проанализированных критической теорией общества социальных язв это движение не сумело излечить.

Тем не менее, в истории философии XX века франкфуртская школа оставила заметный след, раскрыв специфику европейской рациональности, показав роль и значение социальных теорий, связанных с практическими действиями людей, подчеркнув необходимость выработки нового философствования, сочетающего все

методы и способы осмысления мира – научные, философские, практические, эстетические.

Новые левые, которых назвали громкоговорящим меньшинством, выступившие против авторитетов и политических партий, против всех, кому больше 35 лет, против любой идеологии и политики государств, были не только эмоционально настроенными романтическими бунтарями, они, опираясь на работы философов франкфуртской школы, своими действиями протеста способствовали существенной эволюции традиционного капитализма по пути конвергенции и создания информационного общества.

Хосе Ортегу-и-Гассета мало интересовали проблемы собственно теории познания и философии науки (таков был круг интересов неокантианства), но опыт марбургской школы определил его подход к более близким ему проблемам «философии жизни» – другого ведущего в то время направления в европейской философии. В центре этих исследований стояли вопросы человека, истории, культуры. Свою близость с данным направлением он подчеркнул, назвав свое учение рациовитализмом. Этот термин нуждается в разъяснении.

Витализм (от лат «жизнь») – это собственно и есть философия жизни, где центральное понятие «жизнь» достаточно многозначно и неопределенно. Жизнь есть непосредственное переживание человека, в котором слиты воедино переживающий субъект (мое «Я») и переживаемое содержание (предметно-вещественная сторона). И так как жизнь всегда открыта для живущего, то она постигается им непосредственно, интуитивно, то есть «понимается», в отличие от внешних предметов, явлений, процессов, которые подлежат «объяснению» с помощью научных понятий. Это принципиальное разграничение понимания и объяснения и, соответственно, знания гуманитарного и естественнонаучного составило один из краеугольных камней философии жизни.

Однако Ортега-и-Гассет не принял определения «жизни» через ее противоположность разуму, избегая крайностей интуитивизма философии жизни. Он искал их соединения, их исходного единства. Понятие «жизнь», к которому обращается Ортега, по его мнению, не может быть точным. «Жизнь – это, прежде всего, хаос, в котором ты затерян». Жизнь – это проявление витальной силы, которая сродни космической, но не сама космическая сила, не природная сила. Жизнь – это «живое», которое принципиально отличается от «неживого» – это вечное движение, становление, изменение... А потому «жизнь есть время». Речь тут идет не о космическом времени, с которым имеет дело физика или астрономия, и не о чисто субъективном, психологическом времени, переживаемом отдельным человеком. Время как сущность

жизни, утверждает Ортега-и-Гассет, это время необратимое, ограниченное, конкретно-историческое, неразрывно связанное с содержанием человеческой деятельности, а потому это сама история.

Итак, жизнь – это история, где действуют люди как существа разумные, мыслящие, стремящиеся к достижению определенных целей. Наличие последних – источник человеческой творческой активности, исторического движения. «Бесцельность отрицает жизнь, она хуже смерти. Ибо жить – значит делать что-то определенное, выполнять задание...» Выбор же цели, ее определение – это задача разума, который таким образом становится витальным разумом, неразрывно связанным с историей.

Радиовитализм Ортеги-и-Гассета – это учение о жизни как истории, которая нерасторжима с разумом, без него умирает. Функция витального разума – самоистолкование жизни, что выражается в созидании мировоззрений, определяющих ценностные координаты человеческой деятельности. Ортега-и-Гассет подчеркивал творческую природу витального разума, который устремлен в будущее, к реализации возможностей, заложенных в настоящем «Я не верю в абсолютный исторический детерминизм, – писал он, – наоборот, я верю, что всякая жизнь, тем самым историческая, состоит из отдельных моментов, каждый из которых относительно свободен. И строго говоря, наша жизнь – это то, чем мы можем стать, т.е. она – выбор между возможностями. Обстоятельства и решение – вот два основных элемента, из которых слагается жизнь». Поэтому в задачу витального разума входит истолкование ситуации и одновременно ее достраивание, он ищет из нее выход – конструирует мир, то есть новую систему мировоззрения. Эта новая система ценностных ориентаций выступает как своего рода историческая иллюзия, определяющая человеческую деятельность, ее ориентиры, придающая ей смысл и цель, активность, направленность... В этом Ортега-и-Гассет видел суть перехода от «человека мыслящего» к «человеку изобретающему», который относительно свободен, но и несет ответственность за свое решение.

Такая концепция разума как инструмента жизни сближает Х. Ортегу-и-Гассета с Ф. Ницше, с которым он так же был солидарен и в отрицании надысторических, абсолютных ценностей в жизни человека. Жизнь как история с ее самоистолкованием и конструированием мировоззренческих систем – единственная реальность, по отношению к которой нет ничего высшего. Как и Ницше, Ортега считал, что «Бог умер» и люди должны устраиваться без него, сами творить свой «мир». А философия должна вооружить историческим опытом новые поколения людей. Философ утверждает, что необходимо обратиться к истории, которая является первопричиной

всех ценностных ориентиров в человеческой жизни. Современное человечество, по его мнению, призвано осознать, что только историческая жизнь (жизнь как история) есть единственная подлинная реальность, которая определяет все человеческие «проекты», ценности и идеалы, что она сама конструировала то, что люди принимали за независимое от человека и человечества: космос – в эпоху античности; Бога – в средние века; природу – в новое время.

В стремлении людей оставить свой след на Земле проявляется общая закономерность – не исчезнуть бесследно, оставить что-то после себя, сохранить преемственность.

Пытаясь осмыслить свое предназначение, человек, таким образом, с необходимостью приходит к идее бессмертия – бессмертия духа, тела, земных дел и поступков. Потому проблема жизни, смерти и бессмертия, как и проблема смысла жизни, относится к самым главным и сложным в философии человека.

Проблемы жизни и смерти в духовном опыте человека

Жизнь и смерть – вечные темы духовной культуры человечества. По сути дела, речь идет о триаде: *жизнь – смерть – бессмертие*.

Перед лицом вечности, перед лицом смерти каждый, в конечном счете, остается наедине с самим собой. «Стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой?» – задается вопросом философ-экзистенциалист А. Камю. Это вопрос о праве человека на самоубийство в том случае, если жизнь лишена смысла. Отсюда проблема одиночества в философии экзистенциализма, да и в философской антропологии в целом становится одной из главных в анализе человеческого бытия.

Да, человек смертен по своей природе, но, понимая это, он не хочет и не может смириться с мыслью, что все, что связано с ним, заключено в коротком отрезке времени, ограниченном датами его рождения и смерти. Отсюда попытки связать свою судьбу с целями социально-значимыми, с духовным возрождением (воскресением). Наиболее доступный путь предлагает религия с ее однозначным ответом на вопрос о смысле жизни – служении Богу и с установкой на жизнь загробную, где каждому воздастся по делам земным.

Другая возможность состоит в том, чтобы в реальном мире посвятить себя служению людям, добру и справедливости. Это может быть обретение бессмертия в генах потомства, в плодах материальной и духовной деятельности, творчества, в повседневных делах и заботах.

Современные *танатология (учение о смерти)* и *иммортология (учение о бессмертии и воскрешении)* представляют в настоящее время одну из «горячих» точек естественнонаучного и гуманитарного знания. Интерес к проблеме смерти и бессмертия обусловлен несколькими

причинами: 1) это ситуация глобального цивилизационного кризиса, который может привести к самоуничтожению человечества; 2) значительное изменение ценностного отношения к жизни и смерти человека в связи с общей ситуацией на Земле.

Аксиология

Аксиология как учение о ценностях

Аксиология – особый раздел философии, предметом которого являются ценности (axios – ценность, logos – слово, знание). Это – учение о ценностях, философская теория общезначимых принципов, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию поступков. В человеческом бытии ценности предстают как цели, смыслы и критерии оценки явлений природы, общества, культуры. Большинство философских систем в качестве высших общечеловеческих ценностей выделяют классическую триаду – Красоту, Добро, Истину.

В античной, а затем и средневековой философии, ценности отождествлялись с самим бытием, а ценностные характеристики включались в его понятие. Начиная уже с Сократа и Платона, основным вопросом теории ценностей был: что есть благо? Уже в античной философии наблюдаются разные подходы к вопросу об абсолютном и относительном характере ценностей. Если, по мнению Платона, высшие ценности носят абсолютный характер, то с точки зрения представителей софистов все ценности индивидуальны и относительны («человек есть мера всех вещей»).

Таким образом, со времен античности до наших дней в философии ведутся споры по вопросу о том, является ли ценность атрибутом некоторой вещи или же она – результат оценивания, продиктованного потребностями личности или общества.

Обе эти точки зрения отражают некоторые особенности понятия ценности, но не дают его адекватного определения. В первом случае знание о предмете характеризуется с точки зрения его истинности или ложности, во втором – с точки зрения ценности предмета, т.е. его значимости для человека.

Понятие ценности. Виды ценностей

Ценность, как и истинность, является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью. Основываясь на своем индивидуальном опыте, человек осознает наличие связи между значимым для него объектом и своими потребностями и интересами.

Ценностью является то, что обладает положительной значимостью для человека. Значимость определяется не свойствами предмета самого по себе, а их вовлеченностью в человеческую жизнь.

Однако, мир ценностей динамичен. Он обнаруживает свою зависимость от человечества, обусловлен его развитием, расширением сферы деятельности, характером культуры и цивилизации. Природа аксиологически нейтральна, как ценность она актуализируется лишь в контексте с человечеством, в конкретно-исторических условиях его развития. Так для эпохи Античности высшей ценностью было гармоническое проявление всей полноты человеческой жизни, в Средние века ценности связывались с божественной сущностью и приобретали религиозный характер. Эпоха Возрождения выдвинула на первый план ценности гуманизма. В Новое время развитие науки и новых общественных отношений во многом определяли и основной подход к рассмотрению предметов и явлений как ценностей.

В современной литературе также существуют разные точки зрения. Ценность рассматривается как предмет, имеющий какую-либо пользу и способный удовлетворить ту или иную потребность человека; как идеал; как норма; как значимость чего-либо для человека или социальной группы.

Многообразие потребностей и интересов личности и общества выражается в сложной системе ценностей, которые классифицируются по разным основаниям.

Применяют следующие классификации видов ценностей:

- **по содержанию** – материальные, политические, социальные и духовные;
- **по сферам бытия** – ценности природы, культуры, социума, науки и искусства;
- **по субъекту** – субъективно-личностные и надындивидуальные (групповые, классовые, общечеловеческие); личностные ценности формируются в процессе образования и воспитания;
- **по роли в жизни человека** различаются ценности утилитарные (жилище, питание и т.п.) и духовные; в отличие от утилитарной ценности духовная ценность имеет самодостаточный характер и не нуждается во вне ее лежащих мотивах; если утилитарные прагматические ценности определяют цели деятельности, то духовные ценности – ее смысл.

Соответственно этому и духовный мир личности имеет свою иерархию. Формирование системы (иерархии) ценностей выступает условием становления личности посредством усвоения духовных констант культуры, обеспечивающих ее устойчивость и воспроизводство.

Духовное составляет сферу высших ценностей, связанных со смыслом жизни и предназначением человека.

Человеческая духовность включает в себя три основных начала: познавательное, нравственное и эстетическое. Им соответствуют три типа духовных творцов: мудрец (знающий, познающий), праведник (святой) и художник. Сердцевиной этих начал является нравственность. Если знание дает нам истину и указывает путь, то нравственное начало предполагает способность и потребность человека выйти за пределы своего эгоистического «Я» и деятельно утверждать добро.

Активный процесс субъективации ценностей называется социализацией или адаптацией личности. Социализация – это усвоение личностью социальных ролей, ценностей, культуры. Социализация начинается с первых лет жизни человека и продолжается всю жизнь. Выделяют три периода социализации личности: первичная социализация личности (детская социализация); промежуточная социализация (подростковая социализация); устойчивая социализация (социализация взрослого человека). В социальной психологии двуединая связь личности и общества (интерсубъективный способ существования и развития личности) называется экстерииоризацией и интерииоризацией социальных форм деятельности, отношений, ценностей. Экстерииоризация (выражение «вовне», что соответствует объективации, созданию общественных отношений и ценностей) и интерииоризация (усвоение «вовнутрь»).

Право и мораль. Нравственные ценности

Право – совокупность всеобщих норм поведения, санкционированных государством и опирающихся на его принудительную силу.

Мораль – совокупность правил поведения, подкрепляемым общественным мнением (одобрением или осуждением поступка).

Нормы морали и права отличаются по содержанию общественных отношений, которые они охраняют, по способам подкрепления нормативных требований, по эффективности их влияния на поведение личности. Между содержанием норм морали и права нет существенных различий, однако, нормы права не охватывают своим регулированием тот объем общественных отношений, который регулируется моралью. Различие между правом и моралью можно усматривать в степени эффективности их воздействия. Право, опирающееся на силу государственного принуждения, представляется более эффективным, чем мораль. Однако в отдельных конкретных случаях для человека право может оказаться бессильным перед авторитетом моральных норм.

Это объясняется содержанием ценностных ориентаций личности, ее социального окружения.

К осмыслению роли нравственности обращались уже древние мыслители. Этика как наука о моральных ценностях появилась еще в античной философии. Первый систематизатор наук Аристотель выделил ее как одну из практических наук наряду с политикой. Сократ, призывая человека познать самого себя, выделял три главные общечеловеческие добродетели: умеренность – умение обуздывать страсти; храбрость – умение преодолевать опасности и мудрость – соблюдение законов человеческих и божественных. Вслед за ним Платон выделял также три основные добродетели (мудрость, мужество и благоразумие или воздержание), которые в совокупности ведут к четвертой – справедливости. Впоследствии трактаты на этическую тематику создавались на протяжении всей истории философии многими выдающимися мыслителями. Это – «Этика» Аристотеля и Спинозы, «Философия морали» Гегеля, «Душа человека» Э. Фромма и др.

Своих высочайших вершин учение о моральных ценностях достигает в русской религиозной философии XIX века в трудах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева и др. Согласно В. Соловьеву, человек становится человеком через переживание трех нравственных чувств – стыда (того, что испытывает человек по отношению к равному), жалости (того, что испытывает человек по отношению к низшему) и благоговения (того, что испытывает человек по отношению к высшему). Высшим же способом самообретения и самоутверждения человека является любовь как преодоление эгоизма.

Таким образом, смысл жизни в самой жизни. Надо дорожить жизнью, любить ее и постараться сделать ее лучше для других и тем самым для себя. Смысл жизни заключается во всестороннем развитии способностей человека, в наиболее полной отдаче своих сил на то дело, которое приносит пользу максимально большому числу людей. Жизнь прекрасна сама по себе. Уже сознание этого наполняет нашу жизнь смыслом. Радость, надежда, любовь, совесть, мужество, добро, верность в дружбе, уважение к старшим, способность бороться с собственными недостатками и пороками... Все эти духовные ценности наполняют нашу жизнь смыслом, выступая в совокупности. Отдельно взятые, они могут исказить, обеднить смысл жизни. Устремленность лишь к радости и наслаждению может обернуться эгоизмом; героизм, мужество могут породить жесткость... Жизнь состоит из противоречий. Умение их преодолевать – вот что наполняет ее глубоким смыслом. Главный духовный фактор, придающий жизни высокий смысл – Свобода. Свобода побуждает нас к борьбе, при необходимости – к отказу от всех человеческих радостей и наслаждений. Свобода, даже через страдания,

риск, потери и поражения, делает жизнь прекрасной. Только свободный человек может делать выбор. Творчество, созидание возможны только в условиях свободы. Счастье заключается не в самом состоянии счастья, а в его достижении. Деятельная, творческая жизнь всегда свободна, наполнена смыслом. Потому свобода выступает одной из важнейших духовных ценностей.

Свобода как ценность

Свобода – одна из основных философских категорий, характеризующих сущность человека и его существование.

Свобода рассматривается в соотношении с необходимостью, произволом и анархией, с равенством и справедливостью.

Понятие свободы родилось в христианстве как выражение идеи равенства людей перед Богом и возможности для человека свободного выбора на пути к Богу.

Свобода воли – понятие, означающее возможность беспрепятственного внутреннего самоопределения человека в выполнении тех или иных целей и задач личности. Воля – это сознательное и свободное устремление человека к осуществлению своей цели, которая для него представляет определенную ценность. Волевой акт, выражающий должностное отношение, имеет характер духовного явления, коренящегося в структуре личности человека. Воля противоположна импульсивным стремлениям и влечениям, витальным потребностям человека. Понятие воли относится к зрелой личности, которая полностью отдает себе отчет в своих действиях и поступках.

Чтобы понять сущность феномена свободы личности, нужно разобраться в противоречиях волюнтаризма и фатализма, определить границы необходимости, без которой немислима реализация свободы.

Волюнтаризм – это признание примата воли над другими проявлениями духовной жизни человека, включая мышление. Корни волюнтаризма содержатся в христианской догматике, учении Канта, Фихте, Шопенгауэра, Ницше. Воля считается слепым, неразумным первоначалом мира, диктующим свои законы человеку. Действовать в духе волюнтаризма – это не считаться с объективными условиями бытия, с законами природы и общества.

Фатализм предопределяет изначально весь ход жизни человека, его поступки, объясняя это или судьбой, или волей Бога, или жестким детерминизмом (Гоббс, Спиноза, Лаплас). Фатализм не оставляет места для свободного выбора, не дает альтернатив. Жесткая необходимость и вытекаемая отсюда предсказуемость основных этапов жизни человека характерна для астрологии и других оккультных учений, как прошлого, так и настоящего, различных социальных утопий и антиутопий.

Европейская традиция часто употребляет термин «свобода» как аналог «воли» и, противопоставляя понятиям необходимости, насилия и рабства, связывает ее с ответственностью.

Ответственность – категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм.

Наиболее глубокое решение проблемы свободы и ответственности можно найти в работах русских религиозных мыслителей – Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, М.М. Бахтина, для которых свобода выступает мерой достоинства личности, а ответственность – мерой человечности, критерием высших нравственных начал. Рассматривая соотношение свободы и ответственности как магистральное направление развития социума, русская философия не мыслит их вне этического измерения. Этика свободного поступка (М.М. Бахтин) связана с понятиями *совесть, долг, честь, достоинство* конкретной личности. Тогда личность – это человек *поступающий*, способом его существования является ответственный поступок.

Н.А. Бердяев в своей философии свободы выделяет три вида свободы:

- свобода экзистенциальная (безосновная, изначальная – онтологическая. Она укоренена в бытии мира).
- свобода рациональная (осознанная необходимость – социальная. Она проявляется в обществе).
- свобода мистическая (творчество – духовная. Она проявляется в Духе. Только здесь человек может полностью реализовать себя).

Собственную концепцию свободы высказывает Э. Фромм в книге «Бегство от свободы».

Он выделяет два вида свободы:

- «Свобода от...». Он называет ее негативной, так как это попытка человека убежать от ответственности.

Фромм говорит о том, что современный человек, получив свободу, тяготеет к ней, так как свобода влечет за собой необходимость выбора и ответственность за свои поступки. Потому человек стремится передать свою свободу, а вместе с ней и ответственность, кому-нибудь другому (будь то церковь, государственная власть, политическая партия, общественное мнение). Все это ведет только к одиночеству и отчуждению человека, и получает свою реализацию в авторитаризме (садизм и мазохизм как попытка осуществить себя через власть над другим или подчинение другому своей воли); конформизме (потере собственной индивидуальности) или деструкции (насилия, жестокости, разрушении себя и других);

- «Свобода для...». Этот вид свободы позитивен, так как он через спонтанную деятельность (творчество, любовь) ведет к самосозиданию, самореализации личности.

Модели взаимоотношения личности и общества. Можно выделить несколько моделей взаимоотношения личности и общества по поводу свободы и ее атрибутов.

1. Чаще всего это борьба за свободу, когда человек вступает в открытый и часто непримиримый конфликт с обществом, добиваясь своих целей любой ценой.

2. Это бегство от мира, так называемое эскапистское поведение, когда человек, будучи не в силах обрести свободу среди людей, бежит в свой «мир», чтобы там иметь способ свободной самореализации.

3. Это адаптация к миру, когда человек, жертвуя в какой-то мере своим стремлением обрести свободу, идет в добровольное подчинение, чтобы обрести новый уровень свободы в модифицированной форме.

Возможно также и совпадение интересов личности и общества в обретении свободы, что находит определенное выражение в формах развитой демократии. Таким образом, свобода – это самый сложный и глубоко противоречивый феномен жизни человека и общества. Это проблема соотношения свободы и равенства без подавления и уравниловки. Решение ее связано с ориентацией на ту или иную систему культурных ценностей и норм. Понятия личности, свободы, ценностей обогащают представление о человеке, позволяют правильно понять устройство общества как феномена, порожденного в процессе человеческой жизнедеятельности.

Если говорить о специфике понимания свободы и ответственности человека на рубеже XX – XXI вв., то следует подчеркнуть, что мир вступает в полосу цивилизационного перелома, когда многие традиционные способы бытия человека будут нуждаться в значительной коррекции. Футурологи прогнозируют усиление явлений нестабильности многих физических и биологических процессов, рост феномена непредсказуемости социальных и психологических явлений. В этих условиях быть личностью – императив развития человека и человечества, предполагающий высочайшую степень ответственности, которая простирается от узкого круга ближайшего окружения личности до планетарно-космических задач.

Современное человечество, по убеждению Х. Ортеги-и-Гассета, находится в тяжелом кризисе, более того, стоит перед страшной опасностью саморазрушения. Осмыслению этой трагической ситуации Ортега посвятил самую знаменитую свою работу – эссе «Восстание масс». Эссе, написанное в 1930 г., было необыкновенно популярно,

многие его идеи глубоко проникли в культуру XX века, а поднятые проблемы сохраняют свою актуальность и сегодня.

Исторический кризис, утверждает он, наступает тогда, когда «мир», или система убеждений прошлых поколений, теряет свою значимость для новых поколений, живущих в рамках той же цивилизации, то есть определенным образом организованного общества и культурной жизни. Человек как бы оказывается без мира. Подобное состояние характерно сегодня для всей европейской цивилизации, которая вышла далеко за рамки Европы и стала синонимом современной цивилизации вообще. Причина же такого кризиса – восстание масс. В наше время, утверждает Ортега, в обществе господствует «человек массы». Принадлежность к массе – чисто психологический признак. Человек массы – это средний, заурядный человек. Он не ощущает в себе никакого особого дара или отличия, он – «точь-в-точь», как все остальные (без индивидуальности), и он не огорчен этим, он доволен чувствовать себя таким же, как все. Он снисходителен к себе, не старается себя исправить или совершенствовать – самодоволен; живет без усилий «плывет по течению» Он не способен к творчеству и тяготеет к жизни косной, которая осуждена на вечное повторение, топтание на месте. В мышлении, как правило, довольствуется набором готовых идей – ему этого достаточно.

Этому «простому» человеку в обществе противостоит другой психологический тип личности – «человек элиты», избранного меньшинства. «Избранный», не означает «важный», кто считает себя выше других и презирает их. Это, прежде всего, человек, который к себе самому очень требователен, даже если он лично и не способен удовлетворить этим высоким требованиям. Он строг к себе, его жизнь подчинена самодисциплине и служению высшему (принципу, авторитету), это напряженная, активная жизнь, готовая к новым, высшим достижениям. «Благородному» человеку свойственна неудовлетворенность, неуверенность в своем совершенстве; даже если он ослеплен тщеславием, ему необходимо подтверждение этого в чужом мнении. Степень таланта и самобытности у таких людей различна, но все они способны к творчеству, приняв «правила игры» своей культурной системы, добровольно подчиняясь им.

Рассматривается противоречие между стремлением человека к свободному существованию и стремлением общества как системы установить порядок. Свобода человеческих индивидов отмечается Г. Спенсером в его определении социальной реальности. Экзистенциалисты считают, что человеческое бытие выходит за рамки

материального и социального мира. А. Камю: «Человек – единственное существо, которое не хочет быть тем, чем оно является». Эквивалентность человеческого бытия свободе подтверждается тем, что определить оба этих понятия можно только **апофатически**, то есть путем перечисления того, чем они не являются. Как же возможно побудить человеческих индивидов соблюдать социальный порядок? С другой стороны, в человеке все социально – формируется социумом, даже его биологические черты. Например, поведение грудных детей различается в зависимости от того, в какой социальной среде они живут. Сам же феномен детства проявляется только в развитом социуме. Например, в средние века к детям относились как к маленьким взрослым – их одевали в такую же одежду, как взрослых, не было производства игрушек.

Георг Зиммель: «Само развитие социума увеличивает свободу человека». С ростом масштаба общества, его дифференциации, человек чувствует себя все более свободным от каждой связи с конкретным социальным кругом просто потому, что таких социальных кругов с развитием общества становится все больше и больше. Талкотт Парсонс: «Почему роль семьи, общины, религии уменьшается? Потому что появились альтернативные объединения: политические, культурные, развлекательные круги». С другой стороны, человек чувствует себя все более одиноко. М. Хайдеггер: «Одиночество – отрицательный модус социальности», то есть обособление от общества. При этом с ростом обособления растет тоска по обществу.

Таким образом, если брать философский аспект проблемы, то свобода связана с необходимостью и возможностью. Свободна не воля, которая выбирает исходя лишь из желаний человека, а воля, которая выбирает, опираясь на разум, в соответствии с объективной необходимостью. Мера свободы личности определяется конкретной ситуацией, наличием в ней спектра возможностей, а также уровнем развития личности, уровнем культуры, пониманием своих целей и меры своей ответственности.

Свобода связана с ответственностью личности перед самим собой, другими людьми, коллективом, обществом. Свобода личности составляет единый комплекс с правами других членов общества. Нельзя оторвать политико-юридические права – свободу слова, совести, убеждений и др. от прав социально-экономических – на труд, отдых, образование, медицинскую помощь и т.д. Права человека обычно фиксируются в Конституции государства. Высшей ценностью человека

в правовом государстве провозглашаются его права и свободы, и человек имеет право активно бороться за них, в случае их нарушения.

Таким образом, особенностью духовных ценностей является то, что они обладают неутилитарным и неинструментальным характером: они не служат ни для чего иного, напротив, все иное подчинено, приобретает смысл лишь в контексте с высшими ценностями, в связи с утверждением их. Особенностью высших ценностей выступает также и то, что они составляют стержень культуры определенного народа, фундаментальные отношения и потребности людей: общечеловеческие (мир, жизнь человечества), ценности общения (дружба, любовь, доверие, семья), социальные ценности (свобода, справедливость, право, достоинство, Честь, Слава и т. д.), эстетические ценности (прекрасное, возвышенное). Высшие ценности реализуются в бесконечном множестве ситуаций выбора. Понятие ценностей неразрывно с духовным миром личности. Если разум, знания составляют важнейшие компоненты сознания, без которых целесообразная деятельность человека невозможна, то духовность, формируясь на этой основе, относится к тем ценностям, которые связаны со смыслом жизни человека, так или иначе решающего вопрос о выборе своего жизненного пути, целей и смысла своей деятельности и средств их достижения.

5. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ

Одной из важнейших мировоззренческих проблем философии является проблема познания. Что такое знание? Каковы способы и средства его выработки? Ограничен ли человек в своих возможностях познания или же познавательные возможности человека беспредельны? Даются ли человеку познавательные способности от природы или же они могут быть результатом обучения и воспитания? Эти и многие другие вопросы мировоззренческого характера рассматриваются в рамках такого раздела философии, который называется «теория познания» или «гносеология».

В процессе своей жизнедеятельности человек нуждается в знаниях двоякого рода. Одни из них представляют собой результат познания. Знания этого рода отражаются, например, такими понятиями, как картина мира или объект. Нередко именно такие знания отождествляются с мировоззрением. Между тем отождествление картины мира с мировоззрением неверно по существу и, кроме того, оно может стать причиной мировоззренческого индифферентизма. Человек же, по его родовой сущности, активно мыслящее и действующее

существо. Его главное назначение состоит в духовно-практическом созидании и творчестве.

Другая ипостась человеческого знания выражается понятием «познание». Говоря о познании, мы имеем в виду сам процесс производства знаний. Познание это тоже мировоззренческое понятие. Но познание делает акцент на средствах и способах производства знаний о мире, на вопросах выработки идеалов человеческой жизнедеятельности, на вопросах характера, содержания и форм творческой активности человека.

Издавна было принято разделять знания на обыденное и научное. Однако, по сути дела, такое деление представляется не совсем адекватным. Сегодня наряду с научным выделяется так называемое «нарративное» знание, куда включается не только обыденное в его традиционном бытовом понимании, но и религиозное, художественное, мистическое и т.д.

Принимая во внимание прежде всего рациональный характер обучения студентов в вузе, мы будем в дальнейшем иметь в виду, прежде всего научное знание. В отношении последнего, в философии познания принято употреблять понятие «эпистемология», а не гносеология. Однако надо помнить, что такое ограничение гносеологии до уровня эпистемологии, является условным и оно необходимо нам только для того, чтобы дать философскую характеристику познания в его наиболее развитой, то есть рациональной форме.

5.1. Сильная и слабая гносеологические версии науки

Философия как континуум знания может быть структурирована различным образом. В ней, например, выделяются такие разделы, как, например, онтология, гносеология, аксиология и праксиология. Идеалом онтологии является теория. Ключевым понятием гносеологии, эпистемологии, является понятие «метод».

Аксиология может быть интерпретирована как учение о ценностях, которое сосредотачивает внимание философии на идеалах, нормах и принципах сознания. Наконец, праксиология по самому своему определению нацеливает философию на вопросы характера, содержания и форм познавательной и преобразовательной практики человека.

Какой бы из перечисленных разделов философии мы не брали во внимание, необходимо иметь в виду, что вычленение каждого из них в отдельности из общего континуума, это условность. Обособление этих разделов философии может быть лишь относительным, но не абсолютным. Когда философствующий субъект в своих рассуждениях, например, по вопросам онтологического характера отвлекается от сущностных характеристик знания, составляющих сферу гносеологии,

аксиологии и прaksiологии, то это оправдано лишь в известных пределах. В любом случае, философ должен иметь в виду весь континуум философских знаний. Если же рассуждения носят, например, абсолютно онтологический или какой-то другой характер, то это всегда и неизменно приводит к ложным выводам.

Значит философствующий субъект, задаваясь, казалось бы вопросами узкоонтологического или гносеологического, или любого другого характера должен брать во внимание весь континуум философских знаний. Выделяемая же им и обособляемая от других философских сфер проблематика служит лишь призмой преломления всего континуального философского знания, сущности данного конкретного предмета познания. Исходя из этого обстоятельства, в философии не должно быть деления на такие сферы, которые бы отгораживались друг от друга непроходимой стеной.

Иногда в исследовательской и в учебно-методической литературе по философии берутся во внимание не все контексты интерпретации континуума философских знаний, а только два из них – онтология и гносеология. В таком подходе есть серьезный резон. Дело в том, что соотношение онтологического и гносеологического составляет проблемное ядро философии. Это и есть тот самый фокус, в котором концентрируются вопросы диалектики – знания как результата познания и знания как средства познания. Когда мы говорим о соотношении онтологического и гносеологического, с точки зрения того, что здесь сокрыто проблемное ядро философии, что в этом и состоит фокус диалектики знания, как результата и знания как средства познания, то мы имеем в виду механизм генерации знания, а это и есть краеугольный камень философии познания.

Если мы внимательно задумаемся в то, как онтология, гносеология, аксиология и **праксиология** связаны в философии между собой, то мы убедимся в том, что аксиология и **праксиология**, по сути, представляют собой специфические формы выражения в диалектике онтологического и гносеологического. Сам по себе акцент на онтологии и гносеологии при соблюдении известных правил не ведет к абсолютизации каких либо контекстов интерпретации континуумов философских знаний. Вместе с тем, в этой процедуре, конечно же, существует потенциальная возможность бессистемного философского мышления.

Помня обо всем вышесказанном, обратимся теперь к вопросам диалектики онтологического и гносеологического в познании. Важно изначально еще раз подчеркнуть, что нет и не может быть чисто онтологического или чисто гносеологического знания. Главная задача онтологии сводится к выработке теоретических знаний о мире и формировании на этой основе научной картины мира. Однако

онтология при этом не может обойтись без гносеологии, точнее эпистемологии. Эпистемология необходима для онтологии в качестве средства обоснования научной картины мира или научной картины объекта и при аргументации истинности и ее теоретического содержания. С другой стороны, любая научная теория, как и научная картина мира в целом, не являются самоцелью. Ведь знания вырабатываются как средства духовно-практического освоения мира, а это значит, что знание в форме теории и знание в форме метода, органически или диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены.

К сожалению, абсолютизация онтологического, как и гносеологического, не только потенциально возможна, но и представляет собой реальную действительность. Абсолютизация первого, то есть онтологического в ущерб гносеологическому ведет к так называемому онтологизму. Если иметь в виду образовательное следствие философского и научного онтологизма, то это ведет к догматизму и начетничеству. Онтологизм отнюдь не способствует формированию у человека способности и потребности к созиданию и творчеству.

Абсолютизация гносеологического ведет к так называемому гносеологизму. Следствием гносеологизма являются такие мировоззренческие установки и ориентации, которые тоже не позволяют человеку в полной мере реализовать свои способности и потребности. А в современной российской философии существует такая точка зрения, в соответствии с которой в качестве классической формы гносеологизма объявляется марксизм. Эта оценка в значительной мере берет свое начало от Н.А. Бердяева. Время показывает, что отождествление гносеологизма и марксизма далеко не совсем верно. Как образец догматизма, основывающийся на псевдо и квазимарксизме, советский тоталитаризм был скорее проявлением крайнего онтологизма чем гносеологизма.

Однако при всей нежелательности абсолютизации онтологического и гносеологического, в различных отраслях знания проблемы диалектики того и другого начала решается по-разному. В одних случаях, когда на передний план выдвигаются задачи доминанты теоретического над методологическим, существенное значение приобретают знания, которые принято называть онтологическими. Знания методологического порядка при этом рассматриваются как второстепенные. Им отводится вспомогательная, иллюстративная роль. Так, в частности, обстоит дело сегодня в ряде наук близких к политике. К сожалению, эти веяния широко проникают и в сферу образования. Здесь онтологизм утверждается даже более основательно, чем в науке. Причина этого заключается в том, что образование особенно на его

начальных этапах, в значительной мере связано с репродуцированием знаний. Продуктивно творческие способности и потребности человека в сфере образования становятся главным критерием профессионализма лишь на высших уровнях профессиональной подготовки кадров.

Рассуждая относительно акцента на гносеологической стороне познавательной деятельности, необходимо принять к сведению то, что подлинная наука немыслима без адекватной методологии познания. Естественно, что подготовка научных кадров должна фокусироваться на вопросах формирования знаний, учений и навыков методологического порядка. Профессионал призван решать задачи творческого характера, задачи, связанные с производством новых знаний и новых образцов практики, должен формироваться прежде всего и главным образом, как специалист в совершенстве владеющий методологическим арсеналом современной науки.

Что же касается системы высшего профессионального образования в целом, то вопросы соотношения онтологического и гносеологического содержания, обучения и воспитания, должны решаться здесь в зависимости от того, какого рода специалист сформируется в рамках данной системы и на данной ступени образования. Как известно, сегодня утверждается четырехступенчатая структура – бакалавриат, магистратура, аспирантура и докторантура. По мере того, как человек продвигается по этим образовательным ступеням, характер соотношения онтологического и гносеологического в обучении должен изменяться. На первом этапе, то есть на этапе подготовки бакалавров, акцент на онтологию допустим и даже необходим. С переходом к магистратуре, к аспирантуре и так далее все большую роль начинают играть знания, умения и навыки методологического характера. Вследствие этого, профессиональная культура современного высококвалифицированного специалиста не мыслима без такого показателя как методология.

С точки зрения соотношения онтологического и гносеологического принципиально важным становится то, что различные науки и сконструированные на их основе учебные дисциплины, по-разному выражают в своих текстах суть этого соотношения. Одни науки и учебные дисциплины представляют собой такие структуры знания, в которых сильнее выражена онтологическая версия, а другие сильно выраженную гносеологическую версию. Для простоты понимания скажем даже более определенно, одни науки и учебные дисциплины представляют собой такие системы знания, где доминирует теоретическое содержание, а другие характеризуются преобладанием методологического среза научной и учебной рефлексии.

Чем же объясняется, что одни научные и учебные дисциплины представляют собой сильную гносеологическую версию, а другие слабую. Тот же вопрос можно сформулировать и в отношении сильной и слабой онтологической версии. Однозначного ответа на эти вопросы дать нельзя. В одних случаях сильная или слабая гносеологическая версия зависит от того, что данная наука или учебная дисциплина традиционно развивается с акцентом на открытое освещение вопросов методологии. Таковы, например, математика, физика, химия и т.д. Другие науки и учебные дисциплины представляют собой слабую гносеологическую версию. Это возможно потому, что вопросам методологии уделяется по каким-то причинам меньшее внимание. Впрочем, последнее может объясняться и тем, что методология иногда носит и закрытый характер. Так бывает в отраслях науки и образовательных структур, связанных с военной промышленностью, с армией, с органами Госбезопасности, МВД и т.д.

Ограничения методологического характера могут объясняться и другими причинами. Например, социально-гуманитарные науки, такие как политэкономия и научный коммунизм, в условиях тоталитарного общества, неизбежно испытывают на себе деформирующие воздействия со стороны власти, со стороны господствующей идеологии и политики. Вследствие этого методологическая проблематика может быть слабо разработанной и догматически искажено представленной в открытой печати.

Сегодня вопросы философии познания относительно сильной и слабой гносеологической версии приобретают исключительную актуальность, как в исследовательском, так и в их образовательном плане. В каждой научной и учебной дисциплине эти вопросы решаются в зависимости от характера их онтологической и гносеологической интерпретации, в политических, дидактических и других целях. Очень часто решение этих вопросов, особенно в сфере образования зависит от элементарного настроения преподавателя и студентов на приобщение к творчеству, на формирование знаний, умений и навыков не только теоретического, но и методологического характера.

5.2. Формы познания

Когда заходит речь о формах познания, то традиционно принято выделять эмоционально-чувственные и рационально-логические формы. К первым относятся ощущения, восприятия и представления. Ко вторым понятия, суждения и умозаключения. Чувственные и рациональные познания иногда рассматриваются как два последовательных этапа развития познавательного процесса. Впрочем, широкое распространение в прошлом и теперь имеет взгляд, в

соответствии с которым чувственное и рациональное органично слиты на различных этапах познания. Доминанта того или другого может быть лишь относительной, а не абсолютной.

Между тем известно: не только разделение, но и обособление этих начал познания оставило свой след в истории философии. В результате мы с полным правом к сторонникам чувственного, то есть опытного познания можем отнести Ф. Бэкона, Дж. Локка, О. Конта, Э. Маха, и других. Это так называемые эмпирики. Но существовали и существуют сегодня сторонники рационально-логического подхода (Р. Декарт, И. Кант, Ф. Гегель, и другие).

Современная философия познания считает ту и другую крайности эвристически не состоятельными. Сегодня утверждается принцип органичной целостности эмоционального и рационального в рамках единого эйдетического по своей сущности познавательного процесса. В то же время та и другая компонента познания рассматривалась в относительной обособленности, это тем более возможно и даже необходимо в образовании в дидактических целях.

Исторически и логически первой ступенью познания является чувственное познание. Оно представляет собой неотъемлемую сторону материально-предметной практики человека и характеризует непосредственный контакт мира сознания с внешним миром бытия человека. Самой простой и элементарной формой чувственного познания является ощущение. Оно возникает в мозгу человека в результате воздействия на органы чувств каких-либо внешних объектов. Воздействие той или иной вещи на органы чувств человека преобразуется в новое и несвойственное самому предмету, с которым взаимодействует человек, качество, возникает субъективный образ объективной сущности предмета. Именно этот образ и есть ощущение.

Значит, ощущение является субъективным, идеальным образом предмета, поскольку отражает, преломляет воздействие предмета через призму человеческого сознания. Благодаря ощущению человек получает первичную информацию о внешнем мире.

Будучи образным, ощущение, тем не менее, это отражение отдельных сторон познаваемого явления. По своей структуре ощущения соответствуют структуре человеческих органов чувств. Принято выделять визуальные, слуховые, вкусовые, тактильные и другие образы познаваемой реальности.

В силу активной деятельности человеческого сознания образы ощущения, поступающие в человеческий мозг, превращаются в образы восприятия. В отличие от ощущения, восприятие – это целостный образ предмета, который вырабатывается в процессе наблюдения. Восприятие

зарождается и существует в сознании как форма активного синтеза разнообразных проявлений предметов и процессов.

Целостные чувственные образы восприятия в результате интенсивного взаимодействия человека с окружающей средой накапливаются в его сознании. Сохранение этих образов осуществляется через память. Благодаря памяти мы можем удерживать и воспроизводить в своем сознании целостный образ предмета даже тогда, когда он нам непосредственно не дается в ощущениях. В этом случае мы имеем дело с более сложной формой чувственного познания, которая называется представлением.

Представление это опосредованный целостный чувственный образ действительности, сохраняемый и воспроизводимый в человеческом сознании посредством памяти. По сравнению с восприятием и тем более с ощущением представление устойчиво и типично по своей образности. Строго говоря, представление уже не всецело чувственная форма познания. В каком-то отношении оно уже есть выход за рамки чувственного в область рационального.

Ощущения, восприятия и представления в абстракции можно рассматривать как последовательные этапы формирования образов чувственного отражения действительности. Но в реальном познании они взаимосвязаны, воздействуя друг на друга и испытывая влияние со стороны рациональных форм познания, они в своей совокупности и составляют содержание эмоционально чувственной сферы человеческого познания.

Рациональное познание или логическое мышление – это более высокий уровень отвлечения знания от его референта. В определенном смысле рациональное знание надстраивается над эмоционально-чувственным. Вместе с тем мышление невозможно в отрыве от эмоционально-чувственного. Прямая и обратная взаимосвязь эмоционального и рационального должна быть учтена во всех интерпретациях сущности процесса познания.

Мышление – это активный процесс познавательной деятельности сознания. Оно имеет место на том уровне структуры человеческого сознания, где нет непосредственных контактов с предметно-чувственной реальностью. Мышление опирается на результаты чувственного познания и дает обобщенное знание как в виде адекватного отражения в форме эмпирического знания, так и в виде теоретического знания, которое включается в качестве составного элемента в систему знаний онтологического, гносеологического, аксиологического и **праксиологического** характера.

Мышление осуществляется в трех основных формах. В форме понятий, суждений и умозаключений. Понятие это форма мысли, в

которой отражаются общие существенные свойства связи и отношения действительности. Понятие сходно с представлением. Их сближает то, что содержание того и другого носит обобщенный и опосредованный характер. Но между ними имеются и существенные различия. Представление дает обобщенный образ действительности, где доминирует описательность. Понятие же по своему содержанию лишено чувственной образности. В понятии обобщение доводится до уровня выделения в предметах или процессах существенных свойств, связей или отношений. Можно сказать, что по сравнению с представлением понятие характеризуется, прежде всего, и главным образом, абстрактным отражением реальности.

Понятия возникают и существуют в сознании человека в определенной взаимосвязи между собой, т.е. в виде суждений. Мыслить о каком-нибудь предмете на уровне понятий – это, значит, судить о нем, имея в виду его отдельные связи и отношения. Суждения же – это такая форма мысли, в которой посредством связи понятий постигается целостность предмета познания. В суждении либо утверждается, либо отрицается что-либо относительно сущности познаваемого предмета.

То или иное суждение может иметь место в результате того, что человек либо непосредственно наблюдает какие-то факты, или опосредованно постигает их сущность с помощью умозаключения. Умозаключение – это форма мысли, которая строится как рассуждение, в результате которого или из одного или из нескольких суждений, называемых посылками, делаются новые суждения. Эти новые суждения называются заключениями или следствиями.

Отметим еще раз, что в реальном процессе познания эмоционально-чувственное и рационально-логическое существуют во взаимосвязи и взаимообусловленности. Но в различных сферах духовной деятельности человека соотношение того и другого неодинаково. Например, в искусстве и особенно в религии доминанта эмоционально-чувственного гораздо сильнее выражена, чем в науке. Да и в самой науке сегодня акцент на рационально-логическом не столь запелляционен, как это было еще в недавнем прошлом. Сегодня рационально-логическое интерпретируется под углом зрения его прямой или опосредованной связи с эмоционально-чувственным. Исходя из этого, сегодня актуальным является вопрос, связанный с интерпретацией сущности мышления, как соотношение рационального, нерационального и иррационального.

Что касается науки и образования, то это такие сферы жизнедеятельности человека, где рационально-логическое начало было, есть и будет определяющим. Но с точки зрения сегодняшних представлений, рациональное и нерациональное не отделены друг от

друга непроходимой стеной. Обобщая познавательный опыт человечества, мы убеждаемся в том, что нерациональное в какой-то своей части может быть познано и тем самым трансформировано в разряд рационального. Вместе с тем, в какой-то своей части, нерациональное непостижимо. Именно в отношении такого непостижимого используется термин иррациональное.

Самым показательным примером иррационального являются религиозные и мистические формы познания. В этих сферах основу мировоззрения составляет, как известно, не знания, а верования.

Современная философия познания спокойно реагирует на события, связанные с наличием в современной духовной культуре рациональных, нерациональных и иррациональных значений и смыслов.

Проблема рационального, нерационального и иррационального имеет еще один эвристический аспект, который в наши дни приобретает особую актуальность. Речь идет об интерпретации сущности творчества как феномена познавательно-практической деятельности человека. Является ли творчество чем-то данным человеку от Бога, или же это качество может быть приобретено в процессе обучения и воспитания. То или иное решение этой проблемы служит основанием разработки стратегии развития, как науки, так и образования.

По-видимому, наиболее авторитетной точкой зрения сегодня, как и в прошлом, является та, что творчество интерпретируется как абсолютное явление. Считается, что способности к творчеству либо даны человеку от Бога, либо нет. Считается также, что научить творчеству нельзя, как нельзя и научиться творчеству. Признавая в этой точке зрения определенное рациональное зерно, попытаемся все же порассуждать по поводу того, что есть такие отношения, в которых это абсолютное утверждение не выдерживает критики.

Тот или иной ответ на данный вопрос может иметь принципиальное значение и принципиальный смысл, прежде всего, для такой сферы человеческой деятельности, как педагогика. К сожалению, сегодня остается почти неизменной позиция, которая была высказана нашим томским философом и педагогом С.И. Гессеном еще в 1923 году. Эта позиция содержится в широко известной сегодня книге С.И. Гессена «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», изданной за рубежом в 1923 году, она была переиздана в современной России в 1995 году. Сравнивая выводы, сделанные С.И. Гессеном в этой монографии с современными настроениями в среде философов образования и педагогов, мы можем сказать, что почти ничего не изменилось в наших установках и ориентациях по поводу проблемы творчества.

Точка зрения С.И. Гессена проста. Она состоит в том, что творчество это дар божий, либо способности к творчеству есть у человека, либо их нет. Развивать и совершенствовать способности к творчеству, когда они есть от природы, можно и нужно. Но сформировать творческие задатки, если их от природы нет, невозможно. Отсюда учить творчеству нет смысла. Научиться творчеству невозможно. Поясняя свою позицию, С.И. Гессен опирается на метафору относительно того, что если и творчество передается от учителя к ученику, то это происходит примерно также, как передается зараза от больного человека к здоровому. Отсюда творчество как предмет обучения и воспитания он объявляет лишенным всякого значения и смысла. Можно сказать, что примерно в таком же виде эта точка зрения бытует и в наши дни.

Впрочем, существует и такая точка зрения, в соответствии с которой людей неспособных к творчеству нет. Важно творческие задатки человека вовремя выявить и создать условия для их развития и совершенствования. Отсюда берет свое начало известный тезис – «нет неспособных учеников, а есть неспособные учителя».

Вряд ли можно оспорить факт того, что Моцартами, Эйнштейнами, Пушкиными люди рождаются, но вряд ли можно спорить также и с тем, что гении, таланты и вообще способные люди в какой-либо сфере познания и практической деятельности нуждаются в развитии и совершенствовании своих задатков. Задатки людей от природы – это одно, а развитие их и совершенствование в процессе обучения и воспитания – это другое.

Обучение творчеству это не выдумка. Например, издавна существуют и успешно функционируют такие образовательные учреждения как художественная академия, консерватория, театральный институт и так далее. Существуют также специальные учебные заведения для особо одаренных детей в математике, биологии, физике, музыке, живописи и так далее. Все это говорит о том, что ученичество вещь необходимая, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев становления и развития гениев и талантов. Стало быть, это не пустой звук, что творчеству можно и нужно учить.

Вопрос не в том, что творчеству однозначно можно или однозначно нельзя научиться и научить, а в том, что если это можно, то как это целесообразно сделать. В каждой сфере познавательной деятельности люди сведущие могут дать свой ответ на этот вопрос. Что касается науки, то здесь ответ относительно того, как можно научить и научиться творчеству сводится к следующему положению: основу творческого познания в науке составляет методологическая культура. В науке человек способен решать творческие задачи только тогда, когда

он на профессиональном уровне владеет необходимым арсеналом научного познания. Невозможно представить себе такого гения или таланта в науке, который бы творил новые знания, не будучи профессионалом высокой квалификации в вопросах методологии научного познания. Невозможно представить себе и то, чтобы методология как составная компонента профессиональной культуры специалиста возникала бы сама собой и не была бы предметом обучения и воспитания. Если это так, то методу познания можно и нужно учить, методу познания можно и нужно учиться.

5.3. Субъект и объект познания

Познание – это специфический вид деятельности человека. Как всякая деятельность, познание имеет своего субъекта и своего объекта. Субъект – это носитель познавательного действия. Объект – это то, на что направлено познание. Обе эти категории могут быть осмыслены и усвоены только при условии их системной интерпретации.

Говоря о субъекте, целесообразно вычленять в нем, например, социальную и когнитивную компоненту. Социальный субъект – это предполагаемый потребитель того знания, производство которого достигается в рамках познавательной деятельности. В качестве социального субъекта познания могут выступать экономические, политические, идеологические и иные структуры общества. Это могут быть и отдельные фирмы и предприятия, политические партии и движения, профессиональные группы, и индивиды.

В качестве когнитивного субъекта могут выступать непосредственные исполнители познавательного действия. Это могут быть научно-исследовательские институты, лаборатории, фирмы, группы и отдельные исследователи. Когнитивный субъект, как и социальный субъект, это системное образование. И сущность этой системы важно выявлять и принимать во внимание.

Отношения между социальными и когнитивными субъектами могут существенным образом влиять на познавательный процесс. Например, заказчик далеко не всегда нуждается в подлинно истинном знании. В сфере социально-гуманитарного знания и, в частности, в политике заказчик нередко нуждается в обосновании своей особой классовой или партийной позиции, при этом он хотел бы представить свой частный интерес как интерес общественный. Между тем мы знаем, что между общественным и частным интересом далеко не всегда существует такая связь.

Своими особенностями характеризуется и когнитивный субъект. Его познавательные позиции определяются мировоззренческими установками и ориентациями, доступной ему техникой и технологией

исследования, его социально-экономическим положением в обществе и так далее. Одно дело, когда выполнить программу исследования берется человек на основе простейших вспомогательных средств, таких как весы, термометр, арифмометр и т.д. И другое дело, когда он владеет всем набором современных компьютерных средств познания. В одних случаях когнитивный субъект располагает всей необходимой информацией для того, чтобы успешно и адекватно решить проблему. В других он ограничен со стороны возможности сбора эмпирического материала.

Между социальным субъектом и субъектом когнитивным могут возникать противоречия, в том числе и конфликтные. Для когнитивного субъекта нередко решение поставленных перед ним познавательных задач связано с вопросами этики и даже права. Например, психолог, социолог, юрист, экономист и т.д., взявшись за разработку имиджа кандидата в депутаты, встает перед дилеммой – либо преступить нормы морали и закона, либо потерять заработок. Кто-то остается в результате со своими незыблемыми, нравственными и политическими принципами, но без гроша, а кто-то наоборот.

Суммируя сказанное, можно заключить, что подъсубъектной стороной познавательного процесса являются такие его характеристики как вопрошание, желания, необходимые и доступные технические и технологические средства познания, идеалы, нормы, принципы, оценки и т.д. С учетом всех этих обстоятельств в каждом конкретном случае субъект познания как система характеристик имеет свою специфику, которая и должна быть осмыслена и сформулирована в качестве одного из параметров познавательного процесса.

Объект познания может быть понят адекватным образом, а также только в контексте системного представления о нем. Под объектом понимается та часть реальности, природной, социальной или культурной, с которой субъект познания вступает во взаимодействие. Принято различать в структуре этого понятия объект реальный и объект идеальный (или идеализированный). Дело в том, что субъект познания, как правило, с реальным объектом в непосредственное взаимодействие не вступает. Субъект познания обычно взаимодействует не с реальным объектом, а с его «заместителем», т.е. с аналогом реального объекта, с его моделью. Сущность идеального или идеализированного объекта имеет свои параметры, характеристики, которые необходимо принимать во внимание.

Идеальный или идеализированный объект как заместитель реального объекта, может быть вполне материален, как это, например, в планетарии, где солнечная система представлена в виде вещественных заместителей солнца, луны, земли, и т.д. Идеальный объект может быть

представлен в знаково-символической форме. Как это, например, имеет место в случае использования математической модели. Как бы там ни было, но идеальный объект это ничто иное, как абстракция от реального объекта, отвлечение от него, или извлечение из объекта только тех свойств, связей и отношений, которые надлежит познать. Задача создания идеального объекта состоит в том, чтобы принять во внимание все существенное в объекте с точки зрения решаемой задачи познания и отвлечься от всего не существенного, второстепенного.

Процедура редукции реального объекта к объекту идеальному – это наука и искусство. Отвлечение от реального объекта необходимо для того, чтобы можно было сконцентрировать внимание на существенных свойствах, связях и отношениях. Однако при создании идеального объекта возможно две крайности, которые могут помешать выработке адекватного знания об объекте. В одном случае редукция реального объекта к идеальному может носить излишний, абстрактный характер. Элиминация предположительно второстепенных существенных свойств, связей и отношений реального объекта может распространяться при этом и на существенные характеристики. В результате искусственный объект может не соответствовать природе реального объекта. В таком случае адекватное познание объекта невозможно.

Другая крайность при выработке моделей реального объекта состоит в том, что субъект познания иногда стремится к тому, чтобы как можно полнее отразить в идеальном объекте свойства, связи и отношения реального объекта. Казалось бы, вполне разумное стремление оборачивается в результате своей негативной стороной. Модель получается слишком сложной по содержанию ее структуры, громоздкой и неудобной. С помощью такой модели утрачиваются различия между существенным и несущественным, главным и второстепенным, и т.д. Одним словом, такое стремление максимально приблизить идеальную модель к реальному объекту ставит вопрос вообще о целесообразности самой процедуры редукции, вопрос о целесообразности искусственной модели реального объекта, т.к. познавательная модель как таковая теряет всякий смысл.

Обе эти крайности, к сожалению, не редко встречаются как в науке, так и особенно в образовании. Та из них, где доминирует абстрактное над конкретным, выливается в так называемый субъективизм, а другая, где доминирует конкретное над абстрактным, носит название объективизм.

Синтез субъектных и объектных характеристик познавательного процесса при формулировании предмета познания как логическая конструкция, предмет познания включает в себя определенное

объективное содержание. Речь идет об идеальном отражении тех свойств, связей и отношений объекта, которые подлежат осмыслению и интерпретации. По своей форме предмет познания субъективен. Со стороны субъекта он определяется тем, что разворачивается в контексте определенного вопроса, определенных технических и технологических средств познания и тех целей, которыми руководствуется в своем познании субъект.

5.4. Предмет и метод познания

Процесс познания разворачивается как диалектическое взаимодействие субъекта и объекта по поводу того или иного познавательного вопроса и поиска ответа на него. Два встречных плана определяют движение мысли в этом процессе. План референции значений и смыслов характеризует динамику движения от конкретно-эмпирического к абстрактно-логическому. План репрезентации имеет обратную направленность от абстрактно-логического к конкретно-эмпирическому. Оба эти плана взаимодействуют между собой, вследствие чего и осуществляется трансформация вопросов в ответ.

В процессе познания предмет проходит ряд ступеней в своей содержательной и структурной трансформации. Иногда в философии познания в качестве таковых ступеней выделяются проблема, гипотеза и теория. Но существует и более развернутая интерпретация логики познавательного процесса, которая включает в себя следующие ступени – парадокс, проблемная ситуация, проблема, задача, гипотеза, теория, концепция, и доктрина. Не отрицая правомерности существования трехступенчатой схемы, мы полагаем, что в соображениях дидактики целесообразно рассмотреть более развернутую логику с тем, чтобы познавательный процесс выглядел более детально и последовательно.

Парадокс есть такая форма постановки вопроса, которая возникает при условиях, когда выявляются противоречия между старой теорией, претендующей на объяснения данного класса фактов и новыми фактами, относящимися к данному классу, но не получающими объяснения с точки зрения старой теории. Такого рода познавательная ситуация является вполне нормальной и представляет собой что-то вроде естественного спутника любой теории. До поры до времени это противоречие терпимо и не оказывает серьезного влияния на господствующее мировоззрение.

Проблемная ситуация – это такая стадия развития парадоксов, когда объективно существующие противоречия между старой теорией и новыми фактами становятся далее нетерпимыми. Оно осознается субъективно как препятствие на пути развития познания, что и

порождает как необходимость, так и возможность преодоления такой затруднительной ситуации.

Проблема возникает на основе рефлексии проблемной ситуации и представляет собой некоторые знания о незнании. Незнание в данном случае понимается не как ничто, а как нечто, характеризующееся определенными значениями и смыслами. Постановка проблемы в познании столь важна, что правильно поставить проблему означает наполовину решить ее.

Задача – это форма конкретизации познавательной проблемы. Задача не просто фиксирует незнание как факт, но она формулирует вопрос, ответ на который способен снять проблему как таковую. И указывает предпосылочные основы знания и незнания, необходимые для решения задачи.

Гипотеза, как и проблема, и задача соединяет в себе две компоненты – знание и незнание. Знание в гипотезе представлено как достоверное или истинное знание о предмете познания. А незнание здесь фигурирует в форме предположения, то есть в форме гипотетического знания. Эта характеристика данной познавательной конструкции и стала основой для ее названия. Теория – это достоверное или истинное знание, адекватно отражающее сущность предмета познания и выражающее его в понятийно-логической форме. Теория есть ответ на вопрос познания. Достижение этой ступени в развитии познавательного процесса – это завершение его по существу.

Концепция создается на основе теории, как в познавательных, так и в практически-преобразовательных целях. В отличие от теории, которая включает в себя только результат процесса познания, концепция, кроме того, предполагает ретроспективное обоснование выводов теории и перспективную прогностику в область познания или практики.

Знание нередко выступает в форме доктрины. В обыденных представлениях доктрина нередко связывается только с отрицательными формами проявления этого рода знания. Доктрина в таком случае отождествляется с догматизмом и начетничеством. Между тем доктрина как родовое явление, может выражаться и в позитивной видовой форме. Что касается позитивных значений и смыслов понятия доктрины, то можно привести пример военной доктрины. Концептуально теоретические решения в вопросах армии и обороны имеют столь важное жизненное значение, что на сей счет принимаются специальные законы, которые утверждают военную программу как обязательную к исполнению. После принятия военной доктрины всякие дискуссии по поводу ее целесообразности прекращаются, и вступает в силу ее неукоснительное выполнение.

Иногда доктринальная обстановка утверждается по видимости в благородных целях, а между тем таким образом создается атмосфера нетерпимости и так называемого психологического дискомфорта. Так нередко бывает в науке, в образовании, в здравоохранении и в других сферах человеческой жизнедеятельности.

Дихотомическую пару к понятию предмет в философии познания составляет понятие метод. Под методом понимается знание, организованное и функционирующее в качестве средства познания. Исходя из этого определения, мышление раскрывается как процесс, обусловленный соответствующими техническими и технологическими средствами познания.

Наиболее широко распространенная классификация включает в себя методы философские, общенаучные и конкретно-научные. Между тем в реальной методологической практике все эти виды методов, можно сказать, взаимно прорастают друг в друга. Анализ наиболее значительных проблем научного познания показывает, что все эти методы используются в комплексе и в своей комбинаторике. Они характеризуются бесконечным многообразием.

Поскольку мы сделали предметом своего рассмотрения научное познание, то попытаемся продемонстрировать эту комбинаторику на методах общенаучного характера. Это не следует истолковывать в том смысле, что все другие параметры методологического знания признаются в данном случае несущественными. Да, есть методы, характерные для наук о природе, для наук об обществе, для эмпирического и теоретического познания, методы исследования и методы изложения и т.д. Все они характеризуются известным своеобразием и существенно отличаются друг от друга. Но есть такие методы в арсенале науки, которые являются универсальными и наиболее широко распространенными. Опираясь на эти методы, можно проиллюстрировать то, как решаются в науке наиболее типичные познавательные задачи. Мы в этих целях ниже рассмотрим следующие методы – диалектический, исторический, системный, герменевтический и метод компьютерного моделирования.

Для всех отраслей знания был и остается актуальным диалектический метод познания. Диалектика, как известно, исходит из того, что все явления и процессы материального и духовного мира находятся в изменении, в движении, в развитии. Источником этого движения является взаимодействие противоположностей, заключенных в самом явлении или процессе. Единство противоположностей считается основным законом диалектики или ее ядром.

До недавнего времени в отечественной философии основным законом диалектики формулировался как закон единства и борьбы

противоположностей. Сегодня редакция этого закона диалектики нуждается в уточнении. Дело в том, что противоположности могут взаимодействовать как в форме борьбы, так и в форме солидарности, согласия, компромиссов, сотрудничества и т.д. Новая редакция основного закона диалектики особенно важна сегодня в свете понимания, форм взаимоотношения между людьми, в условиях общественного плюрализма и проблем толерантности.

Разумеется, новая интерпретация основного закона диалектики, возможна только тогда, когда отношения между людьми в обществе станут предметом гуманистического контроля. Это не может произойти автоматически, тем более тогда, когда единство противоположностей существует в условиях стихийного взаимодействия, то это единство неизбежно приобретает форму борьбы.

Широко распространенным и универсальным по своему назначению является исторический метод. Есть два варианта его истолкования. Один связывается с именем В.И. Ленина и сводится к следующим трем правилам: явление надо рассматривать с точки зрения того, как оно возникло, какие этапы в своем развитии оно проходило, и что с точки зрения этого своего развития оно представляет из себя на момент рассмотрения. Как мы видим, логика мысли здесь направлена от прошлого к настоящему, а критики ленинской методологии усматривают недостаток этой схемы в том, что она может быть развернута в будущее и стать причиной субъективизма и произвола.

Другая интерпретация логики исторического подхода связывается с именем Макса Вебера. Классическим трудом этого автора, где был реализован исторический метод, является «Протестантская этика и дух капитализма». Макс Вебер сводит исторический метод к четырем правилам. Во-первых, необходимо исходить в познании сущности явления из констатации его проблемного состояния на момент познания. Во-вторых, констатируя сущность проблемности на момент познания необходимо двигаться ретроспективно к генезису или истокам этой проблемности. В-третьих, установив истоки, генезис проблемности, следует двигаться в мышлении, прослеживая логику развития явления от начала проблемности до ее современного состояния. В-четвертых, устанавливая, таким образом, некоторую устойчивую динамику в изменениях проблемности, можно высказать некоторые предположения относительно перспективы, т.е. спрогнозировать, исходя из прошлого и настоящего, будущее.

Противопоставлять друг другу эти две схемы нет никаких оснований. Дело в том, что вторая включает в себя элементы первой, позволяя при этом предупредить возможные ее субъективистские интерпретации. Собственно, произвольному истолкованию может быть

подвергнута любая самая разумная схема, в том числе и веберовская. Каждый, кто берется использовать в познании тот или иной метод, берет на себя ответственность в отношении чести и совести у тех, кто предложил этот метод науке.

Не менее распространен в современной науке и системный метод. Система характеризуется тремя основными параметрами. Содержание, структура и функция. Под содержанием понимается совокупность элементов, составляющих систему. Структура – это способ взаимодействия элементов в системе. Функция – это та роль, которую играет система в ее взаимоотношениях с внешним миром. Между внешними параметрами системы, то есть функцией, и ее внутренними характеристиками существует определенная закономерная взаимосвязь. Содержание и структура – это основание формирования и реализации системной функции. Однако определяющей характеристикой системы является ее функция. В зависимости от функциональной роли, система формируется по ее содержанию и структуре.

Для понимания сути системного метода, важно иметь в виду, что система в своем становлении и развитии проходит ряд этапов. Сначала она возникает как некоторое множество предсистемного или просистемного порядка. На этом начальном этапе она синкретична по содержанию и по структуре. На этой начальной стадии ее внешняя функция скорее потенциальна, чем реальна.

На следующем этапе решается вопрос относительно необходимых и достаточных элементов системы. По мере того как определяется содержание системы, складывается и механизм взаимодействия ее элементов. Функция системы, которая постепенно трансформируется из потенциального в реальный фактор познания, служит критерием необходимого и достаточного в содержании системы и оптимальных характеристик в способах взаимодействия элементов системы между собой.

На заключительном этапе система характеризуется как целостное явление. Больше не существует вопросов в отношении того, что содержание системы менее чем достаточно или более чем достаточно. Совокупность необходимых и достаточных элементов получает определенную оптимальную взаимосвязь, что делает внешнюю функцию системы наиболее результативной.

Сегодня, особенно в социально-гуманитарных науках широкое распространение получил, так называемый, герменевтический метод. Герменевтика – это учение об интерпретации или истолковании текстов. Герменевтический метод предполагает некоторые правила, следуя которым интерпретатор может достичь адекватного истолкования текста. Эти правила состоят в частности в том, что интерпретируемый

текст следует рассматривать в свете тех исторических условий и тех целей и задач, в которых он был создан и для достижения которых и решения которых он был предназначен. Позицию интерпретируемого автора можно охарактеризовать адекватно только на основе его творчества в целом. Нельзя исторический текст безапелляционно домысливать в свете проблем современности, как и нельзя безапелляционно проецировать на современность познавательные сюжеты истории.

В наши дни широко в научно-познавательный обиход входят компьютерные методы познания. В этой связи формируется относительно новая отрасль знания, которая называется «когнитология». Основу компьютерного метода составляют такие понятия, как «фрейм», «когнитивная схема», «когнитивная матрица», «когнитивная карта», и другие. Эвристическую базу компьютерных методов составляют познавательные алгоритмы, благодаря этому компьютерный подход позволяет формализовать различные процедуры познавательной деятельности, переложить на компьютер трудоемкие мыслительные операции нетворческого характера, оставив за человеком творческое начало.

Рассуждая о методах познания, мы должны помнить, что каждая конкретная познавательная проблема требует своего специфического метода решения. То, что способен дать, например, системный метод, нельзя ожидать от исторического и наоборот. В каждой науке накоплен значительный познавательный арсенал. Однако он, как правило, не систематизирован. Его необходимо выявлять из научных текстов и адаптировать применительно к задачам обучения и воспитания высококвалифицированных специалистов в системе высшего образования. В этом деле интересы науки, производства и образования совпадают. Совместные усилия ученых, производственников и педагогов обещают дать новый толчок в развитии духовной культуры общества.

5.5. Истина и заблуждения. Правда и ложь

Целью познания является истина. Истину можно определить как достоверное знание об объекте познания. Отсюда понятие истины распространяется на результат познания. Однако не только результат, но и ведущий к нему путь познания должен быть истинным.

Философское учение об истине располагает тремя концепциями по этому поводу. Первая рассматривает истину в контексте соответствия знания отражаемому объекту. Ее принято называть концепцией корреспонденции истины. Она была особенно характерна для философии и науки в так называемый классический период их истории.

Вторая концепция это концепция когеренции истины. Она констатирует ограниченность классической философии и науки в том плане, что абсолютизация объектной стороны познания ведет к элиминации через познание субъекта, то есть самого человека. Концепция когеренции истины исходит из того, что знание обусловлено не только объектом, но и субъектом познания. А поскольку субъект познания коллективен, и поскольку объект далеко не всегда может быть осмыслен и освоен непосредственно, то истина, по мнению сторонников когерентной теории, возникает как некоторые утверждения на основе конвенции или соглашения.

Когерентный подход утверждается в неклассический период истории философии и науки. Разумеется, противопоставлять концепции корреспонденции и когеренции истины нельзя. Оба эти подхода скорее взаимно дополняют друг друга, нежели противостоят один другому. Из этого принципа комплексирования того и другого подходов и следует исходить, когда решается вопрос о конкретной оценке знания в свете категории истины.

Ни корреспонденция истины, ни когеренция ее не могут дать исчерпывающего ответа на все вопросы, возникающие в процессе познания. В таких случаях высшим судьей достоверности является практика. Концепция прагматизма истины как раз и представляет собой такую форму обоснования достоверности, которая основывается на проверке утверждений науки посредством практики.

Неизбежным спутником истинного знания является заблуждение. Человек не застрахован от ошибок, стремясь к достоверности результатов познания, он может полагаться по тем или иным причинам на недостоверную фактическую базу и недостоверные методы познания. При этом он может искренне не отдавать себе отчета в том и другом. Результатом такого познания могут быть недостоверные. Если они не являются результатом злого умысла, то они, тем не менее, в лучшем случае, есть заблуждение.

Взаимоотношения истины и заблуждения в познании весьма сложны и противоречивы. Известны случаи, когда по истечении времени обнаруживается, что считавшееся до того достоверным знание, на самом деле является заблуждением. Известны случаи и обратного свойства. Знания, воспринятые сначала как заблуждения, со временем подтверждаются данными науки и приобретают статус истины.

Диалектику соотношения истины и заблуждения нельзя понять, не принимая во внимание вопросы абсолютного и относительного в знании. Субъект познания нередко встает перед проблемой: может ли объективная истина быть выражена в человеческих знаниях сразу целиком и полностью, иначе говоря, может ли бесконечный в

пространстве и во времени мир быть замкнут в конечную форму знания. Этот вопрос на философском языке формулируется как вопрос о возможности достижения абсолютной истины.

Ответ на него достаточно прост: абсолютная истина не достигаема, поскольку мир бесконечен во времени и в пространстве и потому неисчерпаем. Если под абсолютной истиной понимать полное исчерпывающее знание о мире в целом, то, бесспорно, такая абсолютная истина недостижима.

Но утверждение о недостижимости абсолютной истины может стать аргументом о невозможности получения достоверного знания как такового. Ведь в каких-то пределах познание мира действительно невозможно. Человеческий разум при этом действительно наталкивается на непреодолимые препятствия. Этот момент познания и есть основание для агностицизма, который мы встречаем в истории философского и научного знания. Откровенного агностицизма в абсолютной форме нет, но как явление относительного порядка он был и остается неизбежным фактором теории и практики познания.

Рассматривая процесс познания с точки зрения абсолютного и относительного в истине, следует рассуждать диалектически. Мы не должны предполагать знания о мире как готового, неизменного и достижимого одномоментно. Мы должны рассматривать процесс познания в духе того, как из незнания рождается знание, как из не вполне достоверного знания складывается достоверное знание, каким образом неполное знание становится полным, неточное – более точным и т.д.

Понятие «правда» близко по значению к понятию «истина». Но в философии оно служит также выражением дополнительного смысла. С одной стороны, оно претендует на выражение подлинной истины, с другой, оно указывает на предельную личную убежденность говорящего или пишущего.

В русском языке слово «правда» этимологически связано с корнем «прав». Соответственно «правда» может выступать в таких значениях как «обет», «обещание», «присяга», «заповедь», «правило», «договор», «закон» (вспомним из истории: «Русская правда» как свод законов). Во все времена человек был склонен истолковывать правду, исходя из божественного начала. В свете такой философии истина означает человеческое начало о знании, а правда – божественное начало. «Истина от земли восходит, правда с небес принимается».

В русском народном фольклоре рядом с понятием «правда» употребляется понятие «кривда». Это говорит о том, что в оценочном плане знание может истолковываться по его достоверности или недостоверности не только исходя из соответствия или несоответствия

знания отражаемому объекту, но и в зависимости от признания истины на уровне убеждения. В результате такой посылки истина нуждается не только в открытии, но и в осмыслении его на уровне убеждения. Правда означает такой жизненный идеал, когда поступки отдельного человека находятся в соответствии с требованиями морали и нравственности. Таким образом, в соотношении истины и правды может иметь место прямое соответствие, когда объективная истина воспринимается как субъективная правда. Но мы знаем, что человек может искренне принимать за истину то, что, по сути, является заблуждением. В таких случаях люди имеют дело не с правдой, а с псевдо- или квази-правдой.

Но уже упомянутая выше «кривда» может быть результатом не заблуждения, а злого умысла. По сути, это уже не заблуждение, а сознательная ложь. В лживом утверждении объект сознательно истолковывается недостоверным образом. Когда объект познания истолковывается сознательно в ложном духе, то это не только вопрос этики, но и нередко вопрос права. В сфере экономики, политики и идеологии такая коллизия сознания, к сожалению, довольно частое явление. Подобные факты должны быть предметом осуждения со стороны морали, а в особых случаях, и со стороны правоохранительных структур.

Истина и правда, заблуждение и ложь – это вольные или невольные спутники человеческого познания. По мере того, как совершенствуется интеллектуально, нравственно и эстетически сам человек, по мере того, как совершенствуются его технические и технологические средства познания, ресурсы истины и правды становятся все более значительными, потенциал человеческого заблуждения постепенно, но неуклонно сокращается. Мы с уверенностью не можем сказать, что в будущем человек вовсе избавится от заблуждения. Однако мы можем вполне определенно сказать, что будущее человечества без сознательной лжи вполне возможно.

6. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

6.1. Понятие «культура»

Человечество одарено огромным разнообразием культурных ценностей, стержневым из которых является понятие нравственности. Ценности были ключевыми для понимания культуры в прошлом и современности, но универсального определения понятия «культура» нет. Философы культуры издревле рассматривают культуру как атрибут человеческого и человечности во Вселенной. Со второй половины XVIII века культура рассматривается в связи с обществом, как явление,

характеризующее отличие человеческого существования от животного: появились могучие ветви интеллектуальной жизни человечества – философия Просвещения XVIII в., немецкий классический идеализм и немецкий романтизм. Французские просветители Вольтер, Дидро рассматривают культуру как развитие разумной жизни, противостоящей первобытной дикости и варварству. К ним присоединились немецкие просветители, проследившие стадии торжества разума и его прогресс в истории (Гердер, Лессинг). Немецкая классическая философия (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) и немецкий романтизм (Шиллер, Шлегель) рассматривали культуру как историческое развитие человеческой духовности.

В русской философии понятие культуры связывается с нравственностью поведения и постоянным духовным усилием. На зыбкой почве борьбы добра и зла культура усиливает гармонию и жизнь в мире. Присоединять к добру и творить его – одно из предназначений российской философии прошлого и современности.

В XIX–XX вв. развилась линия в философии культуры, представители которой концентрировали внимание на культурных особенностях у различных народов мира, а культура рассматривается как система ценностей и идей, определяющих общественную организацию людей (Риккерт, Кассирер). К этой линии примыкали Шпенглер, Тойнби, Данилевский, Сорокин. Понятие культуры обогащено пониманием материальных и духовных ценностей, обычаев, разнообразием языков и символических систем.

Фактически, определений культуры в философии и смежных с философией дисциплинах сформулировано очень много. Только в антропологии их 164, как указали А. Кребер, К. Клакхорн. Наличие разных определений культуры предполагает уточнение самого понятия «культура».

В современной философии влиятельны два подхода в осмыслении культуры: **деятельностный и аксиологический**. С точки зрения деятельностного подхода, культура – это система **сложившихся** внебиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех основных проявлениях, сфера свободной самореализации личности. Представитель деятельностного подхода в осмыслении культуры акцентирует не столько культуру личности, сколько культуру всего общества.

С точки зрения аксиологического подхода, культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных **людьми** в исторически определенные эпохи, характеризующая уровень развития общества и человека. Представители аксиологического подхода

И.Т. Фролов и А.Г. Спиркин обращают внимание на творческий и личностный аспекты культуры, а не на общественный как в случае деятельностного подхода; акцентируют ее роль в гуманизации общества и человека.

Философская трактовка культуры должна включать оценку ее содержания. Различая духовные и материальные ценности, целесообразно выделить **духовную и материальную культуру** как самостоятельные в культуре.

Компонентами духовной культуры являются нравственность общения, интеллектуальная и художественная культура, правовая, педагогическая, религиозная культура или свободомыслие. Духовной культуре принадлежат нравственность, философия, образование, искусства, наука, право, ментальность, религия, совокупность знаний, форм и методов мышления, способы деятельности по созданию духовных ценностей.

В мире культуры заметное место занимает материальная культура. Заметно, например, отношение в повседневной жизни человека к окружающему миру артефактов (созданных человеком вещей), когда наряду с духовными ценностями отчетливо различают связанные с ними материальные ценности (от архитектурных строений до игрушек, развивающих творческие способности ребенка или школьника). Материальной культуре принадлежат совокупность материальных благ и средства овладения ими. Материальная культура осваивает культуру труда и материального производства, культуру быта, культуру места жительства, культуру отношения к собственному телу и физическую культуру.

По мнению философа Л. Когана, существуют виды культуры, которые невозможно отнести только к материальной или духовной культуре: экономическая, политическая, экологическая, эстетическая культуры. Это особые духовные и материальные образования, пронизывающие систему культуры.

Философская категория «культура» имеет всеобщий характер и касается всех людей, живущих на планете. Это понятие универсальное. Оно охватывает важнейшие стороны деятельности человека и общества: образование, искусство, науку, производство, семейную жизнь и быт, нравственность общения и другие сферы. В деятельности социально одаренных людей культура возникает, формируется, закрепляется и развивается.

6.2. Общество. Человек. Культура

Социальная сущность культуры отражена в ее понятии. Своим происхождением термин «культура» (от лат. cultura – возделывание

почвы, развитие) обязан труду, преобразующей деятельности человека. Впоследствии укоренилось переносное значение этого термина – просвещенность, образованность, воспитанность. Развитие форм общения и деятельности характеризует профессиональную культуру различных групп социума и отдельных личностей в истории и современности. Определенно, современное освоение культуры в философии и науке связано с оценкой культуры в аспекте общественного бытия. Видимо, поэтому культура в современной науке изучается комплексом гуманитарных наук (теорией культуры, философией культуры, культурной антропологией, этнографией). Социальное бытие в процессе освоения человечеством природы отличает существование совокупности искусственных объектов, созданных только людьми. Культурная область в нем имеет источником и формообразующим началом человеческий труд.

Культура воплощает разумные усилия человечества. В первую очередь, культура является активной силой понятийной (языковой) деятельности, освоения и выработки ценностей, движения общественных отношений и правил (в том числе норм) поведения. Понятия содержатся главным образом в языке, формируются социумом. В философии культуры всегда важное место отводится языку. Язык – явление социальное, осваивается в общении с другими людьми (в социальном взаимодействии). Родной язык практически невозможно забыть, если он усвоен с детства. Язык позволяет общение и эффективную передачу информации. Культурное значение языка усиливает обстоятельство его глубинной связи со всем народом и Родиной.

Культура может быть оценена как тончайшая социальная материя Вселенной, возникшая вместе с человеком и сопровождающая людей в прошлом и современности. Культуры отличают не только язык и понятия, а также отношения. Отношения связаны с рассмотрением различных частей мира и выявлением связи между ними на основе причинной обусловленности. Культура формирует определенные представления о мире и его частях и связях, отливает понятия, которыми эти представления представлены. Именно культура позволяет осуществлять органично и в гармонии существование общественной жизни и человека. Осознание культурной принадлежности высвечивает материальные и духовные ценности и способы их создания, владения ими для национального и личного прогресса. Совокупность материальных и духовных ценностей и способов их созидания следует умело использовать для прогресса человечества, что существенно для подлинной культуры. Такой культуры, которая становится единственным критерием общественного развития.

Рассматривая соотношение общества и культуры, следует указать, что культура не составная часть общественного развития, а ее неотъемлемая характеристика. Бытие культуры отличает человеческое бытие от природного (животного). Это определенное качественное состояние общества, его деятельность, формирующая людей. Приобщение к культуре великий труд, воплощающий физические и духовные качества человека. О культуре судят по духовным качествам людей, одаренности борением духа.

Культура – это неотъемлемая компонента жизни общества. Не существует культуры без общества, как нет общества без культуры. Уровень развития культуры неотделим от социального существования. Экономика, материальное производство, уровень жизни во многом определяют культурную жизнь человека. Движение социума, в свою очередь, тысячами нитей вплетает культурную ткань: субъективно-личностную деятельность человека, разнообразие деятельности и менталитета, способы и нормы общественной организации, опыт, знания, артефакты, творчество. Образование, науки, искусства в творческой перспективе вырабатывают образцы нового (изобретения, открытия, произведения и др.), а результаты творчества включаются в движение общества, обновляя его. Причем общественная жизнь необходимо зависит от развития каждой личности. Мир становится более целостным, культурное развитие человека вносит прогрессивное начало в жизнь общества.

Культура может рассматриваться как целое. Культура возникает, формируется и развивается закономерно в знаковой системе, формировании устойчивых структур, традиции, преемственности, новации, трансляции и воспроизведении в среде других культур. Формируясь в недрах народного бытия, она развивает коллективную основу в жизни человека. Социальный опыт, выработанный коллективно, порождает программы общения, деятельности и поведения индивида и социальных групп, которые обеспечивают воспроизводство морфологии общества в реальном мире. Это разнообразие форм социальной жизни, общения и деятельности, наличествующей предметной сферы, социальных связей и типов личностей, поведения людей в определенный период развития общества в прошлом или современности связывается единством способа мышления человечества. Единство культур формируется единством судеб исторического развития, прохождением сходных этапов истории, производством схожего социального опыта различных народов и прохождением уровней развития культуры, устойчивой трансляцией и воспроизведением общечеловеческих ценностей средствами передачи культуры. Некоторые философы полагают различия культур

несущественными, производными «стадий роста» различных стран (У. Ростоу и его последователи).

В процессе развития и становления культур нет жесткой природной детерминированности: в эпоху культур человек освобождается от влияния природных, инстинктивных способов существования и становится существом, сознательно формирующим собственную жизнь. Вырабатывается механизм трансляции выработанных знаний человеку, свойственный только людям, особенно общие принципы мышления. Этот культурный уровень организации существования делает человека свободным от примитивной животной организации существования в дочеловеческом стаде во Вселенной. Благодаря повышению культуры человек сохраняет и упрочивает социальную устойчивость и не возвращается в природное состояние.

В современную эпоху особенно важными для развития общества становятся социальные функции культуры. Культура людей выражает личностную сторону их деятельности в обществе, выполняют функцию трансляции опыта, знаний и результатов совместной деятельности. Причем новые идеи и те из них, которые находятся в стадии разработки и еще не получили признания, и те, которые уже получили признание, являются результатом деятельности – все это дает результат, который включается затем в процесс развития общества, внося в него новые элементы. Изобретения могут превратиться в фактор развития общества, оказывать влияние на него. Среди наиболее заметных изобретений следует отметить создание атомного оружия. Для устранения угрозы ядерного самоуничтожения во всем мире предприняты значительные усилия правительственных организаций и неправительственных организаций и объединений, общественных движений ученых, врачей, матерей военнослужащих и других. Созданы и действуют различные комитеты во многих странах планеты, вливаясь в борьбу за прочный мир, снижение угрозы ядерной и военной опасности, за мир. Устранение страшной угрозы ядерной войны формирует прогрессивные силы человечества, что оказывает влияние на экономические, правовые и политические процессы современного общества. Не все изобретения реализуются, в ходе исторического развития общество как бы осуществляет отбор изобретений, идущих со стороны культуры. Не были реализованы работы советских генетиков: от текущего состояния общества зависит реализация культурных результатов, предложенных обществу.

6.3. Человек как творец и творение культуры

Постоянное духовное усилие отличает существование культурного человека. Духовные потребности – внутренние побуждения человека к

духовному творчеству – необходимый элемент повышения духовной культуры и выработки духовных ценностей. Позитивное развитие культуры перспективно как путь гуманистического развития во Вселенной.

Культурное разнообразие является источником движения культуры. Различие в культуре субъектов всегда обнаруживается, но оно относительное. Культурное бытие осуществляется в сознании, существовании индивидуализированного и объективизированного духовного в символах. Символ (знак) имеет знаковую природу и ему присущи свойства знака: это предмет или явление, выступающее в познании в качестве обозначения или представителя другого предмета или явления. Предназначен для хранения, преобразования и передачи, приобретения определенной информации. Он особенно важен для создания языка. Общезначимое в информационной деятельности позволяет утверждать относительный характер различий в культуре.

Символический характер познавательной деятельности человека необходимо предполагает его собственную систему знаний, которой он пользуется в течение всей жизни в культуре и межкультурном взаимодействии. Различие в культуре субъектов зарождается в ходе развития культуры и обнаруживается в деятельности или бездеятельности людей в истории человечества. Особенно отчетливо различие в культуре проявляется в существовании разнокачественных состояний общества с древности и до современности. Различные социокультурные типы общества имеют сложившиеся совокупности материальных и духовных ценностей.

Особое место в развитии культуры принадлежит нравственности. Гуманистическое понятие нравственности укрепляет культуру. Нравственность дает культурным ценностям ориентацию и стимул, обеспечивает духовное усилие в деятельностном проявлении в жизни человека. Негативные ценности, асоциальный способ существования группы людей или личности ослабляет не только культуру, но и жизнь общества, способствуют разрушению или слиянию культуры с более влиятельной.

Культурный процесс во всевозрастающих масштабах испытывает необходимое влияние диалога культур. Диалогом культур является преемственная связь между культурами прошлого и современности. Диалог настоящего и прошлого в развитии культуры участвует в формировании культуры и ее культурного субъекта. Диалог культур формирует единство и многообразие культур общества. Но культурный процесс нельзя представить в отрыве от творения человека в нем. Культура есть социальное самотворение, ее нельзя представить в отрыве от творчества отдельных личностей. Социальные достижения

отдельных людей, получающих общественное признание, создают необходимый потенциал новых последующих достижений в культуре. Культура является условием и основой творения творческого человека в ней.

Чем выше уровень культуры, тем меньше круг людей, ее понимающий. Это означает, что всякая цивилизация не в силах сделать свои культурные достижения подлинным основанием. Массовая культура сама становится источником заметных социальных проблем. Подлинные культурные достижения народной цивилизации возможны творческим, деятельностным и ценностным освоением мира.

6.4. Типы культуры

Типология культур зависит от основания, предложенного философами и теоретиками культуры. Возможна хронологическая типология. Это связано с тем, что культура исторична и всегда результат творения человека в прошлом и современности. Следует выделять традиционную культуру и культуру современного общества. В традиционной культуре мир рассматривается как целостность, труд определяются идеей и делами бога или богов, святых, и других сакральных явлений. Человеческое рассматривается как завершающее дело Создателя или других демиургов, огромную роль играет мифологическая картина мира. В культуре современного общества можно говорить о материальной и духовной культуре, развивающей ценности современности: демократию, образование, науки, искусства, рынок, трудовую этику, самодисциплину. Содержание культуры современного общества определяется углублением гуманистических основ существования человека. Движение культуры традиционного общества к культуре современной цивилизации связано с процессом модернизации. Разные народы по-разному проходят путь к цивилизации, управляющей научно-техническим прогрессом, ростом знаний, благосостояния и свобод граждан, но все связаны с культурой прошлого и современности.

Философы культуры различают народные, национальные, общенациональные и мировые культуры. По артефактам и творческим актам народов, наций, сообществ этносов, человечества в целом различают культурную деятельность субъекта и движение уникальных и общечеловеческих ценностей в обществе. Во-первых, различают реликтовые элементы прошлых культур, которые существуют в современном обществе и оказывают заметное влияние на его развитие (мифы и др.). Второй культурный слой составляют программы общения, деятельности и поведения, регуляторы современной общественной жизни. Их ценность определена в воспроизводстве существующих

форм общественной жизни, общения, деятельности и поведения людей. Третий слой культуры постоянно ориентирован будущим – это образцы программ будущего общения и деятельности. Как указывает В.С. Степин, чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает культурное творчество, обращенное к будущему, вырабатываемые в науке теоретические знания, вызывающие переворот в технике и технологии последующих эпох, идеалы будущего социального устройства, которые еще не стали господствующей идеологией, новые нравственные принципы, разрабатываемые в сфере философско-этических учений и часто опережающие свой век.

Культуры реализуются исторически, опираясь на могучий потенциал материальных и духовных ценностей, выработанных в прошлом и современности. Тип культуры – категория, выделяющая по признаку единства наиболее общие и отличительные черты совокупности культур. Наиболее влиятельные в жизни человечества культурные типы – восточная и западная. Самостоятельным типом культуры является маргинальный (пограничный или промежуточный). Философы культуры склоняются к характеристике российской культуры как маргинальной.

Рассмотрим восточный культурный тип. Особенно влиятельна в нем религиозная духовная основа. Философы культуры полагают восточный культурный тип как осваивающий ценности на основе религиозно-философских традиций мистико-духовного эзотеризма Востока (индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм и другие религии). Характерные особенности этого типа культур: 1) созерцательно ориентированные культуры, исповедующие «недеяние»; 2) их рациональность основана на господстве веры и коллективном отношении к миру; 3) они используют коллективный способ передачи ценностей и норм культуры.

Разновидности восточных культур: дальневосточно-конфуцианская (основана на религиозных ценностях и практике конфуцианства и даосизма), арабо-исламская (основана на религиозных ценностях и практике мусульман), индо-буддийская (основана на религиозных ценностях и практике буддизма).

Западный культурный тип исторически более современен и характеризуется практицизмом, большей рационалистичностью, чем ранее возникший восточный культурный тип. Философы культуры обращают внимание на особенности научного, технологического, мировоззренческого развития культур на Западе. Характерные особенности этого типа культур: 1) практическая ориентация культур; 2) их рациональность основана на объективном познании мира и власти

права; 3) они используют личностный способ передачи ценностей и норм культуры.

Разновидности западных культур: европейско-христианская (основана на религиозных ценностях и практике христианства), американская (основана на ценностях и практики общественного и индивидуального успеха, связанная с религией и практикой протестантизма).

Западный культурный тип отражает специфику общественной жизни Европы и связанных с ней цивилизаций. Основа западного культурного типа в большей степени рациональна, чем на Востоке. Преобладание **рациональности и демократии** становятся источником ускоренного социального развития, прогресса техники и технологии западной цивилизации.

Ценности Восточной и Западной цивилизаций совпадают, а вот способы их освоения разные. Цивилизация есть стадия в развитии человечества, когда собственно социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество начинает развиваться и функционировать на собственной духовной и материальной основе. Цивилизации мирового процесса включают культуры традиционного общества (простая социальная структура, господство натурального хозяйства, инертность в вопросах веры, обычаях неграмотного населения, превалирование неграмотности), индустриального общества (установление господства над природой, преобладание машинной технологии, усложнение структуры общества и отчетливое проявление культуры элиты и культуры большинства, рост образованности), постиндустриального общества (интеллектуализация производства, создание новых информационных технологий, изменение социальной структуры общества и формирование социальной группы образованной общественности-производителей нового знания, развитие производства услуг).

Процесс быстрых изменений в обществе и достижение более высокого культурного уровня связан с процессом модернизации, широко вовлекающим современные народы мира. Модернизация в современном мире – заметный фактор единства и многообразия мирового культурного процесса.

Философы культуры показали позитивные и негативные стороны продуктивных цивилизаций. Они указывают на возможность синтеза культур в мировой культуре. Понятие мировой цивилизации занимает особое место в философии культуры и охватывает все известные цивилизации прошлого и современности. Для примера сошлемся на труды философов, использующих научные факты и методы в изучении культуры. Известный философ И. Валлерстайн (США) разрабатывает

мир-системный подход, благодаря которому современная цивилизация рассматривается в системе взаимодействий между различными социальными субъектами планеты. Наиболее общая характеристика мировой цивилизации включает окультуренную природу, средства культурного изменения природы, общественные отношения, обеспечивающие культурное существование и человека, усвоившего культуру. Поэтому цивилизация есть социокультурное образование и продолжение культуры.

Критерием развития общества в мировой цивилизации является культура. В целом, мировая цивилизация есть человечество, развивающее свободы, знания, духовные и материальные блага, а культура является неотъемлемым и совершенным достижением цивилизации. Причем единство культуры формируется в самой реальной жизни, сближением культурного пространства и времени.

7. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Философия истории – это особый подход к историческому материалу, когда содержание исторического процесса становится предметом философского воззрения и истолкования. Для философии истории свойственно многообразие тем и оценок (во многом оценки исторических событий противоречат друг другу).

В качестве основных тем философия истории рассматривает:

- проблемы закономерностей исторического процесса;
- проблемы единства и многообразия исторического процесса;
- проблемы смысла и цели истории (имеет ли история какой-то смысл, цель, или же она суть стохастический процесс, развивающийся «в сторону» наиболее вероятных состояний?);
- вопрос о культуре и цивилизации;
- вопрос о социальном прогрессе;
- проблемы детерминизма и периодизации истории;
- проблемы методологии и специфики исторического познания.

7.1. Становление философии истории

Развитие философских воззрений на человеческую историю разворачивалось на протяжении многих веков — со времен Конфуция и Лао-Цзы, Платона и Аристотеля.

И первые ответы на них попыталась дать мифологическая история. Уже она была способна создавать ретроспективу в глубь веков и приближать «седую древность» к настоящему. **Присутствие богов** в делах человеческих приводило к тому, что человеческая участь в

мифологическом сознании еще не предстала, как необходимость жить во времени. Абсолютно преобладало **настоящее мгновение**. Даже когда говорится о предыстории, перед нами лишь предшествующее настоящее. Время не знает глубины, все события изображены в одной плоскости. Время растяжимо (может растягиваться) и обратимо, боги могут все.

Для античной философии было характерно осмысление хода истории, как проявления рока, предопределяющего судьбу отдельного человека и человечества в целом. «Политеистическому мирозерцанию недостает вовсе понятия всемирной истории как единого планомерного целого»¹¹³. Античности практически не свойственна попытка создания схемы всемирной истории. Для античной философии углубленное исследование исторического процесса малопривлекательно. Неверно было бы утверждать, что проблемы философии истории не входили в круг научных интересов античности, но античный взгляд на историю вообще был иным, нежели сейчас. История не выделялась из сферы искусства, поэтому «недаром одна из девяти муз (Клио) считалась покровительницей истории. А знаменитый «отец истории» Геродот каждую из девяти книг своей «Истории» назвал именем одной из муз»¹¹⁴. Так, например, Плутарх в трактате «О злокозненности Геродота», входящем в «Нравственные сочинения», порицает Геродота за излишнюю объективность, за то, что последний беспристрастно сообщает о неблагоприятных поступках знаменитых греков и столь же беспристрастно пишет о великих деяниях варваров. История, по мнению Плутарха, служит исправлению нравов, нравственному (социальному) воспитанию, поэтому Плутарх пишет не историю даже, а биографии, прекрасное изображая полностью и подробно, а ошибки и недостатки, неблагоприятные поступки своих персонажей не то чтобы вовсе воздерживается от их изображения, но как бы притеняет их. Стиль таких историй пластический, а не аналитический. Греки и римляне не обладали особым словом для того, что мы в единственном смысле именуем «историей», они знали «истории» (*historiae*) лишь во множественном числе¹¹⁵. Самого понятия исторического процесса античность не знала¹¹⁶.

Первым историком, «отцом истории», как назвал его Цицерон, был **Геродот** (около 484 г. до н.э., Галикарнас, Малая Азия – около 426 г. до н. э., Фурия, Великая Греция), древнегреческий историк. Автор

¹¹³ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание блаженного Августина // Религиозно общественный идеал западного христианства. – СПб., 2004. – С. 183.

¹¹⁴ Томашевская М.Н. Плутарх // Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х тт. Т. 1. М., 1987. С. 10.

¹¹⁵ Губман Б.Л. Философия и проблема смысла истории // Вечные философские проблемы. Новосибирск, 1991. С. 5.

¹¹⁶ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М., 1979. С. 331.

сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн, дал первое систематическое описание жизни и быта скифов. Монументальный труд Геродота — первое полностью дошедшее до нас историческое сочинение древности. Первоначально он носил название «История» (др.-греч. «исследование, изыскание»); в 3 веке до н.э. александрийские ученые разделили его на девять книг, дав каждой из них имя одной из девяти муз, первая книга получила имя музы истории Клио.

В его «Истории» процесса, как такового, еще нет. Повествование распадается на обособленные картины, не развертывающиеся в хронологически связанное целое. Хронология его истории нередко фантастична, датировка событий чисто эпическая («между тем», «после этого», «через некоторое время» и т.д.). Но Геродот — первый образец не только занимательного исторического повествования, его история содержит полезные для читателя уроки жизни. Жизнь полна превратностей, зачастую катастрофических, и задача истории — вооружить человека опытом прошлых поколений.

Из писаний Геродота можно сделать три вывода, повлиявших на дальнейшее философское осмысление истории:

- 1) история может быть только политической или военной;
- 2) государство состоит из активного меньшинства и пассивного большинства;
- 3) в истории народа заложена некая конечная, постепенно реализующаяся тайна.

В отличие от Геродота **Фукидид** (ок. 460-400 гг. до н.э.), древнегреческий историк, автор «Истории» (в 8 кн.) — труда, посвященного истории Пелопоннесской войны (до 411 г. до н.э.); это сочинение считается вершиной античной историографии, уже полностью стоит на почве истории. Он родоначальник прагматической, научной историографии, основанной на чисто рациональных методах объяснения исторических событий.

Наконец, у римского историка **Полибия** (около 200 – около. 120 гг. до н.э.), автора «Истории», охватывающей историю Греции, Македонии, М. Азии, Рима и других стран от 220 до 146 гг. до н.э. (из 40 книг сохранились полностью первые 5, остальные — во фрагментах) появляется совершенно новый тип историографии — **тип всеобщей истории**. В центре его внимания **не событийная история войн, а динамизм столкнувшихся в них политических сил**. Он пытался анализировать следующие вопросы: чем определяется сила одного государства и слабость другого, какова связь между внутренним и внешним в истории государства и т.д. **Отдельные государства — части всемирной истории.**

Изучение собственной истории наталкивало римлян на мысль об упадке нравов и доблестей, о том, что **золотой век позади**. Когда они видели упадок могучих стран под ударами завоевателей, то их охватывало чувство **изменчивости** всего, чувство **общности** всех народов в единой истории. Но суть времени, и **неотвратимость изменений** остались для античных историков недоступными, поскольку надежды на улучшение сущего связывались не с будущим, а с прошлым.

Для христианской философии средневековья характерно внесение в историю некоторого морального начала, божественной сущности, которое в дальнейшем трансформировалось в абсолютный дух или мировой разум. В средневековой философии **Августин** **Блаженным** ((Аврелий Августин 354-430), христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики, епископ г. Гиппон (Сев. Африка); родоначальник христианской философии истории (сочинения «О граде божьем»: «земному граду» — государству противопоставлял мистически понимаемый «божий град» — церковь)), были найдены **единая цель** истории (Царство Божие) и отсюда **морально-религиозная закономерность** истории: конечное торжество Добра над мировым Злом. Именно его можно считать **родоначальником** философии истории и он сформулировал три основных принципа философии истории, ставших классическими:

1. Принцип единства судеб человечества в истории, который в дальнейшем, трансформировался в понятие всемирно-исторического процесса.

2. Принцип единства целостности и преемственности развития исторического процесса во времени, понимаемый в дальнейшем как последовательное осуществление высшего замысла.

3. Принцип об исторической ответственности человека, выбор и действия которого влияют на качество исторического процесса.

Следует отметить, что на протяжении всей истории философии эти принципы оставались неизменными, и только сегодня философия истории получила вызов от новейшей культурологии, открывшей плюрализм культур и цивилизаций, а следовательно, и возможность изменения принципа об единстве исторических судеб человечества.

В философии Нового времени первым представителем философии истории как таковой, можно назвать итальянского мыслителя **Вико Джамбатисто** ((23 июня 1668 – 23 января 1744), итальянский философ, его книга «Новая наука» рассматривала историю как процесс, в котором **люди создают** системы языков, нравов, законов, правительств и т.д.). Вико видел в истории процесс возникновения и развития человеческих обществ и их институтов. История, по Вико, **не занимается прошлым**

как прошлым. Она занята, в первую очередь, реальной структурой того общества, в котором мы живем, нравами и обычаями, которые свойственны нам и окружающим нас людям.

По мнению Вико, есть определенные периоды в истории, которые имеют общие черты, окрашивающие каждую деталь и повторяющиеся в другом периоде, так что оба периода оказываются тождественными по своей природе.

Например, «героические» эпохи: гомеровский период греческой истории и европейское Средневековье. Их общие черты – господство военной аристократии, сельскохозяйственное производство, эпическая поэзия, мораль, основанная на идее личной доблести и верности, и т.д.

За каждым героическим периодом следует **классический**, когда мысль превалирует над воображением, промышленность над сельским хозяйством, а мораль, основанная на мире, над моралью, основанной на войне. Сходные периоды имеют тенденцию чередоваться в одном и том же порядке.

Циклическое движение оказывается не простым вращением истории, прохождением ее через определенные фазы. История движется не по кругу, а **по спирали**, ибо она никогда не повторяется, а вступает в новую фазу в иной форме. Поэтому история всегда создает **нечто новое**, циклический закон (движение по спирали) ее развития **не позволяет** нам предвидеть будущее.

Вико является непосредственным предшественником основных философско-исторических концепций, которые стали возникать в конце XIX в. и которые можно свести к **трем группам: концепции однолинейного, многолинейного и циклического развития.**

Если обратиться к формированию истории философии как раздела философии, то нужно отметить, что осмысление исторического процесса было характерно для всех периодов истории философии. Но только в XVIII веке философия истории выделяется **в самостоятельный раздел философии.** Именно в век Просвещения перед философской мыслью с особой актуальностью встают три вопроса:

1. О связи человеческого сознания с социокультурной средой.
2. О возможности соучастия человеческого сознания в процессе исторических изменений.
3. О потенциальной возможности построения универсального и идеального человеческого общества.

Собственно сам термин «история философии» был введен **Вольтером**, Вольтер считал, что историк просто описывает исторические события, а задача философии истории – **истолкование исторического процесса в целом.**

В работах **И. Гердера** философия истории оформилась в особое направление исследований. Гердер Иоганн Готфрид (25 августа 1744, Морунген — 18 декабря 1803, Веймар), немецкий философ, ведущий деятель позднего Просвещения, создатель одной из первых версий **естественного исторического развития природы и человеческой культуры**. Он проповедовал национальную самобытность искусства, утверждал историческое своеобразие и равноценность различных эпох культуры и поэзии.

Гердер интенсивно занимается естественными и историческими науками, создает свой шедевр — «Идеи к философии истории человечества» (опубликован в 1784-1791 гг.). В «Идеях к философии истории человечества» Гердер реализует свой проект универсальной философской истории человечества. В этом грандиозном труде, включающем 20 книг, Гердер, **суммируя** достижения современных ему космологии, биологии, антропологии, географии, этнографии, истории, дает изображение поэтапного становления человечества. В центре внимания автора — **процесс мирового развития**. Общий порядок природы Гердер понимает как ступенчатое поступательное развитие совершенствующихся **организмов**: от неорганической материи через мир растений и животных к человеку и в будущем — к сверхчувственной «мировой душе».

Как свободная и разумная сущность человек представляет собой вершину, сотворенную божественным духом природы. Критикуя телеологию, Гердер подчеркивает значение воздействия **внешних факторов** (совокупность которых он называет «климатом») и считает достаточным для понимания истории ответить на вопрос «почему?», не задаваясь вопросом «для чего?».

В то же время он признает **ведущей силой** истории **внутренние, «органические» силы**, главная из которых — стремление к созиданию общества. Основной спланирующей силой общества Гердер считает **культуру**, внутренней сущностью которой является **язык**. Гердер возвращается в «Идеях» **к историческому оптимизму Просвещения** и видит в прогрессирующем развитии человечества нарастание гуманизма, который понимается им как расцвет принципа личности и обретение индивидом душевной гармонии и счастья.

Г. Гегель в «Лекциях по философии истории» разделил всю историографию на три группы: первоначальная история, рефлексивная история, и философская история или история философии.

1. Первоначальная история — это описание событий, участниками которых историки являлись.

2. Рефлексивная история — это уже взгляд со стороны, в нее входит:

- всеобщая история – история народа, страны или мира;
- прагматическая история, которая описывает прошлое в ракурсе проблем настоящего;
- критическая история, являющаяся критическим анализом исторических трудов.

3. Философия истории излагает исторический материал на основании общих философских принципов, пытается обнаружить **закономерности** мирового исторического процесса.

В философии истории выделяют **несколько концепций исторического развития** человечества. Критерий при их разделении оказывается различным: по направленности развития, по движущим силам развития, по тому, какую именно единицу измерения берут за элемент развития. Представители философии истории объявляли **движущей силой истории**: божественное предопределение (Августин), божественный разум (И.Г. Гердер), абсолютный дух (Гегель), неизменную природу человека и его естественные условия (просветители, Л. Фейербах). В философии истории нового времени выдвигаются концепции исторического круговорота-цикличности (О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин), христианские концепции смысла истории (Н.А. Бердяев, Ж. Маритен, Р. Бультман, Р. Нибур).

Рассмотрим несколько наиболее известных концепций более подробно.

Концепции однолинейного прогрессивного развития, представители: Гегель, Маркс, Росту и некоторые другие. Они считали, что история человечества едина, все народы, кто раньше, кто позже, идут к **единой цели**. Только цели предлагались разные.

7.2. Духовно политическая история Г.В.Ф. Гегеля

Гегель справедливо полагал, что историческая деятельность человечества складывается из деятельности отдельных людей, а суммирование всех волей и стремлений приводит к совершенно иному результату, чем ожидал каждый отдельный человек. Значит, **люди являются орудием** чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают. В истории действует некий дух – **Мировой разум**, который постепенно разворачивается и **направляет** деятельность людей. **Цель** всемирной истории – познание Мировым духом самого себя. Мировой дух выражается в духе каждого народа, пока не узнает, что он собой представляет. Как только он это узнает, начинается его закат и умирание, и он уступает дорогу другим, более молодым народам. Развитие идет дальше, и критерием этого развития является **осознание свободы**. Гегель выделил в историческом развитии (в познании Мировым духом самого себя через народный дух) три этапа:

1. Восточный (Китай, Египет, Индия и др.) народный дух (Мировой дух в форме народного духа) осознает себя таким образом: свободен только один человек – правитель, все остальные – его рабы. Не существует различия между рабством и свободой: перед императором – все рабы. Древний Восток — младенческое состояние познания Мировым духом самого себя. На Востоке люди еще не осознают свободы, человек здесь безропотно повинуется либо власти отца в семье, либо власти императора в государстве. Здесь нет, по Гегелю, чувства чести, **нет морали** в европейском смысле слова.

2. Античный (Греция, Рим, Средневековье) народный дух осознает себя таким образом: свободна лишь одна группа, прослойка людей – «верхушка», все остальные служат ей и зависят от нее. Греция — юность, Рим — зрелость познания Мировым духом самого себя. Вся жизнь греков проникнута духом искусства, здесь господствуют демократия и любовь к свободе. Рим – это эпоха возмужалости человечества, но закладываются **формальные основы свободы человека**. Римское право впервые ввело положение о неприкосновенности частной собственности и тем самым заложило юридические основы свободы.

3. Германский народный дух осознает **свободу всех**. Германский мир – старость в познании Мировым духом самого себя, но старость, исполненная силы и разума. В лице прусского государства (**конституционного** монархического государства в отличие от абсолютно монархического государства) «человечество переживает... свой старческий возраст; но это не старость природы, обозначающая слабость, а старость духа, являющаяся его совершенной зрелостью»¹¹⁷. Германцы – носители христианского принципа, который рассматривал **человека как высшую ценность**. Высшей формой и гарантией свободы является современное европейское государство с конституцией, с правами человека. Такое государство, считал Гегель, — это шествие Бога по земле.

Таким образом, вся история у Гегеля – история прогрессивного развития мирового разума, который выступает в форме духов (сознания) отдельных народов. Человечество, как по ступенькам (этими ступеньками являются достижения свободы отдельных стран и народов), поднимается к светлому **царству свободы**.

С одной стороны, Гегель пишет политическую историю, в этом он традиционен (смотрите выше материал о Полибии), а с другой стороны, он углубляется до понимания духовных основ истории (христианская философия истории не могла не оказать на Гегеля влияния), но

¹¹⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 25.

Мировой дух по Гегелю может не осознаваться самим человеком, но при этом претворяться человеком в его деятельности. На самом деле, согласно наблюдениям и этической философии немецких мыслителей Макса Шелера и Николая Гартмана высшие духовные ценности не имеют принудительной силы по отношению к человеку в отличие от низших ценностей (правовых и моральных норм). Иначе говоря, чем выше ценности, тем меньше их принудительная сила, сила ценностей обратно пропорциональна их высоте. Чтобы претворять духовные ценности в своей деятельности, человек должен признать их право на существование, осознать их, а также направить свою волю на их осуществление.

7.3. Исторический материализм (истмат) К. Маркса

К. Маркс, испытавший на себе огромное влияние Гегеля, также считал, что история человечества **едина**. У Маркса, как и у Гегеля, конечная **цель** человечества — торжество разума и свободы на Земле (коммунизм). И к этой конечной цели постепенно придут все народы. Ну а то, что они растянулись так по всем формациям и не идут единым строем, вызвано местными особенностями и неравными условиями на старте.

Маркс полагал, что в истории господствуют объективные, не зависящие от сознания и воли людей **законы**, на основании того факта, что в истории есть повторяемость. В Англии впервые сложился капитализм, появились первые фабрики, появился пролетариат, обнаружилась безработица и нищета. В Германии произошло то же самое. И в России начал зарождаться капитализм с теми же чертами.

Если есть законы, то их можно познать, и можно с большей или меньшей точностью управлять историческим развитием общества: **предсказывать** негативные последствия, выбирать оптимальный путь и т.д.

Все народы должны прийти к коммунизму как к светлому будущему, где не будет эксплуатации, нищеты, где полностью будут удовлетворены все материальные потребности людей, где люди будут управлять машинами, заниматься самосовершенствованием — писать стихи, читать книги, философствовать и т.д.

Все народы в целом должны пройти **пять общественно-экономических формаций**:

I. Первобытнообщинную, ее характерные черты: примитивные формы организации труда, общая собственность на средства и результаты труда.

II. Рабовладельческую, ее характерные черты: возникновение частной собственности на средства производства, рабы.

III. Феодалную, ее характерные черты: крупная земельная собственность особого класса землевладельцев – феодалов, труд зависимых экономически и политически от феодалов крестьян.

IV. Капиталистическую, ее характерные черты: частная собственность, свободные наемные рабочие экономически зависимые от буржуазии.

V. Коммунистическую, ее характерные черты: отсутствие частной собственности на средства производства, труд рабочих, крестьян, интеллигенции свободных от эксплуатации со стороны частных собственников.

Общественно-экономическая формация – это совокупность производственных отношений, производительных сил, общественных связей, политического строя на определенном этапе исторического развития.

В общественно-экономической формации есть **два главных основных компонента** – базис и надстройка.

Базис – экономика общества, составляющими которой являются производительные силы и производственные отношения.

Надстройка – формы общественного сознания, государство, политические, общественные институты.

Каждая новая формация вызревает в недрах предыдущей, отрицает ее и затем сама отрицается более новой формацией. Каждая формация является более высоким типом организации общества.

К переходу от одной общественно-экономической формации к другой **приводят изменения в экономическом базисе**. Производительные силы постоянно развиваются, совершенствуются, а производственные отношения остаются прежними. Возникает противоречие между новым уровнем производительных сил и устаревшими производственными отношениями, и происходят изменения в экономическом базисе.

Изменившийся экономический базис ведет к изменению политической надстройки (либо она приспосабливается к новому базису, либо сметается движущими силами истории) – возникает новая, находящаяся на более высоком качественном уровне общественно-экономическая формация.

Особенность формационного подхода – понимание истории как закономерного, объективного процесса, разработка экономических механизмов развития, систематизация исторического процесса, но **приуменьшение роли** других факторов: культурных, национальных, и т.д.

Марксистская концепция своей простотой и лаконичностью оказалась очень привлекательной. Некоторые государства мира

исповедовали ее как религию, пытались брать на вооружение ее методы. К середине XX в. возник международный блок коммунистических государств, который распался уже на наших глазах.

Макс Вебер работал в марксистских традициях, пытаясь пополнить теорию Маркса. В теории Вебера было много исходных положений учения, принадлежащего Марксу. Следует иметь в виду, что Вебер не был хорошо знаком с работой Маркса (многое из этого не было опубликовано до смерти Вебера) и был противником в большей степени деятельности марксистов, а не творчества самого Маркса. Вебер рассматривал Маркса и марксистов своего времени как **экономических детерминистов**, которые предлагали односторонние теории социальной жизни. Маркс перевернул Гегеля, а Вебер «поставил Маркса на голову». Гегель создал концепцию духовно-политической истории. В исторической концепции Маркса материальные (особенно экономические) интересы определяли идеологию, идеи (политические идеи в том числе) являлись простыми отражениями материальных интересов. Вебер вместо того, чтобы сосредоточиться на экономических факторах и их влиянии на идеи, уделил много внимания идеям и их влиянию на экономику. Рассматривая идеи скорее как простое отражение экономических факторов, Вебер все же считал их достаточно автономными силами, способными глубоко воздействовать на экономический мир. Большое значение Вебер придавал **системам религиозных идей**. В частности, его интересовало влияние религиозных идей на экономику. В «Протестантской этике и духе капитализма» он затрагивал протестантизм, главным образом как систему идей и ее влияние на возникновение других систем идей, «дух капитализма» и, в конечном счете, на капиталистическую экономическую систему. Вебер проявлял схожий интерес к другим мировым религиям, изучая, как их сущность могла бы помешать развитию капитализма в соответствующих обществах. На основе подобного рода деятельности некоторые ученые пришли к заключению, что Вебер разрабатывал свои идеи в оппозицию идеям Маркса. Но Вебер не столько оппонировал Марксу, сколько пытался пополнить его теоретические воззрения. В данном случае Вебер скорее следует традициям Маркса, нежели предлагает совершенно противоположную концепцию. Его труды по религии, объясняемые с этой точки зрения, были просто попыткой показать, что не только материальные факторы влияют на идею, но и сами идеи воздействуют на другие идеи и на материальные структуры.

Основным достижением самого Вебера является **теория процесса рационализации**. Вебер задавался вопросом, почему социальные институты (социальные подсистемы) в западном мире постепенно стали

более рациональными, тогда как, казалось, мощные барьеры, создаваемые властными структурами, должны были предотвратить подобное. Рационализация – это формализация процесса достижения целей и результатов с помощью различных правил, инструкций и законов. Цели и результаты, таким образом, достигаются с минимум усилий, а общество экономит свои силы. Вебер произвел сложный детальный анализ рационализации таких феноменов, как религия, закон, город и даже музыка. Вебер пытался понять, почему **капитализм**, который является рациональной экономической системой, распространился на Западе и почему капитализм потерпел неудачу в других частях света. Центральную роль в этом процессе Вебер отводит религии. Вебер пытается доказать, что религия сыграла ключевую роль в развитии капитализма на Западе. Вебер доказывал, что именно необычайно рациональная религиозная система (кальвинизм) сыграла главную роль в подъеме капитализма на Западе. В противоположность этому, в других частях света, которые он изучил, Вебер обнаружил еще и иррациональные религиозные системы (например, конфуцианство, даосизм, индуизм), которые препятствовали развитию рациональных экономических систем.

По-своему развивали и оспаривали марксизм русские религиозные философы XIX-XX вв. Идеи идеям рознь, существуют внешние и внутренние человеку идеи. Капиталистическая экономика является также своего рода объективированной идеей (Н.А. Бердяев), т.к. в капиталистической экономике воплощаются определенные правила, принципы и инструкции, исходящие от самих людей. Экономика формируется этими правилами, принципами и инструкциями, но эти правила, принципы и инструкции могут быть чуждыми человеку, вызывать страдания человека, другими словами, вредить самому человеку. Н.А. Бердяев различает объективацию и отчуждение. Капиталистическая экономика – не только объективация, но и отчуждение внутренних человеку идей (стремлений; воли). К. Маркс считал, что труд (экономическая, производственная, хозяйственная деятельность; работа) изначально заложен в человеческой природе; а составляющие (процесс труда, продукты труда, другие рабочие, условия труда) капиталистического труда (труда на фабриках) и есть формы отчуждения человека от его трудовой сущности. Маркс верил в то, что коммунизм восстановит «истинную сущность человека», истинную для человека форму труда. С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» оспаривал изначально заложенность труда в человеческой природе, труд – есть нечто вторичное, а не первичное в человеке. В христианстве источник хозяйственной (экономической) деятельности человека осмысливается, как **духовное стремление** человека, направленное на

преуменьшение страдания ближних; это стремление является частным проявлением стремления человека к идеалу Добра. Кроме этого, необходимо воспитывать в человеке трудовую способность.

Б.П. Вышеславцев указывает на иерархию ценностей. Низшие ценности (ценности закона) в большей степени обладают принудительной силой по отношению к человеческой воле, в то время как высшие (духовные) ценности не обладают такой принудительной силой. Поэтому для реализации высших ценностей необходимы два основных условия: осознание духовных ценностей и признание их приоритета; и наличие реальной воли к их осуществлению. Низшие ценности (выраженные в правовых и моральных законах) вызывают бессознательный протест у человека тогда, когда они пытаются занять место высших (духовных) ценностей. Протест происходит оттого, что человек не прекращает чувствовать высшие ценности в глубине своей души, даже если он прекращает их осознавать.

К. Маркс мечтал о смене формальной (рациональной) демократии, характерной для капитализма, подлинной демократией. Развитие капиталистической экономики приводит к увеличению пролетариата, количества наемных рабочих. Рабочий класс может прийти к власти **сравнительно мирным путем**, через демократические выборы, например. Придя к власти, рабочий класс, по Марксу, сохраняет и даже **развивает** капиталистическую технику, становясь хозяином.

«Гипотеза Карла Маркса. Суть ее заключается в утверждении того, что в европейских странах происходит процесс углубляющейся экономической дифференциации. Средних экономических слоев становится все меньше, и они постепенно беднеют; экономическое положение пролетариата ухудшается, а одновременно богатство концентрируется все у меньшего числа людей... Богатые становятся еще богаче, а бедные становятся еще более нуждающимися. Как только устанавливается такое положение, добавляет Маркс, то достаточно национализировать богатство меньшинства – и социализм был бы установлен. Такова суть теории катастрофического наступления социализма. Говоря словами Маркса, она звучит следующим образом: мелкие торговцы, владельцы магазинчиков и бывшие лавочники, ремесленники и крестьяне – все становятся пролетариями... в то же самое время продолжается централизация промышленности... один капиталист уничтожает многих... нищета развивается быстрее, чем растет население и богатство... В настоящее время нет необходимости настаивать на ошибочности теории Маркса и на ошибочности его предсказаний. 75 лет, которые пролетели со времени выпуска «Коммунистического манифеста», не оправдали ожиданий Маркса и не подтвердили его пророчество.

Во-первых, во всех европейских странах и в США со второй половины XIX века до начала мировой войны экономические условия рабочего класса улучшались, а не становились хуже, как предсказывал Маркс... С другой стороны, количество бедных, в соответствии со статистикой бедности, в Швеции, Пруссии, Англии, Голландии и некоторых других странах во второй половине XIX века не увеличилось, а уменьшилось. Короче говоря, эта часть марксистской теории была опровергнута всем ходом истории.

Не повезло и той части теории Маркса, которая предвещала обнищание и исчезновение средних экономических классов и концентрацию богатства в руках немногих»¹¹⁸. Таким образом, в основном в Европе и США рос средний класс. А социалистическая экономическая система стала возможной лишь через длительное и чудовищное насилие. Насилие, говорил Энгельс, есть «повивальная бабка истории»¹¹⁹. Ни о каком эволюционном пути (о котором мечтали немецкие марксисты Бернштейн и Каутский, а также русские ортодоксальные марксисты, например, Г.В. Плеханов; и рекомендовали при этом отстаивание интересов рабочего класса легальным, в том числе, парламентским путем) в данных исторических обстоятельствах не приходилось и мечтать. Кроме всего этого, социализм не сохранил и не развил капиталистическую технику (технологии). Это видно по низкой производительности труда в социалистической экономике.

По тому же учению Маркса, **религия** играла в свое время прогрессивную роль. Но поскольку христианство начало и продолжало активно поддерживать феодальный, а затем, в меньшей, но ощутимой степени, капиталистический строй (и, прежде всего, поскольку Бога нет согласно атеистической философии религии Л. Фейербаха, в которой он учил о том, что наивысшим существом является не мнимый Бог, а само человечество), религия становится реакционным фактором, особенно в переходную от капитализма к социализму фазу и далее. В частности, религия примиряет человека с судьбой. Долгом же всех прогрессивно мыслящих является борьба за наступление царства социализма и коммунизма.

Однако, по Марксу, прямые гонения на религию вредны, ибо действие вызывает противодействие. Религия и идеалистическая философия должны будут отмереть сами собой. Тогда закончится период «самоотчуждений человека». Коммунизм означает устранение чуждого человеку капиталистического труда и возвращение человека к

¹¹⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 316-318.

¹¹⁹ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М., 1996. – С. 427.

своей истинной сущности, которой является коллективный труд без эксплуатации человека человеком.

Западная религия на самом деле приобрела рациональную форму, форму юридическую. Юридическое западное христианство (историческое христианство) критиковалось многими русскими философами, но речь шла не об отмирании религии, а о возрождении истинного духа христианской религии.

Ленин дал марксизму особое, роковое направление и не только в своей революционной стратегии, но и в философском отношении.

Оставаясь на словах (и во многом в действительности) верным Марксу, Ленин по существу оторвался от классического марксизма и открыл в его истории новую страницу... Новое заключается, главным образом, в следующем:

1. Желая оставаться верным Марксу и Энгельсу, Ленин, однако, значительно упростил философию марксизма. В Марксе, и менее в Энгельсе, еще живо было наследие немецкого идеализма, хотя они и отвергали это наследие. Например, мысль Маркса о том, что коммунизм восстановит «истинную сущность человека», звучит в духе идеализма, а не материализма. Ленин же вытравил из марксизма те остатки идеализма, которые в нем еще содержались, и ценой этого обеднения марксизма сделал его стопроцентно материалистическим.

2. В области диалектики Ленин завершил тот упор на антитезис, в ущерб синтезу, который содержался уже у Маркса. Так, Ленин прямо говорит, что... противоречие есть главное в диалектике, синтез же носит временный, преходящий характер. Не философские, а политические соображения привели Ленина к этой абсолютизации антитезиса, если мы вспомним, что антитезис, отрицание есть философский прообраз разрушения или, конкретно говоря, тоталитарной революции.

3. В области философии истории явно новым в ленинизме является учение *о примате политики над экономикой*, по крайней мере в переходные социальные периоды (вспомним, что согласно классическому марксизму, политика есть лишь активизированное выражение экономики). Именно утверждение примата политики над экономикой было тем козырем, которым Ленин бил противником, когда ему указывали на то, что Россия экономически, индустриально, еще не созрела для социализма.

4. С этим тесно связан знаменитый ленинский тезис о «партийности философии», дающий ленинистам фактически право на необъективность.

Маркс, Энгельс и даже Плеханов говорили о социальных классах как о борющихся между собой социальных реальностях, политические

же партии были для них лишь активными выразителями классовых интересов. Но под рукой Ленина партия из средства превратилась в самоцель. Вспомним, сколько трудов, пота и злобы вложил он в создание коммунистической партии, как он не побоялся пойти на брюссельско-лондонский раскол, разделивший русскую социал-демократию на большевиков и меньшевиков, и как агрессивно боролся он не только против внешних противников, но и против всяческих уклонов в партии.

И философия, по Ленину, должна быть партийной, иначе она вырождается в культ чистой мысли, или, говоря его языком, впадает в «ложный объективизм». На естественный вопрос о том, как это совместимо с объективностью, не ложной, а настоящей, Ленин дает много ответов. Но суть этих ответов сводится к тому, что сам исторический процесс имеет, так сказать, врожденную тенденцию к коммунизму, или, выводя мысль Ленина на чистую воду, что сама история партийна.

Эти четыре элемента – стопроцентный материализм, примат антитезиса над синтезом в диалектике, примат политики над экономикой и принцип «партийности философии» – исчерпывают собой новизну ленинизма по сравнению с классическим марксизмом.

Отсюда становится понятным, почему Ленин, которого Плеханов упрекал ранее в «равнодушии насчет философии», с такой рьяностью принялся за чтение Гегеля, Маха и Авенариуса, когда обнаружилось, что значительная часть интеллектуальной элиты большевистской партии, в том числе Богданов, Валентинов и Луначарский, сделали попытку поставить марксизм на философскую базу неопозитивизма, заменив ею догматический, как они утверждали, материализм.

Засев за источники, Ленин написал в 1908 году свой «Материализм и эмпириокритицизм», в котором он дал гневную отповедь «философским ревизионистам».

Здесь невозможно удержаться от краткого отклонения в сторону: в «Философских тетрадах» Ленина, на полях той гегелевской страницы, где Гегель писал об Абсолютной Идее как метафизическом псевдониме Господа Бога, Ленин сделал такого рода пометку: «Бога стало жалко! сволочь идеалистическая!»

Обобщая, можно сказать, что Ленин построил классический марксизм в боевой порядок, внося поправки там, где это диктовалось соображениями воинствующего панполитизма¹²⁰.

¹²⁰ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – С. 428-430.

7.4. История как технологическая модернизация

Книга «Стадии экономического роста» **У.У. Ростоу**, известного американского экономиста и социолога, которая имеет характерный подзаголовок: «Некоммунистический манифест», была задумана как антимарксистская доктрина, но она мало отличается от построений Маркса.

Здесь та же схема однолинейного прогрессивного развития, только вместо формаций употребляется слово «стадия». И стадий также пять:

1-я стадия — традиционное общество, включает в себя всю историю человечества от его зарождения до возникновения капитализма. Здесь господствуют аграрное производство, «доньютоновская наука и техника», власть находится в руках тех, кто владеет землей;

2-я стадия — переходное общество. Появляются научные открытия и изобретения, способные повлиять на производство; формируется предприимчивое инициативное меньшинство, которое переводит общество на рельсы промышленного развития. Складываются нации, и начинается бурное оживление национализма. В Европе это период европейских буржуазных революций XVII—XVIII вв.;

3-я стадия — сдвиг (или промышленная революция). Происходит быстрое накопление капитала, ускоренное развитие ведущих отраслей промышленности. Первыми в эту стадию вступила Англия в конце XVIII в., Франция и США — в середине XIX, Германия во второй половине XIX в., Россия в 1890—1914 гг., Индия и Китай в 1950-е гг.

4-я стадия — стадия зрелости. Значительно увеличивается национальный доход, бурно развивается автомобиль- и судостроение, станкостроение. Общество демонстрирует, что оно может производить все, что захочет. В Англии этот период был достигнут к 1880 г., в США — к 1900 г., в России — к 1950 г.

5-я стадия — стадия массового потребления. Внимание сосредоточивается на проблемах потребления и росте благосостояния населения: медицина, отдых, удобное и просторное жилье, высокий уровень комфорта. Возникает общество «всеобщего благоденствия», в которое в 1970-х гг. вступили США, а позже ФРГ, Япония и некоторые другие страны.

Вся история сводится у Ростоу к истории совершенствования техники, к технологическому прогрессу (технологической модернизации). Согласно теории модернизации, дверь к богатству открыта для всех. Поскольку технологический прогресс распространяется по всему миру, все страны должны развиваться в промышленном отношении.

Согласно теории модернизации, странам с высоким уровнем доходов отводится четыре важные роли в глобальном экономическом развитии.

1. Помощь в контроле численности населения. Поскольку прирост населения наиболее велик в самых бедных странах, он может опережать успехи в экономике. Богатые нации могут помочь ограничить прирост населения, экспортируя технологию ограничения рождаемости и способствуя ее использованию. С началом экономического развития уровень рождаемости должен понизиться, как это произошло в промышленно развитых странах, поскольку иметь детей становится экономически невыгодно.

2. Увеличение производства продовольствия. Богатые страны могут экспортировать высокотехнологичные методы ведения сельского хозяйства в бедные государства и, таким образом, повысить производительность сельскохозяйственного производства. Подобные методы, в целом называемые «зеленой революцией», означают посев семян новых гибридов, современные методы ирригации, внесение химических удобрений и пестицидов.

3. Внедрение индустриальной технологии. Богатые страны также способны ускорить экономическое развитие в бедных, снабжая те машинами и информационной технологией, что повышает производительность труда. Кроме того, в результате индустриализации рабочая сила перемещается из сельского хозяйства в промышленность и сферу обслуживания.

4. Предоставление иностранной помощи. Инвестиционный капитал, каким располагают развитые страны, может повысить шансы бедных обществ на подъем экономики, согласно модели Ростоу. На иностранную помощь можно купить удобрения и финансировать ирригационные проекты, которые увеличивают производительность сельского хозяйства. Финансовая и техническая помощь также позволит строить электростанции и фабрики, чтобы увеличить объемы промышленного производства...

Теория модернизации имеет много влиятельных сторонников среди социологов... Кроме того, в течение многих десятилетий она формировала внешнюю политику США и других развитых стран. Ее сторонники указывают на быстрое экономическое развитие в Азии – включая Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг – как на доказательство того, что рост благосостояния, сопровождавший индустриализацию в Западной Европе и Северной Америке, возможен повсюду.

Но, во-первых, представители социалистических стран (и западные аналитики, придерживающиеся левых взглядов) резко критикуют

теорию модернизации как завуалированную защиту капитализма. По мнению критиков, ее самый серьезный недостаток заключается в том, что в большинстве бедных стран модернизация не произошла. ООН недавно сообщила, что жизненный уровень во многих странах, в том числе на Гаити и в Никарагуа (Латинская Америка), Судане, Гане и Руанде (Африка), фактически ниже, чем в 1960 г. ...

Во-вторых, теорию модернизации критикуют за то, что она не может объяснить, каким образом самые богатые страны, которым выгодно существующее положение, часто блокируют путь бедных стран к развитию. Критики обвиняют первые в том, что столетия назад они добились промышленной мощи, используя свою *силу* в мире. Следует ли сегодня ожидать промышленный рост в бедных странах, если они *слабы*?

В-третьих, продолжают критики, в теории модернизации богатые и бедные общества рассматриваются как отдельные миры и игнорируется роль международных отношений. Прежде всего, именно колонизация повысила благосостояние Европы. Она была экономическим золотым дном для европейских наций, но страны Латинской Америки и Азии до сих пор не могут оправиться от этого.

В-четвертых, критики утверждают, что теория модернизации выставляет наиболее развитые в мире страны как стандарт для всего человечества, будучи этноцентрически предвзятой. Следует помнить, что, придерживаясь нашей западной концепции «прогресса», мы разрушили окружающую среду во всем мире и безрассудно увязли в конкуренции и практицизме.

И наконец, в-пятых, теория модернизации вызывает критику за утверждение о том, что в глобальной бедности почти полностью повинны сами бедные общества. Критики расценивают такую позицию как обвинение жертв в их собственном тяжелом положении. Вместо того, утверждают они, анализ глобального неравенства должен сосредоточиться на действиях и беднейших, и богатых наций»¹²¹.

7.5. Концепции циклического развития, культурологический подход Шпенглера

Освальд Шпенглер (1880-1936), автор работы «Закат Европы», – один из первых мыслителей, предложивших совершенно новую схему интерпретации истории. Никакой единой истории человечества нет, линейная схема: Древний мир – Средние века – Новое и Новейшее время не выдерживает критики. Если взять Древний Рим, то там были и Средние века, и Новое время, был свой феодализм и свой капитализм.

¹²¹ Масионис Дж. Социология. – СПб., 2004. – С. 417-418.

Город Рим начала нашей эры – это крупный город с многоэтажными домами, с лифтом (поднимавшимся вручную), с водопроводом, с газетами (Шпенглер приводил объявление в одной из газет, что какой-то царек из Северной Африки снимет квартиру на 4–5-м этаже в центре Рима), с крупными фабриками. Это типичный Нью-Йорк XX в., только со своим национальным колоритом и уровнем развития техники.

Мировая история может быть понята только как совокупность соседствующих и чередующихся, различных локальных культур.

Культура – совокупность религии, традиций, материальной и духовной жизни. Нет единой истории, но есть целый ряд замкнутых в себе культур. И между ними нет никакой преемственности.

Эти культуры в своем развитии подчинены жестким, но постижимым закономерностям, проходя стадии зарождения, развития, расцвета и упадка, что составляет концепцию исторических циклов.

Шпенглер насчитал восемь культур в человеческой истории:

- I. Египетская.
- II. Индийская.
- III. Вавилонская.
- IV. Китайская.
- V. Греко-римская (аполлоническая).
- VI. Византийско-арабская (магическая).
- VII. Западноевропейская (фаустовская).
- VIII. Культура майя в Америке.
- IX. Ожидается рождение девятой — русско-сибирской культуры.

Каждая культура – это организм, имеющий свой срок жизни, примерно тысячу лет. Каждая культура имеет свою душу, которая определяет отношение к миру, к прошлому, к смерти, к месту человека во Вселенной и т. п. При этом Шпенглер рассматривает каждую культуру как живой организм. Каждая из них возникает, развивается, стареет и умирает. Каждая культура, по Шпенглеру, зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния детства человечества пробуждается великая душа. Культура расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она привязана наподобие растения. Такая концепция получила название «биологической философии истории».

Шпенглер наиболее подробно анализирует три души:

1. Аполлоническая душа – это душа античного времени. Для древнего грека и мир, и он сам, и боги, и атомы — это все тела. Человек есть прекрасное тело. В этом теле все снаружи: красота, мощь, ум. Древние греки жили целиком в настоящем, то, что прошло, для них уже не существовало. У греков и архитектура телесна: внутренность храма легко обозрима одним взглядом. Для античного человека подлинная

жизнь совершалась не за стенами зданий и не в собственной душе, а на просторе площадей.

2. Фаустовская душа. С крушением античного мира и появлением христианства умирает аполлоническая душа и появляется фаустовская душа, душа западноевропейской культуры, западного человека. Главным элементом всего окружающего стало пространство, чистое беспредельное пространство. Вместо скульптуры и античной пластики появляется иконописный лик – не объемное тело, но лицо, с которым смотрящий встречается глазами и вступает в молчаливый разговор. У фаустовского человека появляется богатая внутренняя жизнь. Переход от аполлонической души к фаустовской – это переход из пространства внешнего мира в пространство внутреннее. Но и внешнее пространство западного человека – бесконечные просторы мира, бесконечное прошлое позади нас, обостренное чувство истории. Только у европейцев появляется чувство покинутости. Античный человек никогда не знал этого чувства.

3. Магическая душа. В византийско-арабской культуре, в отличие от фаустовского чистого пространства и античного тела, главным элементом является пространство пещеры. Это особое магическое пространство. Здесь постоянно идет борьба света и тьмы, добра и зла, Бога и сатаны. Эта душа наиболее ярко проявилась в эпоху возникновения христианства. Не только мировое пространство магической души, но и мировое время, имеет форму пещеры. Из этого убежденность, что «всему свое время» – от пришествия Искупителя, час которого записан в древних текстах, до будничных дел. Перед лицом этой убежденности кажется бессмысленной и непонятной постоянная спешка западного человека, которому всегда не хватает времени. У магического человека все записано в звездной книге, и по ходу планет можно заключить о ходе вещей. Отсюда и учение о конце мира. Чувство пещеры требует обозримой истории с началом и концом мира, которые одновременно и начало, и конец человечества. Магическая душа создала свою особенную и неповторимую культуру, которая в большей своей части для нас загадочна и непонятна.

Культура умирает после того, как осуществит все свои возможности. Всякая культура, как и человек, переживает разные возрасты. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Старость — это переход культуры в цивилизацию. Это закат, близящаяся смерть культуры.

Культура – это организм, естественное состояние, а цивилизация – это состояние искусственное, образовавшееся из организма при его застывании. Когда цель достигнута, и вся сумма возможностей реализована в виде языков, народов, религий, искусств, государств,

наук, культура застывает, отмирает, она становится цивилизацией, эпохой застоя и окостенения, в которую создание великих творений духа (искусства, наук, религии, философии) невозможно. На этапе цивилизации культура способна лишь вырабатывать технику и организацию, что позволяет ей даже увеличить собственное могущество. Но могущество это эфемерное, и за ним следует крах цивилизации и впадение культуры в состояние, названное Шпенглером «феллахство» (это состояние предшествует рождению культуры и поглощает ее останки после ее краха, от «феллах» – беднейший египетский крестьянин). Культура в состоянии «феллахства» как сухое дерево еще столетия может топорщить свои гнилые сучья, перед тем как рухнуть окончательно.

Переход от культуры к цивилизации протекает в античности в IV в., на Западе – в XIX в. Основные признаки цивилизации:

1. Появление мировых городов. В эпоху цивилизации ареной больших духовных решений становится не вся страна, а три или четыре мировых города.

2. Появление городской массы. Народом теперь считается городское население, неорганическая масса, нечто текучее. Это новый кочевник, паразит, житель большого города, абсолютно лишенный традиций, человек фактов, без религии, бесплодный, полный глубокого отвращения к крестьянству.

3. Деньги в качестве неорганического абстрактного фактора. Дух денег проникает во все сферы существования народов, главной становится имущественная обеспеченность.

4. Мировые войны за передел мира, больше, свойственные нашему времени, европейской цивилизации.

5. Каждой цивилизации свойственны специфические религии, религии искусственные, свидетельствующие об увядании культуры. В Индии это был буддизм, в Древней Греции — стоицизм, в Европе — социализм.

Хотя книга Шпенглера и называется «Закат Европы», в ней он попытался проследить судьбу любой культуры. Шпенглер уверен, что созданные им учение и метод столь же точны, как и естественные науки, могут быть применены для анализа историографического материала, а также и для анализа сегодняшнего состояния европейской культуры, и, более того, для выработки достоверных прогнозов на будущее. Исходя из этого, Шпенглер и предпринимает анализ современного положения европейской культуры.

И этот анализ удручает. Все достижения технического развития Нового и Новейшего времени наводят Шпенглера на мысль о том, что европейская культура вступила уже в фазу цивилизации. А это фаза

упадка, за которой следует распад. Именно отсюда и название книги — «Закат Европы»...

7.6. Историческая концепция Тойнби

Английский историк XX века Арнольд Дж. Тойнби (1889—1979) – один из крупнейших философов истории XX века, автор «A Study of History» («Постижение истории»), двенадцатитомного труда, посвященного генезису, росту и распаду культур и цивилизаций. В отличие от Шпенглера, который считал, что описание истории как линейного поступательного движения к единой цели является неправомерным (Шпенглер писал: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории ... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, ... и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть»¹²²), Тойнби стоял на позиции непрерывного поступательного движения человечества, представленного как развитие отдельных локальных цивилизаций. Теория Тойнби может считаться кульминационным пунктом в развитии теорий «локальных цивилизаций».

Английский культуролог начинает свое исследование с утверждения, что истинной областью исторического анализа должны быть общества, имеющие как во времени, так и в пространстве протяженность большую, чем национальные государства. Они называются «*локальными цивилизациями*».

Тойнби ставит перед собой задачу постижения действующих сил мировой истории, которые способны как породить цивилизацию, так и уничтожить ее. Рассматривая исторический путь Англии, Тойнби отмечает, что многие события национальной истории, оказываются не постигаемыми в отрыве от истории стран, с которыми Англия была связана. А это означает, что единицей анализа для историка должна быть сущность более высокого порядка. Такую сущность Тойнби определяет как «цивилизацию».

Цивилизации существуют как целостные в социокультурном отношении и ограниченные в пространстве и времени человеческие общества. Они находятся между собой в достаточно сложных отношениях.

Западная цивилизация не единственная в мировой истории. Тойнби насчитывает всего 21 (а включая цивилизации-спутники и застывшие цивилизации – 37), и именно их рассматривает как основной

¹²² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Минск, 1998. – Т. 1. – С. 29.

структурный элемент мировой истории. Тойнби анализировал не только древние цивилизации, но и цивилизации, которые являлись их истоками. Например, индскую, породившую индийскую цивилизацию, андскую, породившую древние цивилизации Северной и Южной Америки, и т.д. Он различает цивилизации первичные, которые зародились на основе примитивного общества, вторичные и третичные, которые последовательно развились из этих цивилизаций. Каждая цивилизация проходит у Тойнби пять стадий: рождение, рост, надлом, распад и гибель.

Тойнби не только был продолжателем идей Шпенглера, но значительно развил концепцию циклического развития истории, он делил все цивилизации на три вида:

I. Расцветшие.

II. Неразвившиеся.

III. Застывшие.

Эскимосы, кочевники относятся у Тойнби к застывшим цивилизациям, они максимально приспособились к внешней среде, и у них не было больше стимула развиваться дальше. То же самое произошло и со Спартой.

Самым ярким примером роста цивилизации является западноевропейская цивилизация. Впервые за всю свою историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общественное образование распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность Земли.

Тойнби стремится к постижению всей истории в целом, и для этого исследует ее отдельные части. Тремя ключевыми компонентами генезиса цивилизаций, являются универсальное государство, вселенская церковь и движение племен. Наличие этих компонент позволяет говорить о существовании цивилизации. Однако цивилизации не возникают сами по себе; необходима особая историческая ситуация для того, чтобы состоялось ее развитие. Подобную ситуацию Тойнби обозначает как ситуацию «Вызова-и-Ответа».

Вызов — это такая ситуация, при которой существование данного общества оказывается под некоей угрозой. Вызов может быть самым различным. Наличие Вызова обязательно для начала генезиса новой цивилизации, и без него спонтанного развития цивилизации не происходит.

Каждая цивилизация начинается с Ответа на Вызов — природной и человеческой среды. Тойнби для иллюстрации этого положения рассматривал происхождение египетской цивилизации.

Много тысяч лет назад сильное потепление в Северной Африке, привело к иссушению земель, появилась пустыня Сахара. Общины

охотников и собирателей, не изменив в ответ на вызов ни своего местопребывания, ни своего образа жизни, поплатились полным вымиранием.

Но были общины, которые ответили на вызов засухи изменением родины и образа жизни. Они, вдохновляемые храбростью или отчаянием, шагнули в гиблые болота вокруг реки Нил и превратили их в благодатные земли Египта. Подобное можно было бы увидеть в Древней Греции. Ранее древние греки, жившие в Аттике, занимались скотоводством. Но когда пастбища Аттики высохли, а обрабатываемые угодья истощились, народ перешел от животноводства и земледелия к возделыванию оливковых плантаций, афиняне стали менять его на скифское зерно. Масло наливали в глиняные кувшины и транспортировали по морю, а это стимулировало гончарное производство и развивало искусство мореплавания. Начали разрабатывать и серебряные рудники, потому что торговля требовала денег. Таким образом, афиняне во сто крат приумножили свои богатства.

Но часто вызов приходит и от общества. Подобные явления происходили и в истории России. В XVI в. Польша и Швеция нанесли России мощные удары. Поляки в 1582 г. оккупировали Смоленск, а с 1610 по 1612 гг. удерживали Москву. По договору 1617 г. Россия лишалась доступа к Балтийскому морю. Все это, согласно Тойнби, глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в новой агрессивной политике Петра I, его модернизации страны, привело к новым завоеваниям.

Возможна ситуация, когда Вызов, предложенный природой или людьми, останется без Ответа. Это означает, что данное общество или прекращает свое автономное существование, становясь частью другого целого, или погибает, не оставляя о себе исторического следа.

Такова судьба цивилизации майя. Материальные плоды неустанных трудов древних майя практически пропали. Единственными памятниками былой цивилизации, являются руины некогда грандиозных построек. Теперь они прячутся в глубинах тропического леса, памятники, которые были когда-то свидетельством победы человека над природой. Но человек не смог предотвратить возвращение леса, который поглотил поля, площади и дома, добрался до дворцов и храмов.

Каков же механизм выработки Ответа? Тойнби полагает, что ключевая роль принадлежит творческому меньшинству, создающему Ответ, а также мимесису, социальному подражанию, благодаря которому Ответ становится достоянием нетворческого большинства. В примитивном обществе мимесис ориентирован на старшее поколение,

на образы предков, а в современных, обществах эталоном становится творческая личность, лидер, прокладывающий новый путь. Александр Македонский, Иисус Христос, Будда, Карл Великий, Петр I, Наполеон и др. – это были лидеры, вызывавшие социальные движения. Их энергия заражала массы и давала толчок грандиозным преобразованиям в истории. Активное меньшинство – дрожжи в общем котле человечества.

Цивилизации, следовательно, живут и растут до тех пор, пока:

а) творческое меньшинство способно давать адекватные Ответы на новые Вызовы;

б) нетворческое большинство будет иметь волю к продолжению мимесиса.

Итак, Вызов и Ответ находятся у истоков цивилизаций. Нет никакой исходной для всех цивилизаций отеческой культуры; все цивилизации равно должны были пройти все этапы исторического пути культурогенеза. Различие заключается лишь в том, насколько адекватный Ответ был найден каждой культурой на предъявленный ей Вызов.

Часто вызов, остающийся без ответа, повторяется вновь и вновь. Неспособность того или иного общества в силу утраты творческих начал ответить на Вызов лишает его жизнеспособности, приводит к гибели.

Наша современная цивилизация, все современное человечество, стоит сейчас перед Вызовом: гибнет природа, растут силы агрессии и насилия. Тойнби считал, что еще есть надежда, что человечество сумеет найти достойный Ответ на этот Вызов.

Распад начинается с загнивания творческого меньшинства. У растущего общества творческое меньшинство постоянно изменяется и по составу, и по убеждениям. Правящее меньшинство распадающегося общества, наоборот, становится замкнутой группой, чьи идеи и идеалы становятся «вечными», окостеневшими законами. Вызов, который получает распадающееся общество, в результате косности правящего меньшинства остается теперь без Ответа. Вернее, оно отказывается отвечать на Вызов и даже не замечает или старается не замечать его.

Разлагающиеся общества формировали внутренний пролетариат. У Тойнби это понятие означает маргинальные группы, это скорее состояние души, чем место в обществе. Истинными признаками пролетария являются не бедность и низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, вызываемое тем, что у него нет твердого места в обществе, что он никому не нужен и никто не собирается о нем заботиться. В пролетариат входят также беженцы из бывших колоний, разорившиеся свободные крестьяне, ремесленники, аристократы, рабы. В разваливающемся обществе внутренний

пролетариат выходит на сцену, поднимает восстания, крушит все, что можно сокрушить.

Всякая растущая цивилизация неизбежно распространяется вширь, захватывает новые земли, образует колонии, народ которых часто приветствует освободителей как носителей более прогрессивного строя.

Но как только общество начинает загнивать, на периферии страны, в колониях, на окраинах поднимает голову «внешний пролетариат».

В эпоху распада, кажется, сама природа усиливает тенденции крушения: землетрясения, эпидемии, разрушительные ураганы, техногенные катастрофы (взрывы на атомных станциях, гибель пароходов и самолетов) – постоянные спутники заката цивилизации.

Однако никакая цивилизация не погибает полностью. В ее рамках зарождается, как куколка, новая культура, чаще всего в виде новой религии. Этот процесс Тойнби называл трансфигурацией и считал его единственным вариантом выхода из кризиса. Так, на окраинах Римской империи зародились первые христианские общины, которые, в конце концов, дали начало совершенно новой, христианской цивилизации.

С предложенной А. Тойнби теорией «*локальных цивилизаций*» согласны далеко не все исследователи. Наиболее развернутая критика содержится в трудах П.А. Сорокина (1889—1968). По его мнению, достаточно спросить, насколько достоверна общая схема теории подъема и упадка цивилизаций, как оценки сразу меняются. П.А. Сорокин считает, что, несмотря на поразительную эрудицию, А. Тойнби обнаруживает либо незнание, либо сознательное пренебрежение многими социологическими трудами, да и знание истории у него неровно. Оно превосходно в отношении эллинской (греко-римской) цивилизации, но значительно скромнее в отношении других цивилизаций. Его знакомство с накопленным знанием по теории искусства, философии, точных наук, права и некоторых других тоже не всегда достаточно.

По мнению П.А. Сорокина, труд А. Тойнби имеет два коренных дефекта, относящихся не к деталям, а к самой сердцевине его философии истории: во-первых, цивилизация, избранная Тойнби в качестве единицы исторического исследования, во-вторых, концептуальная схема генезиса, роста и упадка цивилизаций, положенной в основу его философии истории.

Под цивилизацией А. Тойнби имеет в виду не просто область исторического исследования, а единую систему, или целое, части которого связаны друг с другом причинными связями. Поэтому, как во всякой такой системе, в его цивилизации части должны зависеть друг от друга и от целого, а целое — от частей. Он категорически утверждает вновь и вновь, что цивилизации суть целостности, чьи части все

соответствуют друг другу и взаимно влияют друг на друга. Одной из характерных черт цивилизации в процессе роста является то, что все аспекты и стороны ее социальной жизни координированы в единое социальное целое, в котором элементы экономики, политики и культуры удерживаются в тонком согласии друг с другом внутренней гармонией растущего социального организма.

Как показывает П.А. Сорокин, цивилизации, с точки зрения А. Тойнби, суть реальные системы, а не просто скопления, агрегаты и конгломераты феноменов и объектов культуры (или цивилизации), смежных в пространстве и времени, но лишенных какой-то бы ни было причинной или другой осмысленной связи.

Можно согласиться с П.А. Сорокиным в его критике чисто поэтической метафоры А. Тойнби: цивилизация – это нечто вроде живого тела. Но он, пожалуй, не прав, отрицая всякое единство исторически реальной цивилизации. Ошибочно приняв различные скопления (агрегаты) за системы, Тойнби начинает трактовать цивилизации как виды общества с их единообразием в их генезисе, росте и упадке.

Очевидно, не прав А. Тойнби и в том, что признал старую, идущую от Флоруса к О. Шпенглеру концептуальную схему «генезис—рост—упадок» единообразной моделью развития цивилизаций. Эта концепция основана на простой аналогии и представляет собой не теорию реальных изменений общественно-культурных фактов, а оценочную теорию общественно-культурного прогресса, подсказывающую, как феномены культуры должны изменяться. Это становится явным уже в формулах «роста» и «разложения», где господствуют нормативные понятия прогресса и регресса, а формулы реальных изменений исчезают.

Из такой теоретической схемы закономерно вытекают фактические и логические погрешности в философии истории А. Тойнби. Прежде всего, надо сказать о его классификации цивилизаций. Многие историки, антропологи и социологи отвергают её как произвольную, лишенную ясного логического критерия выбора. Некоторые христианские цивилизации трактуются как отдельные и различные (Западная Европа, Византия, Россия). А. Тойнби рассматривает православие и католичество как две различные религии, а конгломерат различных (религиозных и других) систем объединяет в одну цивилизацию. Между тем, даже великие культурные и вероисповедные сдвиги лишь увеличивают многообразие в единстве цивилизации, если носителями различий оказываются народы, представляющие для внешнего мира и для самих себя все то, что и прежде, вычлененное в ойкумене культурное пространство. Конфессиональный разрыв

протестантов с католицизмом был намного радикальнее догматических и обрядовых особенностей, некогда разведших Восточную и Западную церкви. Но первый лишь модифицировал цивилизации Запада, вторые же, по словам Ф.И. Тютчева, санкционировали именно расхождение двух «человечеств».

Спарта произвольно вырвана, по мнению П.А. Сорокина, из остальной эллинской цивилизации, тогда как римская цивилизация объединена с греческой... Полинезийская и эскимосская цивилизации, или «*подцивилизации*» (в одном месте Тойнби утверждает, что они были живорожденными цивилизациями; в другом – что они остались на уровне «*подцивилизации*» и никогда не достигли уровня цивилизации), рассматриваются как отдельные цивилизации по племенному признаку, тогда как все кочевники всех континентов объединены в одну цивилизацию, и т.д.

А. Тойнби называет часть цивилизаций то «*мертворожденными*», то «*застылыми*», то «*окаменевшими*», то «*надломленными*», то «*разлагающимися*», то «*мертвыми и погребенными*». Согласно Тойнби, из 26 цивилизаций только одна западная еще, возможно, жива в настоящее время, а все остальные либо мертвы, либо полумертвы («*застыли*», «*окаменели*», «*разлагаются*»). Таким образом, в согласии с принятой схемой, цивилизации должны пройти через надлом, разложение и смерть. Тойнби остается или похоронить их, или объявить мертворожденными, «*застылыми*», «*окаменевшими*», или, наконец, – «*надломленными*», «*разлагающимися*». Но у А. Тойнби нет никакого ясного критерия, что такое в действительности смерть или надлом, возрождение или разложение цивилизации, он добровольно берет на себя роль могильщика цивилизаций.

Отважно следуя своей схеме, философ не смущается, что некоторые из его цивилизаций, какие, согласно схеме, должны бы давно умереть, после своего надлома живут века, даже тысячи лет, и теперь еще живы. Он выходит из трудностей простым изобретением термина «*окаменевшей*» цивилизации. Так, Китай окаменел на тысячу лет. (Как это совместить с нынешним динамизмом страны?) Египет – на две тысячи лет. Эллинская цивилизация либо разлагалась, либо каменела с Пелопоннесской войны до V в. н.э. Вся римская история – это непрерывное разложение, с начала и до конца. То же самое происходит и с другими цивилизациями. В концепции Тойнби цивилизации едва имеют право жить и расти. Если они не родились мертвыми, как некоторые из них, тогда они застывают. Если они не застыли, их ждет надлом почти сразу же после рождения, и они начинают разлагаться или превращаться в «окаменелость»...

Предыдущее объясняет, почему в труде А. Тойнби так мало анализируется стадия роста цивилизаций. Есть только крайне расплывчатые утверждения, что на этой стадии существует творческое меньшинство, успешно встречающее все вызовы. Нет ни классовой борьбы, ни войн между народами и государствами, и все идет отлично, становится все более и более возвышенным. Такая характеристика процесса роста его многочисленных цивилизаций явно фантастична.

Принять схему А. Тойнби значило бы согласиться с ним, что в Греции до 431–403 гг. до н.э. (надлом эллинской цивилизации, согласно Тойнби) не было никаких войн, революций, классовой борьбы, рабства, традиционализма, нетворческого меньшинства и что все эти бедствия появились только после Пелопоннесской войны. Кроме того, нам следует принять и другие моменты, например, что после этого в Греции и Риме творчество прекратилось, не было Платона, Аристотеля, Эпикура, Зенона, отцов церкви, Лукреция, научных открытий – ничего творческого. На какой же стадии находится западная цивилизация, так и не ясно, ведь позиция А. Тойнби двойственна. Во многих местах он говорит, что она уже испытала свой надлом и находится в процессе разложения, в других местах он отказывается вынести приговор. Но каким бы ни был его диагноз, западная цивилизация до XV в. рассматривается им в стадии роста. Если это так, то, согласно схеме, никаких революций, серьезных войн, никаких жестких и устойчивых классовых различий не должно было существовать в Европе до этого века.

XIII и XIV вв. – наиболее революционные (до XIX–XX вв.) в истории Европы. Крепостничество и другие классовые различия были жесткими и устойчивыми, и было множество войн – больших и малых... В итоге средневековое общество периода роста не обнаруживает множества черт, характерных для растущих цивилизаций. То же верно в отношении других цивилизаций. Это означает, что единообразия роста и упадка цивилизаций у А. Тойнби совершенно фантастичны и не основаны на фактах. П.А. Сорокин подчеркивал, что многие единообразия, на которые претендует Тойнби в связи со своей схемой, либо ложны, либо переоценены. Например, его единообразие негативной связи между географическим распространением цивилизации и ее внутренним ритмом; между войной и ростом; между прогрессом техники и ростом. В утверждениях Тойнби есть известная доля истины, но категоричность формулировок ошибочна.

Все цивилизации А. Тойнби – это сложные комплексы, которые распространяются на обширные территории и группы населения... Причем он предполагает, что такое распространение происходило мирно, без войны, благодаря невольному подчинению варваров

цивилизации. Такое утверждение опять-таки неверно. В реальной истории все цивилизации во время роста распространялись не только мирно, но и с помощью силы, насилия, войн. Кроме того, многие из них в период разложения сжимались, а не расширялись, и были миролюбивее, чем во время роста.

Вслед за О. Шпенглером А. Тойнби приписывает некоторым цивилизациям различные господствующие тенденции: эстетическую — эллинской, религиозную — индийской (долины Инда), механистически-техническую — западной (у других восемнадцати цивилизаций он таких господствующих влечений не обнаружил).

Очень сомнительны сами такие суммарные характеристики. Западная цивилизация не была господствующей примерно до XIII века, а с VI века по конец XII века движения технических изобретений и научных открытий почти не было. С VI в. по XVIII в. эта механическая цивилизация была сверху донизу религиозной, даже более религиозной, чем индийская или индуистская во многие периоды их истории... Предположительно эстетическая эллинская цивилизация не обнаруживала своего эстетического влечения до VI века до н.э. и, наоборот, выказала определенный научно-технический порыв между 600 г. до н.э. и 200 г. н.э. Арабская цивилизация, чью доминирующую черту А. Тойнби не подчеркнул, выказала исключительный порыв к научным и техническим занятиям в VIII–XIII вв., причем гораздо больший, чем западное общество в те же века. Все это значит, что приписывание, в духе О. Шпенглера и А. Тойнби, некоторой специфически вечной тенденции той или иной цивилизации, независимо от стадии ее развития, не соответствует фактам и вводит в заблуждение.

П.А. Сорокин создал более рациональную теорию цивилизаций. Как и М. Вебер, он отверг как *«редукционистские»* концепции культуры, которые были созданы его предшественниками. Культура — явление особого рода, значительно более сложное и совершенное, чем живой организм. Кроме того, она, по его мнению, не детерминируется экономикой напрямую.

7.7. Циклизм истории, вызываемый внутренними обществом факторами

Сорокин Питирим Александрович (21 января 1889 г., с. Турья Яренского уезда Вологодской губ. — 11 февраля 1968 г., Уинчестер, шт. Массачусетс, США) — русско-американский социолог и социальный мыслитель. С его именем связаны идеи: интегральной социологии, концепция социальной стратификации, теория социокультурной динамики.

Родился в России; с 1920 г. – профессор Петроградского университета. С 1922 г. – в эмиграции. С 1930 г. – профессор Гарвардского университета. Исторический процесс Сорокин рассматривал как циклическую смену основных типов культуры, в основе которых интегрированная сфера ценностей, символов.

Анализ исторического процесса есть анализ социальной жизни данного общества. Наряду с факторами физических условий, такими, как климат, географическое положение, и др., важнейшим фактором, способным повлиять на ход исторических изменений, становится стабильность или распад культурной сверхсистемы, определяющей доминантные черты поведения членов этого общества. Сорокин полагает, что люди, вступившие в систему социальных взаимоотношений, тогда становятся обществом, когда оказываются способными к выработке общественно приемлемых стереотипов поведения, основанных на нормах и ценностях, равнозначимых для всех, и каждое общество можно понять и описать только сквозь призму: «значения, нормы, ценности», эти элементы составляют основу системы, культурного качества.

Культурные качества остаются неизменными в спокойные периоды мировой истории и в годы бедствий и лихолетья. Ценностные системы можно свести к четырем императивным идеалам:

I. Идеал когнитивной, познавательной деятельности – **Истина.**

II. Эстетический идеал – **Красота.**

III. Идеал социального действия – **Добро.**

IV. Интегральный идеал социального целого – **Полезьа.**

Любая социальная активность может быть объяснена в этих универсальных категориях.

Таким образом, центральным понятием философии истории Сорокина становится понятие «ценность». Именно это определяет облик общества, типическое поведение его членов, а, в конечном итоге, его судьбу.

Сорокин отвергал экстерналистские теории влияния внешней среды, «механические и бихевиористские интерпретации ментальных и социокультурных феноменов». Если все внешние условия постоянны, изменения все равно неизбежны, они являются имманентным, неотъемлемым атрибутом любой социокультурной системы. Система содержит в себе зародыш, семя перемен. Внешние условия постоянны для семьи, государства, экономической организации, политической партии или любой другой социальной системы, то же самое предполагается для любой интегрированной системы искусства или науки, философии, религии, права, каждая из перечисленных социальных и культурных систем не остается неподвижной, им

имманентно предназначено изменяться для поддержания собственного существования и функционирования. Быстро или медленно система должна претерпеть трансформацию... Изменения укоренены в самой природе социальных систем.

В этом заключается суть принципа имманентных изменений. Влияние же внешних факторов не может изменить последовательность фаз развития системы, не может принудить систему перейти в состояние, потенциально ей не свойственное¹²³.

Основой концепции является рассмотрение общества и культуры как единого социокультурного феномена — суперсистемы. На базе огромного эмпирико-статистического изучения искусства, науки, религии и права Сорокин делает вывод о существовании трех основных суперсистем, периодически сменяющих друг друга в истории.

1. Идеациональная культура ориентирована на вечные ценности, главной ценностью в ней является Бог. Это религиозная культура. Церковь стоит у власти, господствует строгая дисциплина во всем обществе, искусство носит религиозный характер, все сюжеты живописи и литературы взяты из истории религии. Идеациональные культуры существовали в брахманской Индии, в Греции с VIII в. по конец VI в. до н.э., в Европе в IX–XII вв.

2. Чувственная культура ориентирована на материальные чувственные интересы, на удовлетворение материальных потребностей. Власть, как правило, принадлежит народу, господствует демократия. Войны, политические и финансовые кризисы, нищета, безработица, падение нравов – все это признаки чувственной культуры. Элементы этой культуры зародились еще в XVI в., но стали доминирующими в Европе с конца XIX в.

3. Идеалистическая культура является синтезом первой и второй культур, она берет все лучшее из них и является как бы самой «лучшей» культурой для развития и прогресса людей. Идеалистическая культура была в Греции в V–IV вв. до н.э., в XIII–XIV вв. в Западной Европе.

Существует также и четвертый тип культуры, характерный для эпохи упадка, где ценности трех основных типов сосуществуют, не образуя органической интеграции.

В настоящее время, считал Сорокин, наступил жесточайший кризис. Кризис отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов.

¹²³ Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998. – С. 160.

Ни Гитлер, ни Сталин, ни Саддам Хусейн, ни Хрущев и ни Брежнев не создали этот кризис. Наоборот, кризис создал их такими, каковы они есть, – его инструментами и марионетками.

Многие продолжают думать, что это обыкновенный кризис, подобный тем, которые уже не раз случались в западном обществе по нескольку раз в столетие.

Другие видят этот кризис в противопоставлении свободных демократических стран и стран тоталитарных. Встречаются даже такие «эксперты», которые сводят суть кризиса к конфликту «плохих людей» вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и «людей хороших», типа Черчилля или Рузвельта, – с другой.

Шпенглер считал, что данный кризис, разворачивающийся в Европе с начала XX в., – результат агонии западного общества и его культуры. Кризис вовсе не означает агонию западной культуры и общества. Нет закона, по которому каждая культура проходит стадии детства, зрелости и смерти – это все только биологическая аналогия.

Согласно Сорокину, все эти мнения о причинах кризиса неверны. Настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это не просто экономические или политические неурядицы – кризис затрагивает почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Утверждая, что современная культура переживает общий кризис, Сорокин связывал его с развитием материализма и науки и выход видел в развитии религиозной «идеалистической» культуры. Этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий, в разрушении преобладающей чувственной культуры. Мы живем и действуем, считал Сорокин, в один из поворотных моментов истории человечества, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется. Возникнет новая культура, скорее всего идеациональная, вновь возрастет роль религии в жизни общества. Время перехода отличается культурной поляризацией общества, когда часть людей «ментально и морально дезинтегрируется». Поэтому в такие эпохи на первый план выступает необходимость сплочения сил «позитивного полюса», способствующего сохранению системы ценностей, основанной на «чувстве нравственного долга и Царства Божия». Ускорить приход идеациональной культуры может распространение в мире идей альтруистической любви.

Никто сейчас точно не может предсказать форму следующей культуры. Древние говорили: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!» Но мы живем именно в такую эпоху – тревожную, страшную, полную потрясений и катаклизмов, но в то же время самую интересную эпоху за последние четыре тысячи лет.

Теория конвергенции, то есть сближения двух противоположных социальных систем – демократии западного образца и российского (советского) коммунизма, была выдвинута Сорокиным в 1960 году. Эссе, озаглавленное им «Взаимное сближение США и СССР к смешанному социокультурному типу» наделало немало шума, поскольку вышло в свет в годы, когда каждая из стран была абсолютно уверена в истинности собственной социальной системы и в беспредельной порочности ее у своего антагониста. С его точки зрения, на наших глазах разворачиваются два параллельных процесса – упадок капитализма (что связано с разрушением его первооснов – свободного предпринимательства к частной инициативы) и кризис коммунизма, вызванный его неспособностью удовлетворять элементарные жизненные потребности людей. При этом концепцию коммунистического общества Сорокин считает глубоко ошибочной. Экономика такого общества и его идеология есть разновидности тоталитаризма, к такому положению Россию привело кризисное состояние (в котором страна находилась перед революцией), завершившееся тоталитарной конверсией. Однако ослабление критической ситуации ведет к детоталитаризации общества, к восстановлению институтов Свободы. Следовательно, если в будущем удастся избежать кризисных состояний, то коммунистический режим в России неизбежно придет в упадок и рухнет, поскольку коммунизм может выиграть войну, но не может выиграть мир. Напомним, что это было написано в 1960 г., когда СССР являлся мощнейшим государством мира — и не только себе самому, но и своим врагам.

Суть конвергенции в том, что системы ценностей, права, науки, образования, культуры этих двух стран – СССР и США – не только близки друг к другу, но и как бы движутся одна навстречу другой, и конвергенция вполне может привести к образованию смешанного социокультурного типа.

Во многом независимо от Питирима Сорокина и на другой фактологической и методологической основе, к выводу о неизбежности конвергенции приходит академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Эта теория получила развитие в концепции Френсиса Фукуямы, американского ученого японского происхождения. Фукуяма, основываясь на теории конвергенции и исторических изменениях, происходивших в СССР, сделал вывод о том, что с крахом коммунизма как исторически значимой общественной системы, из мировой истории удаляется последнее глобальное противоречие, противоречие между двумя системами.

Мир становится монополярным, а это означает, что история лишается своей движущей силы, поскольку только глобальное

противоречие способно заставить вращаться колесо исторического процесса. И, несмотря на то, что локальные противоречия и локальные конфликты вполне возможны, глобальная, общемировая история должна прекратить свое развитие.

7.8. Человек и исторический процесс

Лев Николаевич Гумилев, (1912—1990), сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Будучи сыном «врага народа», расстрелянного по приговору ВЧК, он многие годы провел в лагерях и тюрьмах, его научные труды в области истории и этнологии в советское время практически не публиковались. Лишь во времена перестройки (идеи которой, кстати, он так до конца и не принял), его работы были изданы массовым тиражом, создан «Фонд Л. Н. Гумилева».

По мнению Л.Н. Гумилева, эволюция человечества продолжается благодаря пассионарным толчкам, которые были описаны как эмпирическое обобщение, объясняющее колебания этносферы. Гумилев считает, что причина возникновения пассионарного толчка имеет явно неземное происхождение. Так, оказалось, что все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо периодами ее спада. Гумилев использует данные американского астронома Дж. Эдди, который составил график солнечной активности за 5 тыс. лет и обнаружил, что деятельность солнца варьируется настолько, что даже 11-летний цикл активности солнечных пятен, строго говоря, не прослеживается (период колебаний меняется).

Предметным полем исследования исторического процесса Гумилев полагает не национальное государство, культуру или цивилизацию, а этнос. Этнос – это народ, обладающий самобытной культурой и создающий цивилизацию, это особая сущность, не сводимая к таким понятиям, как общество, раса или популяция. Этнос может быть подразделен на более мелкие единицы. Ключевым моментом при формировании этноса является комплиментарность, то есть неосознанная, существующая на подсознательном уровне, симпатия к одним людям и антипатия к другим. На уровне этноса комплиментарность перерождается в патриотизм.

Наиболее существенной характеристикой этноса является пассионарность. Пассионарность – это особая энергетическая характеристика общества, определяемая как «характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное, или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)». Цель эта представляется иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников.

Пассионарность имеет модусы – от гордости и тщеславия до ревности и алчности.

Гумилев убежден в том, что человек обладает собственным энергетическим полем, пассионарность, будучи формой энергии, должна вести себя так, как положено энергии – переходить в иные формы, формировать энергетические (пассионарные) поля, и т.д. Человек может обладать различной пассионарной энергией – высокой, низкой, качество это врожденное и не поддающееся никакой коррекции. Кроме того, уровень пассионарности может быть определен для этноса в целом – как сумма индивидуальных пассионарных полей.

Как энергетическая характеристика, пассионарность описывает лишь такие качества индивидов и этносов, как воля к достижению цели, социальная активность, способность убеждать и вести за собой, упорство и т.д. Пассионарность не определяет ни моральных; ни интеллектуальных, ни физиологических характеристик индивида.

Изменение уровня пассионарной энергии в обществе, то есть пассионарной напряженности описано Л.Н. Гумилевым в следующих терминах:

- на низком, субпассионарном уровне находятся люди и общества, неспособные удовлетворять и регулировать вожеления;
- на среднем – гармоническом уровне находятся люди и общества, состоящие в гармонии с окружающей средой и полностью к ней адаптированные;
- на высоком уровне пассионарного напряжения могут быть выделены следующие доминантные типы поведения:
 - 1) стремление к благоустройству без риска для жизни,
 - 2) поиск удачи с риском для жизни,
 - 3) стремление к идеалу знания и красоты,
 - 4) стремление к идеалу успеха,
 - 5) стремление к идеалу победы,
 - 6) жертвенность.

При этом система может развиваться как вверх (пассионарное напряжение растет), так и вниз (пассионарность падает). Для каждого из уровней пассионарности один из доминантных типов является основным. В обществе встречаются люди, находящиеся на иных пассионарных уровнях, но большинство пассионариев данного общества принадлежат к основному типу, определяя уровень пассионарной энергии этноса.

Уровень пассионарной энергии в этносе определяет его судьбу. Исходным состоянием общественной системы с низким уровнем пассионарности является гомеостаз, то есть, равновесие с окружающей

средой. Такое состояние этноса может продолжаться очень долго и нарушается в связи с пассионарным толчком.

Пассионарный толчок – резко ограниченная во времени и пространстве мутация, результатом которой является рождение детей, обладающих высокой пассионарной энергией — пассионариев, подрастая, они увеличивают пассионарный заряд этноса и изменяют его историческую судьбу.

Пассионарный толчок – явление достаточно редкое. Гумилев насчитывает их всего 9, произошедших на Евразийском материке, причем каждый из них породил и изменил историческую судьбу нескольких цивилизаций.

Они происходят на ограниченных зонах пассионарного толчка. Эти зоны близки к геодезическим линиям и четко ограничены во времени – мутации продолжаются всего год-полтора. За пределами зоны пассионарного толчка (ширина ее 200-300 км, длина может достигать многих тысяч километров) пассионарного всплеска не происходит.

Гумилев рассматривает четкую локализацию зон пассионарных толчков в пространстве и времени как аргумент в пользу космического происхождения сил, их породивших, пассионарные толчки вызваны к жизни либо солнечной активностью, либо излучением галактического происхождения. Сам он склоняется, ко второй гипотезе – так как космические лучи, отклоненные магнитным или гравитационным полем планеты, вполне могут быть сфокусированы в геодезические линии.

Гумилев выделяет следующие фазы в развитии этногенеза:

1. Фаза гомеостаза.

2. Пассионарный толчок, после пассионарного толчка, общество через 20-25 лет.

3. Вступает в фазу подъема – сначала скрытого, а затем явного. Фаза подъема продолжается около 300 лет, а пассионарная напряженность при этом возрастает с уровня гомеостаза до уровня, соответствующего стремлению к идеалу победы, количество пассионарной энергии нарастает. Общество при этом развивается сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Этнос, зародившийся в начале фазы подъема, в конце ее вступает на историческую арену.

4. Акматическая фаза, характеризующаяся прекращением роста пассионарной напряженности. Ее уровень все еще очень высок и колеблется от стремления к идеалу победы до жертвенности. Но дальнейшего роста и накопления потенциала уже не происходит. Система испытывает пассионарный перегрев. Общество, стремясь к самосохранению, «выплескивает» пассионарную энергию за собственные пределы. Начинается территориальная экспансия, и в ее процессе уровень пассионарной напряженности снижается. События

могут разворачиваться и по-другому, но этнос избавляется от избытка пассионарной энергии, «сбрасывая» ее в многочисленных войнах и конфликтах. Акматическая фаза также продолжается около 300 лет.

5. Фаза надлома, для которой характерно быстрое снижение пассионарной напряженности вплоть до уровня поиска удачи с риском для жизни. Эта фаза продолжается всего 150 лет. Уровень пассионарного напряжения при этом достаточно высок, и именно эта фаза впоследствии осознается как «золотой век». В это время получают свое наивысшее развитие науки, ремесла, искусства. Этнос становится уже настолько зрелым, что оказывается способным породить высокую культуру. В Европе фазе надлома соответствует эпоха Возрождения время, когда достижения высокой культуры уживались, со Святейшей инквизицией. Жизнь в этой фазе нестабильна, конфликты часты.

6. Инерционная фаза, когда уровень пассионарной напряженности колеблется, снижаясь с достигнутого ранее уровня до стремления к благоустроенности без риска для жизни. Эта фаза продолжается 300 лет, и главные изменения, связаны не с самим этносом, а с вмещающим его ландшафтом. Эта фаза характеризуется бурным ростом населения, что объясняется снижением пассионарной напряженности, прекращением войн и конфликтов. Резко увеличившееся в численности население столь же резко увеличивает нагрузку на природную среду, причем результаты часто оказываются катастрофическими.

7. Обскурационная фазы (лат. затемняющий; враждебное отношение к просвещению и науке). Число субпассионариев, бывшее примерно постоянным на всех фазах этногенеза, начинает увеличиваться в силу того, что снизившийся уровень пассионарного напряжения позволяет им конкурировать с остальными членами социума. Результатом является еще большее снижение пассионарности данного этноса, что приводит к социальному застою и культурному регрессу.

8. Этнос достигает уровня гомеостаза, на котором он находился около 1200 лет назад, в момент пассионарного толчка, далее события могут развиваться следующим образом:

- не удерживается на нем, и скатывается на субпассионарный уровень,
- регенерации этнического организма,
- существование в мемориальной фазе как реликт,

Таковы общие фазы процесса этногенеза, которые этнос проходит от зарождения через расцвет и до гибели.

А.Л. Чижевский (1897-1966) один из первых обратил внимание на такие факторы исторического процесса, как моры, засухи, эпидемии, роль войн в уменьшении численности населения, волнообразные

колебания климата. Чижевский считал, что «солнце не решает ни общественных, ни экономических вопросов, но в биологическую жизнь планеты оно безусловно вмешивается активно»¹²⁴, катализируя человеческую деятельность за счет изменений психофизиологического фона организма. Он установил связь с солнечной активностью таких феноменов, как эпидемии, психопатические массовые истерии, частота преступлений, частота несчастных случаев и т.д. Неблагоприятные в физиологическом отношении изменения окружающей среды усугубляют отрицательные моменты в жизнедеятельности людей: у части населения усиливается угнетенное состояние психики, обостряется раздражительность и негативные реакции, что с большой вероятностью ведет к негативным социальным последствиям. В литературе рассматривались солнечные и климатические циклы с периодом 5-6, 11, 22, 33-35 лет.

В марте 1918 г. Чижевский представил на историко-филологический факультет Московского университета диссертацию по всеобщей истории «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», в которой был собран и проанализирован материал по истории более 80 стран и народов человечества за 2500 лет. Статистический анализ исторических событий с участием народных масс показал, что в годы минимальной солнечной активности наблюдается минимум массовых движений (5 %) и, наоборот, в годы максимальной солнечной активности происходило более 60 % социальных катаклизмов.

В своей книге «Физические факторы исторического процесса» (1924) Чижевский делает вывод, что течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов с периодом 11 лет, синхронных с пятнообразовательной активностью солнца. В 11-летнем всеобщем историческом цикле Чижевский выделяет следующие четыре фазы: минимальной возбудимости (3 года); нарастания возбудимости (2 года); максимальной возбудимости (3 года); падения возбудимости (3 года).

Поворотные пункты всемирной истории, по Чижевскому, в основном попадают на третью, главную фазу цикла. Именно в этот период достигает максимума влияние вождей, полководцев, ораторов, прессы. Надо сказать, что подобные гипотезы высказывались и другими учеными. Так, историк и астроном Д.О. Святский обратил внимание на то, что периоды сильной солнечной активности были отмечены крупными общественными потрясениями. Одной из первых работ в

¹²⁴ Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., 1973. – С. 80.

данной области было исследование В Гершеля о связи солнечной активности и колебаний цен на зерно (1801 г.).

7.9. Концепции исторического развития К. Ясперса

Карл Ясперс (1883–1969), немецкий философ-экзистенциалист. В 1948 г. опубликует работы «Истоки истории и ее цель» и «Философская вера», где обращается к философско-исторической проблематике.

Ясперс в своей книге «Истоки истории и ее цель» дал следующую схему мировой истории:

1. Доистория, или «прометеевская эпоха» (возникновение речи, орудий труда, умения пользоваться огнем), когда человек только становится человеком.

2. Существовавшие тысячелетия великие культуры древности. Например, древнеиндийская, древнекитайская, древнеегипетская и т.д.

3. Осевое время, когда полностью формируется современный человек.

4. Научно-техническая эпоха, чье преобразующее действие мы сейчас испытываем на себе.

В мировой истории, согласно Ясперсу, было два «дыхания»:

1) первое ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями;

2) второе начинается с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества и, может быть, приведет к новому осевому времени, к подлинному становлению человека.

Об осевом времени Ясперс писал, что примерно за 500 лет до н.э., в истории произошел резкий поворот, как бы повернулась ось истории. Почти одновременно на Западе, в Китае и Индии возникли крупные философские школы, и появились великие мыслители. В Китае тогда жили Конфуций и Лао-Цзы, в Индии – Будда, в Иране – Заратустра, в Палестине – пророки Илия, Исая, Иеремия, в Греции – Парменид, Гераклит, Платон.

Но главная суть поворота заключалась в том, что человек начал осознавать себя стоящим перед всей целостностью мира. Раньше он видел только какой-то кусочек его, как небо над своей деревней или как свой маленький город. А тут мир распахнулся перед ним, и он увидел в нем себя, такого маленького, слабого, увидел свои границы и почувствовал всю беспредельность окружающего. Перед ним открылись ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставил радикальные вопросы, требовал освобождения и спасения. В осевое время произошло открытие того, что потом стало называться личностью. Человек выходит за пределы своего

существования, сознавая свое место в мире. Человек теперь уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя. Он способен слышать и понимать то, о чем до этого никто не спрашивал.

В осевое время люди впервые начинают ощущать, что в настоящем, начинается нечто исключительное, что настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Происходит пробуждение **исторического сознания**. Человеку начинает казаться, что он живет в конце истории, в период упадка.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей.

Народы, которые не восприняли идей осевого времени, остались на уровне «природного» существования: они изменяются, развиваются или деградируют, но все эти изменения совершаются очень медленно, кажется, что все эти народы спят, что их жизнь неисторична, подобно тому, как была неисторична жизнь людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков до осевого времени. В этом смысле развитие общества, по Ясперсу, многолинейно.

Мир для Ясперса фактическая действительность, данная во времени, и каждая историческая эпоха отличается от другой своей специфической ситуацией.

Рассматривая ход мировой истории, Ясперс, в отличие О. Шпенглера или А. Тойнби, полагает, что человечество имеет единое происхождение и единый путь развития, несмотря на кажущиеся отличия между отдельными обществами. Но он не согласен и с материалистическим толкованием истории, выработанным марксизмом, где определяющую роль в истории играют экономические факторы: по мнению Ясперса, история, как человеческая реальность, определяется факторами **духовной природы**; экономические же факторы, при всей их важности играют подчиненную роль. Таким образом, мировой исторический процесс, согласно Ясперсу, обладает выраженным единством и основан на примате духовного начала. Ясперс возвращается к христианской традиции философии истории, которая рассматривает историю как однонаправленный линейный процесс, имеющий начало и конец, причем кульминацией истории является явление Христа.

Ясперс отказывается принять явление Христа за «ось», полагая, что этот момент значим лишь для одних христиан. Реальная же ось мировой истории должна иметь значение для всего человечества, а значит отвечать на вопрос — существует ли в мировой истории такой момент, который мог бы быть принят за основу большинства культур, народов

обществ, мог бы продемонстрировать единство человечества и его истории.

Еще одной концепцией развития является теория А. Вебера, изложенная им в книгах: «Третий или четвертый человек», «Прощание с прежней историей» и др.

Согласно Веберу, к началу 1-го тысячелетия до н.э. сложились три большие культурные сферы и соответствовавшие им три религии:

1. Китайская – конфуцианство.
2. Индийская – буддизм.
3. Греко-переднеазиатская – греческая религия.

В Китае человек всегда ощущал себя частью космоса, который был полон богами и безличными силами, с которыми человек был тесно связан и вынужден считаться. Масса суеверий довлела над ним, ограничивая его инициативу и свободу.

В Индии древний буддизм рассматривал весь космос как окутанную причинной сетью действительность, освободиться от этой сети можно было лишь посредством определенного, опирающегося на йогу поведения и тогда только достичь возвышения в надкосмическое состояние, называемое нирваной.

Только в греческой религии человек был равен богам, мог вступать с ними в спор, она не ограничивала его инициативу и свободу. Отсюда гуманизм, свобода, представления о равенстве, переданные христианской религии и заложившие основы европейской цивилизации. Отсюда особый путь Европы, вырвавшейся в своем развитии вперед.

7.10. Гражданское общество и государство

В работе 1945 года «Открытое общество и его враги» лидер критического рационализма К. Поппер противопоставил **открытое и закрытое общества**. В закрытом обществе неизменны законы функционирования, тоталитарность, догматизм идей и примат общества над индивидом, когда члены общества обременены правилами, инструкциями, условностями и предрассудками, которые ограничивают их выбор и навязывают им образ жизни, строго установленный предписаниями. Он называет закрытое общество трайбалистским, подобным первобытному.

Общество является «открытым», когда ничего не препятствует индивидам в полной мере развивать свои способности и индивидуальность, а социальные институты организованы таким образом, что их можно изменять и совершенствовать в направлении, которое будет способствовать более полной и свободной жизни индивидов. Открытое общество ориентировано на рационально-

критическую установку, на целесообразное управление эволюционными процессами и институтами государства.

В качестве противовеса концепции открытого общества рассматривается историцизм. Историцизмом Поппер называет все социально-философские теории, основанные на вере в историческую необходимость, открытие тенденций и законов, с помощью которых возможно бы было предсказывать будущее, позволяющих прогнозировать исход определенных исторических событий, а также проследить их успешность. Поппер выделяет несколько видов историцизма:

- теистический, – творцом истории является Бог;
- натуралистический историцизм трактует законы развития в качестве законов природы;
- спиритуалистический, который трактует закон развития как закон духовного развития;
- экономический, – история идет по экономическим законам.

Он предлагает доктрину избранных как иллюстрацию историцизма. Для этой доктрины характерны коллективизм, наивысшее значение племени, без которого индивид ничего из себя не представляет, и удаленность во времени того, что предполагают в качестве конца истории. В частности, он рассматривает фашистскую философию, где рассматривается биологическое превосходство расы; и марксистскую историю философии, где в соответствии с экономическими законами, избранным является определенный класс. Расистскую или фашистскую философию истории и марксистскую Поппер считает двумя наиболее важными современными версиями историцизма.

Рассматривая проблемы цивилизованного общества, связанные с переходом от закрытого к открытому обществу, Карл Поппер предлагает совершенствование общественного переустройства путем ряда постепенных социальных преобразований, основанных на рациональном подходе. Под «социальной инженерией» он подразумевает планирование и конструирование **социальных институтов** с целью возможного регулирования предстоящего социального развития. Сторонник социальной инженерии верит, что человек – хозяин своей судьбы и что можно влиять на историю или изменять ее в соответствии с целями. Он не верит, что эти цели навязаны нам условиями или тенденциями истории, но полагает, что они выбираются или даже создаются нами самими, подобно тому, как мы создаем новые идеи, новые произведения искусства, новые дома или новую технику. Историцисты полагают, что возможность разумных политических действий зависит от степени понимания нами хода истории, основой политики полагается наука о неизменных

исторических тенденциях. Представляющие социальную инженерию, напротив, убеждены: научная основа политики состоит в сборе фактической информации, необходимой для построения или изменения общественных институтов в соответствии с целями, а социальная инженерия сообщает, какие шаги необходимы, чтобы избежать экономического спада, чтобы вызвать его, чтобы распределить общественное богатство равномерно и справедливо. **Поппер противопоставляет историцизм и социальную инженерию и главным в этом противопоставлении он видит в различии подходов к общественным институтам.** Социальная инженерия предполагает рациональное рассмотрение институтов, как средств обслуживающих определенные цели, с точки зрения их целесообразности, эффективности и простоты применения. Историцизм же наоборот, выясняет происхождение и предназначение социальных институтов, их роль в историческом развитии и рассматривает их существование как «требование бога», «веление судьбы», «историческую необходимость».

Таким образом, отвергнув историцизм, Поппер предлагает свою теорию социальной инженерии, которая является движущей силой открытого общества будущего: «Этот подход мне представляется методологически безупречным. Применяющий его политик может, как иметь, так и не иметь перед своим мысленным взором план общества, он может надеяться, а может и нет, что человечество однажды воплотит в жизнь идеальное общество, и достигнет на земле счастья и совершенства. Однако он будет сознавать, что если человечество и способно достичь совершенства, то это произойдет еще очень не скоро и каждое поколение людей, а значит, поколение наших современников стремится не столько к тому, чтобы его осчастливили – ведь не существует институциональных средств, позволяющих сделать человека счастливым, сколько к тому чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить».

К. Поппер предлагает кредо социального инженера: «Лучше работай над искоренением конкретных зол, чем над осуществлением абстрактных благ. Не ставь себе целью добиться счастья политическими средствами. Устраняй лучше конкретные недостатки. Или, говоря более практическим языком, борись за уничтожение нищеты прямыми средствами, например, путем обеспечения каждому минимального дохода. Или борись с эпидемиями и болезнями посредством постройки больниц и медицинских школ. Борись с неграмотностью, как борешься с преступностью. Но делай все это прямыми средствами. Выбери зло, которое ты считаешь наиболее опасным для общества, где ты живешь, и постарайся терпеливо убедить людей в том, что от него можно избавиться». Это дает простую формулу или рецепт, чтобы различить,

что можно считать приемлемыми планами социальных реформ и что – неприемлемыми утопическими проектами.

К. Поппер утверждает, что открытое общество возникает в тот момент, когда существующие социальные институты впервые сознательно признаются продуктами человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах пригодности для достижения человеческих целей и намерений. В этом обществе, по К. Попперу, индивиды принимают личные решения, здесь царствует рациональное и критическое отношение к социальной реальности.

Для К. Поппера открытое общество это общество, основанное на зрелом критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу, как индивидов, так и социальных групп, направленную на непрерывное реформирование общества; общество, где установлено либерально-демократическое правление:

а) данное правление либерально, поскольку признает и защищает через систему законов, неотъемлемое право человека на свободу;

б) оно демократично, поскольку существует с согласия подданных.

К. Поппером определены такие базовые ценности открытого общества, как индивидуализм, равенство в свободе, вера в разум – доминирующая идея открытого общества, идея правления закона.

7.11. Проблемы и перспективы современной цивилизации

Сторонники рационального мышления, ученые и социологи полагают, что грядущий век несет в себе противоречивые возможности как взлета, так и упадка. Ученые предполагают, что человечество вступает в многомерный мир и возникает новая неведомая модель мировой цивилизации. Теоретики «постпригожинской» формации толкуют о вхождении человечества в зону точек бифуркации, обозначившегося разлома, поворота истории в непредсказуемом направлении. Ввиду этого представляется правомерным вновь применить введенное К. Ясперсом понятие «осевого времени», но уже не к прошлому (между 800 и 200 г. до н.э.), а нынешним событиям, актуальным свершениям современников.

Действительно, привычный мир, насыщенный бурными событиями, на наших глазах стремительно трансформируется, преобразуется коренным образом. Мы смотрим в лицо новому историческому времени.

Сейчас уже ясно, что без «раздумий в масштабе человечества» нельзя продуктивно проанализировать ни одной локальной задачи на ином уровне: континента, страны, региона, города и т.д. Любые кризисы в экономике и политике, в преуспевающих или отстающих

странах, глубинные или поверхностные, есть проявление общего кризиса, сотрясающего человеческую цивилизацию. Политики и экономисты разных направлений все чаще приходят к выводу, что наступает кризис современной мировой цивилизации, охвативший природу, мировую экономику, политические отношения, культуру, и особенно самого человека.

Характеризуя глобальную ситуацию конца века, следует отметить, что человечество, будучи по своей сущности единым, вместе с тем представлено неисчерпаемым многообразием динамичных социокультурных форм. Высочайшие достижения общечеловеческого прогресса выражены в высокой технологии, эффективном промышленном и сельскохозяйственном производстве, разветвленной информационной сети, мире утонченного искусства. В то же время в ряде регионов земного шара сохраняются реликтовые, архаические образования, сотни и сотни миллионов людей не имеют возможности пользоваться благами цивилизации.

Первая угроза термоядерного пожара. Призрак судного дня, глобального уничтожения всех и вся все еще бродит по планете. Возможности возникновения всежигающего пламени и последующей ядерной зимы отнюдь не абстрактны, у них есть зримые черты. Люди Земли еще не перестали быть заложниками атомной мифологии и ядерных маньяков. Далеко не все еще осознали, почувствовали, что ядерная мощь не столько мускулы, сколько раковая опухоль.

Сейчас вроде бы уменьшилась опасность прямого военного столкновения ядерных сверхдержав, но при этом не исчезла, а даже увеличилась угроза слепой технологической случайности – чернобыльского варианта. Нельзя забывать, что на планете сейчас работает более 430 атомных электростанций, их количество увеличивается. Армения восстановила свою АЭС, Китай намерен построить 15 новых атомных станций.

К тому же идет расползание атомной технологии. Уже готовы к производству ядерного оружия Индия, Пакистан, ЮАР, Израиль и ряд других государств. Нарастает опасность попадания ядерного оружия в руки безответственных политических авантюристов и даже криминальных элементов.

Вторая угроза – надвигающаяся близость экологической катастрофы. Колыбель наша и обитель в опасности. История распорядилась так, что земная природа, наша экологическая ниша испытывает состояние нарастающей нестабильности. Отношение «Человек – Природа» по своей значимости начинает перекрывать наши экономические заботы, политические хлопоты и теоретические словопрения.

В чем же суть экологической угрозы? В том, что растущее давление антропогенных факторов на биосферу может привести к полному разрыву естественных циклов воспроизводства биологических ресурсов, самоочищения почвы, вод, атмосферы. Это порождает коллапс – резкое и стремительное ухудшение экологической обстановки, что может повлечь за собой скоротечную гибель населения планеты. О грядущих деструктивных процессах говорят уже достаточно давно. Приводилось и приводится множество зловещих фактов, цифр, оценок. Не говорят, а уже кричат об уменьшении количества кислорода в атмосфере, нарастании парникового эффекта, расползании озоновых дыр, безостановочном загрязнении природных вод. Подсчитано, что не менее 1 миллиарда 200 миллионов человек живут, испытывая острую нехватку питьевой воды. Биологи фиксируют, что ежедневно в результате деятельности человека мир теряет 150 видов животных и растений. Станислав Лем указал еще на одно печальное обстоятельство: в XXI в. вымрут практически все дикие животные. Интенсивное сельское хозяйство истощает почвы в 20-40 раз быстрее, чем они могут естественно восстановиться.

Третья угроза – опасность, нависшая над человеческой телесностью. Под дамокловым мечом находится не только внешняя природа, та экологическая ниша, в которой мы живём, но и наша внутренняя природа: наш организм, плоть, человеческая телесность. Как только не оценивали его в долгой человеческой истории, от древнекитайских философов – Даосов «данный нам природой чехол» и до отечественного поэта Осипа Мандельштама: «Дано мне тело. Что мне делать с ним, таким единым, и таким моим?» Да, мы духовны. У нас есть разум. И как уверяют теологи – дух вторая душа. И духовность возвышает человечество над всеми иными природными феноменами. Но все (или почти все размышляющие о человеке) повторяют, что личность человеческая есть телесно-духовное единство. С телом мы приходим в этот мир и оставляем наши бранные телесные остатки, покидая его.

Телесное здоровье всегда на одном из первых мест в системе человеческих ценностей. И тем тревожнее слышать нарастающие предупреждения биологов, генетиков, медиков о том, что мы стоим перед опасностью разрушения человечества как вида, деформации его телесных основ. Расшатывание генофонда, лихие шаги генной инженерии, открывающей не только новые горизонты, но и зловещие возможности: порождение «призрака Франкенштейна», выход из-под контроля «мутанных генов», могущих исказить эволюционные приспособления человека, массовое порождение искусственных ублюдков-мутантов. Не исключена возможность ломки основного

генетического кода в результате непродуманных вмешательств в его структуру. Нарастает генетическая отягощенность человеческих популяций. Повсеместно фиксируется резкое ослабление иммунного аппарата человека, под воздействием многочисленных социальных и личных стрессов.

Наконец, четвертая, не менее страшная угроза – кризис человеческой духовности. Практически все светские и религиозные, глобальные и региональные, древние и новые идеологии не могут сегодня даже сколько-нибудь доказательно ответить ни на актуальные проблемы эпохи, ни на вечные запросы духа.

Таковы угрозы. Они реальны. Их нельзя не видеть. Однако не стоит опускать руки, впадать в беспросветный пессимизм, отчаиваться и драматизировать все и вся. Есть угрозы, но есть и надежды. Пусть робкие, но все же надежды. Конечно, оптимизм не должен быть блаженным и беспочвенным. Нельзя уподобляться тем оптимистам, которые во время крупного землетрясения утешают: «Граждане, не волнуйтесь, все утрясется». Нобелевский лауреат, француз Альберт Камю стал известен как автор, писавший об абсурде и ужасе бытия, о том, что все мы подобны невольникам на галере, пропахшей селедкой, где слишком много надсмотрщиков и, возможно, мы гребем не в ту сторону. И все же не следует бросать весла.

Можно уверенно указать на определенные надежды, предпосылки преодоления глобальных кризисных коллизий, блокирования и отведения вселенской угрозы от человечества.

Первая предпосылка – развертывание информационной (компьютерной), биотехнологической революции как технико-технической основы возможного выхода из ситуации «выживания», преодоление преград к объединению человечества. Создание на ее основе некой Новой цивилизации пока еще только выявляется, и контуры такой цивилизации еще плохо различимы. Но налицо реальные тенденции к развертыванию более гуманизованного и благополучного мирового сообщества в обозримом будущем.

Вторая предпосылка – утверждение как доминирующего типа мирового хозяйства смешанной рыночной и социально защищенной экономики с элементами конвергентного типа. Эта форма экономических отношений будет способствовать увязке интересов разных хозяйственных субъектов, гармонизации связей, нахождению баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Третья предпосылка – становление принципа ненасилия и демократического согласия во внешней и внутренней политике, в групповых и межличностных отношениях. Как это ни прискорбно, но

агрессия, насилие были вечными спутниками истории. Войны, перевороты, кровь сопровождают все значимые события. Ф. Ницше, высокомерно именуя человека «супершимпанзе», полагал, что насилие – это органичный для людей способ взаимного общения. Зигмунд Фрейд считал агрессивность неустранимым моментом человеческого поведения. Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц прямо утверждал, что есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития.

Четвертая предпосылка – объединительные (ойкуменические) процессы духовной жизни, как в религиозном, так и в светском варианте. С немалыми издержками идет поиск того, что может сближать либеральную и социалистическую мысль, установки Ватикана и Православия, западный менталитет и восточный этикет.

Пятая предпосылка – это идущая неуклонно межэтническая и межкультурная интеграция при сохранении автономности и уникальности каждого этноса и каждой культуры. Все шире разворачивается универсализация культурной жизни на фоне сохранения самобытности всех участников данного процесса. Резко расширяются международные экономические и культурные контакты. Давно рухнул тезис о «непроницаемости» и полной замкнутости самодостаточных народов и их образа жизни. Ускоряется интенсивный обмен ценностями. Синтез и взаимовлияние довлеют над заскорузлой замкнутостью.

Шестая предпосылка (последняя по счету, но не по значимости) – намечающиеся прорывы в области интеллектуального поиска. Иногда говорят даже, что мы в преддверии интеллектуальной революции. Крупнейшие ученые современности говорят о том, что мы находимся перед лицом Новой Вселенной, новой Природы и сейчас человеческий интеллект как бы вновь переходит от состояния умственной удовлетворенности к состоянию озадаченности, удивления.

Завершая обозрение зримых надежд, скажем о необходимости конструирования глобальной этики, универсальных нравственных принципов, укрепляющих всечеловеческую солидарность. Мудрость и совесть выше прямолинейных истин рационального знания. Знание, не облагороженное вечными ценностями, не помноженное на идею блага, не утверждающее справедливость, может привести к всеобщей гибели. Без этики человеческой солидарности угрозы не смогут быть отведены, а надежды не смогут оправдаться. Таковы основания для выхода из глобального кризиса, в который мы погружены.

Вывод. Суть проблем, ставших перед современной цивилизацией необходимо искать как во внешних, так и во внутренних факторах, то есть в человеке, в его мировоззрении, ценностных установках.

В свое время К. Маркс провозгласил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹²⁵. Но перед лицом глобальных проблем человек должен измениться сам, изменить систему ценностей, задуматься над своим собственным выживанием.

8. ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ

Для характеристики современного мира в философско-социологической литературе используются такие определения как «научно-технический» и «информационный». Вместе с тем термин «технический» произведен от того или иного понимания «науки». Эти понятия сейчас заново переосмысливаются.

8.1. Развитие науки и человечество

В западноевропейской культуре наука является не просто одной из форм общественного сознания, наряду с религией, мифом, искусством, философией, но ядром культуры. Она есть «фактор всех факторов» современной цивилизации. Человечество обрело инструмент науки и поставило его на службу прогрессивному развитию общества в его овладении природой. И, несмотря на современные антисциентистские (*sciencia* – лат. «знание») движения и постмодернистские выпады против науки, вряд ли можно предположить, что человечество по собственной воле откажется от этого инструмента. Наука в западноевропейском мире (в отличие от восточной культуры) стала подобна сеансу массового гипноза. Вердикта «научно» или «ненаучно» зачастую оказывается вполне достаточно для того, чтобы решить судьбу какого-то проекта или какой-то концепции. В то же время нельзя не признать факт современного кризиса научности. Внешним проявлением его выступает рост интереса к мистицизму, оккультизму, магии, религии, теософии.

Наука – явление конкретно-историческое, проходящее в своем развитии ряд качественно своеобразных этапов. Вопрос о периодизации истории науки и ее критериях по сей день является дискуссионным и активно обсуждается в отечественной и зарубежной литературе. Один из подходов, который получает у нас все большее признание, разработан на

¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. Избранные произведения в 3-х тт. – М., 1970. – С. 3.

материале истории естествознания (В.С. Степин, В.В. Ильин и др.) и состоит в следующем.

Науке как таковой предшествует *преднаука* (доклассический этап), где зарождаются элементы (предпосылки) науки. Здесь имеются в виду зачатки знаний на Древнем Востоке, в Греции и Риме, а также в средние века, вплоть до Нового времени. Именно этот период чаще всего считают началом, исходным пунктом естествознания как систематического исследования природы.

Наука как целостный феномен возникает в Новое время вследствие отпочкования от философии и проходит в своем развитии три основных этапа: классический, неклассический, постнеклассический (современный). На каждом из этих этапов разрабатываются соответствующие идеалы, нормы и методы научного исследования, формируется определенный стиль мышления, своеобразный понятийный аппарат и т.п. Совокупность критериев научности определяет конкретную модель науки.

Классическая наука (XVII – XIX вв.)

Система критериев научности в классической науке может быть представлена следующим образом:

Во-первых, научность отождествляется с **объективностью**. Объективность понимается как нацеленность на объект, как объектность. Для науки – все объект, постигаемый через опыт.

Вторая особенность науки – **опытный** характер знания. Наблюдение, эксперимент, измерение – основные методы получения и подтверждения знания. В этой связи к научному эксперименту предъявляется требование воспроизводимости и повторяемости. Опыт в любое время и в любом месте может быть повторен и его результат не изменится. Научный результат не зависит от того, кто его получил.

Третий постулат классической модели науки, касающийся общезначимости, достоверности и универсальности научного знания, носит название **принципа интерсубъективности**. Согласно последнему, научное высказывание будет тем достоверней, чем меньше содержит субъективных привнесений. Классическая наука стремилась элиминировать (от лат. «eliminare» – изгонять), исключить субъект из контекста внутринаучных построений. Наука должна давать совершенно достоверное знание, окончательно обоснованное. Это требование связывают с **фундаментализмом** научного знания, его обозначают так же, как критерий **универсализма**.

Наконец, научное знание – это знание, нацеленное на поиск истины. Глубокая связь классической научности и истинности выражена бытовавшим утверждением: быть научным – значит быть

истинным. **Истина** – это лакмусовая бумага для проверки на научность. Никакое другое знание не оценивается на истинность: ни стихи, ни музыкальное произведение, ни религиозный трактат... Именно истинность научных знаний делает их универсальными и всеобщими, позволяет воплощать и применять в технике, в системах управления.

Таким образом, объективность, истинность, интерсубъективность, универсализм, воспроизводимость, достоверность и опытность знания – критерии научности, которые характеризуют классическую модель науки. Это своего рода идеальная модель, которой в реальной истории науки вряд ли соответствовало полностью какое-либо теоретическое построение. Однако эта модель задавала вполне четкие критерии, которым в идеале должно соответствовать научное знание.

Неклассическая наука (первая половина XX в.)

Формирование неклассической науки началось с исследования Фарадеем и Максвеллом явлений электричества и магнетизма, которые не допускали механического толкования. В классической физике взаимодействие вещества описывалось ньютоновской механикой, где основными понятиями были пространство, время, материя, сила. Новое состояние, способное порождать силу и не связанное с телом, было названо полем, ему соответствовала теория Максвелла, которая в значительной степени усилила математизацию физики. После Максвелла физическая реальность мыслилась в виде непрерывных полей, описываемых дифференциальными уравнениями в частных производных. Наглядность физического мира все более ограничивалась. Три века физика была механической и имела дело только с веществом, которое локализовано в пространстве и может быть однозначно определено в системе координат. Уравнения Максвелла описывают структуру электромагнитного поля. Ареной этих законов является все пространство, а не одни только точки, в которых находится вещество или заряды, как это имеет место для механических законов. Утратило смысл понятие «пустое пространство», при описании микромира и мегамира масса стала пониматься как одна из форм энергии, время – как не имеющее единого течения...

Разработка релятивистской и квантовой теории существенно изменили представления науки об объективности реальности и роли субъективного фактора в науке.

Общая теория относительности (ОТО) привела исследователей к выводу, что масса, считавшаяся неизменной характеристикой вещества, зависит от скорости движения тела, пространство может

искривляться вблизи гравитирующих масс, время замедляться... Классическая физика признает, что длина движущегося и покоящегося стержня одинакова. ОТО обнаружила ложность и такого утверждения. Проясняя для неспециалистов нетривиальные выводы ОТО, Фритьоф Капра замечает, что вопрос об истинной длине объекта не имеет смысла, как и вопрос об истинной длине вашей тени. Тень – это проекция точек, находящихся в трехмерном пространстве, на двухмерную плоскость, и ее длина зависит от угла проецирования. Точно также длина движущегося объекта – это проекция точек, находящихся в четырехмерном пространстве-времени, в трехмерное пространство, и его длина зависит от выбора системы координат.

Квантовая механика окончательно развеяла притязания на универсальное и точное описание объекта. В классической физике измеряемая величина определяется однозначно, в квантовой механике наше представление о событиях формируется только на основе статистических данных, здесь нет места для законов, но есть закономерности. На базе квантовой механики невозможно описать положение и скорость элементарной частицы или предсказать ее будущий путь. Одинаковые элементарные частицы в одинаковых условиях могут вести себя по-разному.

В экспериментах с атомными процессами мы имеем дело с вещами и фактами, которые столь же реальны, сколь реальны любые явления повседневной жизни. Но атомы или элементарные частицы реальны не в такой степени. Они образуют скорее мир тенденций или возможностей, чем мир вещей и фактов. Классически понимаемая объективная реальность элементарных частиц теряется в прозрачности математических выкладок. Частицы микромира непосредственно не наблюдаемы, но могут быть заданы математически. Это позволило математикам говорить о новом понимании реальности. Реальный мир есть не то, о чем говорят наши органы чувств с их ограниченным восприятием внешнего мира, а скорее то, что говорят нам созданные человеком математические теории.

В классической науке представления о физической реальности создавались на эмпирическом уровне, при помощи чувственного познания. Математический аппарат создавался уже на последующем этапе, после онтологического оформления наглядно представленной и описанной на обыденном языке реальности. Математический формализм надстраивался над уже готовой онтологической схемой. В квантовой механике формирование математического аппарата было закончено до того, как сформировались онтологическая схема и категориальный аппарат теории. Это создавало совершенно иную гносеологическую ситуацию.

В чем же основное отличие квантово-механической реальности от классической? Важнейшей установкой классической науки является объективизм, что означает, что картина мира должна быть картиной изучаемого объекта самого по себе, то есть объектной, не включающей средства изучения этого объекта. Квантово-механический способ описания с необходимостью включает в себя не только изучаемые объекты, но и приборы, используемые для их изучения, а также сам акт измерения. Н. Бор вводит принцип дополнительности для описания объектов микромира. Принцип дополнительности рассматривают как методологический, восполняющий ограниченные возможности языка при описании корпускулярно-волновой природы микромира. Но он имеет и физический смысл, будучи связанным с так называемым соотношением неопределенностей, сформулированным в 1927 г. Гейзенбергом. Согласно последнему, в квантовой механике не существует состояний, в которых и местоположение, и количество движения имели бы вполне определенное значение. Частица со строго определенным импульсом совершенно не локализована. И, наоборот, для точной локализации необходимы бесконечно большие импульсы, что физически невозможно.

Н. Бор подчеркивал, что введение условий познания во внутринаучный контекст вовсе не означало привнесение субъективизма в физику. Учитывая условия познания, проявляем не субъективный произвол, а напротив, добиваемся адекватного описания. Если классическое описание природы покоилось всецело на предпосылке, что рассматриваемое явление можно наблюдать, не оказывая на него заметного влияния, то в квантовой области ситуация иная. Всякое наблюдение атомных явлений включает такое взаимодействие последних со средствами наблюдения, которыми пренебречь нельзя. Это взаимодействие представляет собой неделимый, индивидуальный процесс, целостность которого воплощается в планковском кванте действия. Поскольку взаимодействие наблюдаемых микрообъектов и средств наблюдения имеет целостный характер, то, согласно логике Н. Бора, невозможно приписать самостоятельную реальность в обычном физическом смысле ни явлению, ни средствам наблюдения.

Несмотря на остающиеся до сих пор вопросы, познание в атомной физике явилось совершенно новым (гносеологически) опытом, который в методологии науки обозначили, неклассическим. Экспериментатор не только наблюдает свойства объекта, но и определяет, называет эти свойства, которые имеют смысл не сами по себе, а сообразно наблюдательной ситуации. То, с чем мы имеем дело при наблюдении, это не сама природа, но природа, доступная нашему методу задавать вопросы.

Квантовая механика задает новое понимание сложности, объединяющее дискретность и непрерывность, системность и структурность. Концепция кварков допускает, что пространственно они занимают больше места, чем образованные ими частицы. Частица в этом случае не «состоит из...», а «образована из...».

Итак, при исследовании микромира выяснилось, что адекватное знание можем получить не тогда, когда отвлекаемся от субъекта, от условий познания, но когда их учитываем. В. Гейзенберг отмечал, что то, как природа отвечает на вопросы, зависит от того, как мы их задаем. Естествознание не просто описывает и объясняет природу, оно является частью нашего взаимодействия с ней. В квантовой механике роль наблюдения возросла до решающего события. Было осознано, что наблюдение играет решающую роль в атомном событии и что реальность различается в зависимости от того, наблюдаем мы ее или нет... Квантовая механика уже не допускает **вполне объективного** описания природы. Влияние человека (как наблюдателя) на этом уровне природы не устранимо. Согласно этим представлениям, классический идеал описания природы оказался весьма ограниченным. Классическая физика объясняет движение тел, параметры которых, включая массу, скорость и др., находятся в весьма узком диапазоне величин. Неклассическая наука отказалась от основных постулатов позитивистской научности – фундаментализма, универсализма, интерсубъективности, кумулятивизма. Центральным аспектом науки стали не объекты, а отношения. В познании квантово-механической реальности складывается ситуация образования проектов реальности. Уже не имеет смысла говорить о реальности самой по себе. Реальность как бы расщепляется на потенциальную и актуальную. Актуальная (наличная) реализована в акте наблюдения. Потенциальная нами непосредственно не воспринимается, но от этого не менее реальна.

Постнеклассическая наука (вторая половина XX в.)

Во второй половине XX века в науке произошли изменения, позволившие говорить о новом, постнеклассическом этапе ее развития. Современный постнеклассический этап развития науки сопряжен с поисками пересечения субъективного и объективного в знании. Постнеклассическая наука учитывает соотношенность характера получаемых знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности.

Конкретизируем черты постнеклассической науки. Объектом постнеклассической науки являются саморазвивающиеся сложные системы, природные комплексы, включающие человека. Основная

особенность таких объектов обозначается термином «человекосоразмерность». В познании такого рода объектов позиции внешнего наблюдателя не существует, т.е. снимается субъектно-объектный дуализм, уходит со сцены науки «абсолютный наблюдатель».

Наступает эпоха диалога. Когда мы смотрим на мир как на скопление предметов и орудий, необходимых нам, когда описываем мир как пространственно-временную структуру, мы подчиняемся установке «Я–Оно» и используем соответствующий язык. Диалогическое отношение – иное. В этом случае мы обращаемся к предметам как к «Ты» – личности, другу, близкому. Мир, который ощущается в этом отношении, суть та же самая реальность, которая присутствует в отношении «Я – Оно», только воспринимается она иначе.

Характерной чертой постнеклассической стадии развития науки является универсальный (глобальный) эволюционизм, соединяющий идеи эволюции с идеями системного подхода и распространяющий развитие на все сферы бытия, устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей. Определяющее значение в утверждении принципа универсального эволюционизма сыграли три важнейших концептуальных направления в науке XX в.: теория нестационарной Вселенной, синергетика, теория биологической эволюции и развитая на ее основе концепция биосферы и ноосферы.

Исходными постулатами эволюционной эпистемологии являются следующие: имеется реальный мир, который эволюционирует, порождает жизнь, человека, разум; познавательные способности человека следует рассматривать в их приспособлении к миру, предзнание приобретено и проверено в ходе длительной эволюции человека. Познание трактуется не как пассивное отражение мира (субъект копирует объект), и не как проективно-конструктивная деятельность (субъект – общество, объект – фрагмент действительности, вступившей во взаимодействие с субъектом), а как духовная обработка (структурирование) воспринимаемого содержания. Восприятие основано на синтезе чувственных ощущений. Это сложный процесс, обусловленный физически и психологически. Допущение о приспособленности донаучных форм познания к тому миру, в котором они развивались, приводит сторонников эволюционной теории познания к концепции окружающего мира.

Окружающий мир – это реальный мир в данности, в восприятии. Так, окружающий мир человека – это, прежде всего, видимый мир. В то время как окружающий мир собаки будет складываться из запахов.

Познавательная ситуация второй половины XX в. характеризуется стиранием грани между естественнонаучным и гуманитарным знанием.

Наряду с сохраняющейся дисциплинарной организацией знания, идет активное формирование междисциплинарного знания, в котором науки объединяются в процессе решения конкретной проблемы. Гуманизация знания, фиксируемая в новой науке, не означает отказ от объективности, природа как бы проговаривает себя через человека.

Если обобщить черты постнеклассической науки, то можно сказать, что постнеклассическая наука характеризуется экологизацией мышления, разрушением мифа о всемогуществе науки, иным способом объяснения мира, где истина конструируется, а не предстает как слепок объекта. Происходит переход от статического, структурно ориентированного мышления к мышлению динамическому, ориентированному на процесс.

Таким образом, современная наука переживает период становления нового идеала научности. А изменяется ли роль науки в мире, как она участвует в решении цивилизационных проблем, в «выделывании человека»?

Характерной особенностью современной эпохи является интенсивное развитие науки, возрастание ее вклада в социальный прогресс, последовательность и планомерность применения результатов научного прогресса в обществе. Наука играет роль основы, инструмента и метода управления и прогнозирования общественного развития. Человечество создало техногенную цивилизацию, характеризующуюся высоким уровнем развития производительных сил, сложной и динамичной системой общественного управления, неограниченными возможностями развития сущностных сил личности.

Техногенный тип цивилизации характеризуется процессом функциональной перестройки науки, связанной с превращением ее в непосредственную производительную силу развитого общественного производства. Это сопряжено с совершающимися техническими и научно-техническими революциями, происходящими в обществе, с качественными преобразованиями «неорганического тела человек» – предметной среды, созданной им, с формированием динамичных социальных связей. Основополагающая роль в развитии этого типа цивилизации принадлежит науке.

Разум вывел человека из объектных отношений, разум создал собственно человека и культуру как среду его обитания. Вместе с тем возникла ситуация, когда неограниченные возможности науки, создавшие её культ, пришли в противоречие с проблемами, порожденными самой наукой. Наука создала возможности, используемые против человека, чем вывела человечество на грань экологической катастрофы. Наука, став душой и смыслом человеческой культуры, не смогла разрешить глобальные проблемы (сохранения среды обитания, ядерного

разоружения, демографическую проблему и в целом — проблему выживания). Кажется, вера в разум терпит крушение, и, характеризуя жизнедеятельность общества, мы всё чаще обращаемся к термину «дегуманизация».

Наука выступает в качестве существенного фактора цивилизации, однако, выполнив свою прогрессивную миссию, наука дегуманизирует то, к чему обращена. Наука своими достижениями многое обещает, и ими же реально угрожает человеку. Так, совершающаяся компьютерная революция меняет формы и характер интеллектуальной деятельности, меняет психологию человека. Человек освобождается от рутинных процедур, они передаются машине, но дополнительные резервы времени используются для продуцирования творений интуиции неэффективно. Для их появления нужен инкубационный период, который, возможно, совпадает во времени с выполнением этих рутинных, механических процедур.

Наука оказалась в кризисе. Ее гносеологический потенциал оказался недостаточными для того, чтобы исключить возможность кризисной ситуации. Положение можно изменить, придав научному прогрессу гуманистический облик, сформировав гуманистическое измерение науке, гармонизированное со сферой социальных ценностей, сделав гуманистические ориентиры определяющими в эволюции науки как сферы познания.

Сегодня проблема синтеза «человек – наука – гуманизм» звучит принципиально ново. Традиционная концепция строится на толковании гуманизма как ценностных отношений, ориентированных на человека. В то время как антропоцентризм делает человека центром и непревзойденной целью мироздания (Сократ, Тейяр де Шарден), гуманистическая традиция исходит из признания ценности человека как личности, признания человеческого блага критерием оценки всех социальных структур и признания человека высшей целью.

Формирующаяся сегодня концепция гуманизма, в отличие от традиционной, ориентирована на тезис о том, что мир для человека выступает как самоценность, а значит и самоценность научного знания определяется не его конкретно-временной полезностью (что диктуется «принципом потребления»), но тем, что научное знание – это душа человеческой культуры, душа всей истории научной и духовной цивилизации, а, следовательно, также самоценно. Самоценно все то, что есть. Являясь самоценностью, существующее превращается в ценность для человека, и утрата связи науки и человека, отчуждение знания от того, кто его производит, будут преодолены, но лишь через гуманистический подход к науке.

Как должна решаться в этом случае проблема новой научности? Человек, желающий строить гуманное общество на научной основе, должен ввести в критерии научности человеческий фактор. Тогда рекомендации науки будут ограничены рамками допустимого для человека. Методологически это означает приоритетное положение гуманистических критериев по отношению к прочим критериям научности.

Задача преодоления дегуманизации современной науки ставит вопрос о формировании новой, гуманистической модели науки, которая призвана исключить «человеческий разрыв». В науке и культуре в целом совершаются дивергентные процессы. Однако одновременно мы чувствуем нарастание конвергентных процессов, что позволяет надеяться на то, что научный прогресс реализуется в единой культуре человечества, а это явится условием нового синтеза человека, науки и гуманизма, разума и гуманности.

8.2. Отношение «человек-техника» в современном мире

Если наука – древний объект философской рефлексии, то **техника** стала предметом профессионального философского анализа сравнительно недавно. В древнегреческой философии словом «техне» обозначали мастерство, искусство, понимаемое как умение нечто сформировать, создать из естественного материала. Язык античной эпохи зафиксировал то обстоятельство, что вечным спутником собственно человеческой жизни является наличие тех предметов и тех процедур, которые позволяют преобразовывать «природное» («физис») в «человеческое». Человек – это производящее существо, создающее собственную предметную среду, позволяющую реализовать его потребности и достигать ту или иную цель.

По-разному трактовалась техника в истории мысли. Немало и определений этого понятия. Однако все они варьируют то фундаментальное свойство техники, которое можно было бы назвать принципом преобразования. Иными словами, **техника** есть то, при помощи чего человек преобразует природу, самого себя, общество.

В конструировании, реконструировании предметной реальности ее культурное призвание, основная социальная функция. При более конкретном видении техника представляется орудийно, предметно или же алгоритмично-технологично. Чем человек воздействует на объекты, изменяя их – это техника. И как именно он воздействует – это тоже техника, но уже обнаруживающая себя как **технология**.

История техники – это объективная предпосылка человеческой деятельности. Конечно, каменная индустрия первобытности, ремесленное мастерство многих тысячелетий и современное

высокотехнологичное производство – разные полосы в бытии техники и ее роли в человеческой жизни.

Есть несколько концепций исторического развития техники. В классическо-марксистском видении ее история выражена цепочкой последовательных ступеней: ручные орудия, ремесленно-мануфактурный период, машинная техника, автоматизированные системы. Изменения в этой истории обусловлены переносом на техническое устройство тех функций, которые ранее осуществлялись самим действующим человеком. «Естественное» заменяется «искусственным», созданным, расширяя тем самым возможности освоения человеком внешнего мира и глубин собственной жизнедеятельности. Меняется тип связи между человеком и техническими рабочими органами.

Современный мир – это «технизированное» пространство и «технологизированное» время. Исчезни сегодня техника – исчезнет и человек. Мы живем и действуем не в первозданном мире природы, а в «техносфере».

Привлекательны и актуальны идеи **о периодизации развития техники**, предложенные отечественным исследователем Г.Ф. Сунягиным. По его исторической типологии этапы изменения техники заданы определенным типом труда. Древнейшая техника с ее «разрушительным» характером (в рамках охоты и собирательства) отражает «присваивающий» способ отношения к природе. Земледельческая практика, утвердившаяся в ходе неолитической революции, выявила моменты конструктивности, собственно технические черты. Однако наиболее полно качественные грани в истории техники обнаружились с появлением машинного производства. По его мнению, выразительную роль в воссоздании «технизированного» воззрения на мир сыграли такие технические новшества позднего европейского средневековья, как часы, стекло и книгопечатание.

Часы позволили выйти из природных циклов, из органического времени. Они дали возможность человеку «сгустить» время, подчинить его ритмам собственной деятельности, позволили осознать его необратимость. С тех пор время стало «богатством», а его нехватка – «бедствием». «Не хватает времени» – эта жалоба слышна повсюду и поныне.

Стекло привело к осознанию однородности пространства. Произошла его «десакрализация», снятие с него покрывала «священности». Возникли предпосылки для утверждения обычного зрительного опыта как основы видения реальности, помимо символических ассоциаций.

Печатный станок изменил всю систему коммуникации, унифицировал знаково обозначенную реальность, положил начало тому, что в нашем столетии назвали «галактикой Гуттенберга».

Приведенная типология интересна в том отношении, что она показывает технические новшества как факты, способствующие масштабным изменениям в человеческой ментальности и всей системе общественных отношений от экономики до высших идеологий. Любая периодизация технической истории, конечно, не исчерпывается приведенным примером.

Отношение человека к миру техники неоднозначно. Так, до наших дней дошли идеи недоверия, враждебности к технике **технофобии**. В древнем Китае были старцы-мудрецы, предпочитавшие носить воду из реки в бадейке, а не пользоваться техническим приспособлением – колесом для водочерпания. Они мотивировали свои действия тем, что, используя технику, попадаешь от нее в зависимость, утрачиваешь свободу действий. Дескать, техника, конечно, облегчает жизнь и делает ее комфортнее, но плата за это непомерна – человеческое «я» порабощается.

История знала и луддитов, разрушителей станков, появившихся в конце XVIII – начале XIX вв., и современных неолуддитов, обвиняющих бездушную машинерию наших дней, превращающую каждого в безмолвную деталь социального механизма, целиком зависящую от производительной и бытовой техники, не могущей жить вне и помимо нее.

Мыслители разных направлений не раз высказывали и продолжают высказывать опасение о возможном выходе техники из-под контроля людей. От Аристотеля до Мохандаса Карамчанда Ганди подобных опасений высказано немало. Еще в 30-е гг. нашего века Освальд Шпенглер в книге «Человек и техника» утверждал, что человек, властелин мира, сам стал рабом машин. Техника вовлекает всех нас, помимо нашего желания, в свой бег, подчиняет собственному ритму. И в этой бешеной гонке человек, считающий себя властелином, будет загнан насмерть. «Бунт машин» – расхожая тема в современной массовой культуре.

Когда-то в 1846 г. английская писательница Мэри Шелли создала образ Франкенштейна, искусственного чудовища, восставшего против создавших его людей. С тех пор этот неомифологический образ не покидает страниц печати, кинолент и экранов телевизоров. Он стал нарицательным для подогрева технофобии во всех ее формах.

Механизация и моторизация проникают в нашу жизнь, делают подчас человека своеобразным гибридом организма и технического устройства. Стоит, например, оценить воздействие современных транспортных систем.

По данным известной книги рекордов Гиннеса в 1991 г. в мире было произведено 46,5 млн. автомобилей, в том числе почти 35 млн. легковых моделей. Это обстоятельство накладывает специфический рисунок на повседневный ход жизни, психологию людей. Автомобиль во многих странах – показатель уровня престижности, возжеленная цель, символ успеха. Автомобильная промышленность и транспортная система становятся одним из основных потребителей нефтяных ресурсов, цветных и черных металлов, занимая главенствующее положение в индустриальной системе. Их интересы во многом формируют внутреннюю и международную политику, финансовые отношения, быт и нравы. Предполагается, что к концу нашего столетия по дорогам планеты будет курсировать до 300 млн. собственных автомобилей, т.е. по одному на каждые пять человек, находящихся в продуктивном возрасте.

Вторжение техники во все сферы человеческого бытия – от глобальных до сугубо интимных – иной раз порождает безудержную апологию техники, своеобразную идеологию и психологию техницизма. Трубадуры подобных идей с восторгом переносят на человечество и личность характеристики, присущие машинам и механизмам. Старый тезис материалистов XVIII в. «человек есть машина» облекается в электронно-кибернетическую, компьютеризированную терминологию. Широко пропагандируется идея о том, что человек и человечество так же, как и механизмы обладают системным свойством, могут быть промерены техническими параметрами и представлены в технологических показателях.

К чему приводит одностороннее «технизированное» рассмотрение человеческих проблем, можно судить по той релятивистской концепции отношения к телесно-природной структуре человека, которая выражена в концепции киборгизации. Согласно этой концепции, в будущем человек должен будет отказаться от своего тела. Современных людей сменяют «киборги» (кибернетические организмы), где живое плюс техническое дадут какой-то новый сплав. Такое упоение техническими перспективами опасно и антигуманно. Без тела нет человека. Разумеется, включение в человеческую телесность искусственных органов (различных протезов, кардиостимуляторов и т. д.) – вещь разумная и необходимая. Но и она не может переходить тот рубеж, за которым конкретная личность перестает быть сама собой. Телесная организация человека, вышедшая не чересчур совершенной из горнила эволюции, тем не менее, не может быть радикально вытеснена никакими техническими приспособлениями. Современная фантастика буквально переполнена проигрыванием подобных ситуаций и показом их разрушительности для бытия людей.

Для техницизма характерно стремление любые проблемы (мировоззренческие, нравственные, политические, педагогические и т.п.) разрешать по образцу алгоритмов технического знания, о чем красноречиво свидетельствует выражение «это только дело техники».

Технический и технологический фетишизм в наши дни отнюдь не редкость. Им сильно заражена техническая интеллигенция, он проникает в сферу хозяйственной и политической элиты. Техницизм, связанный с абсолютизацией техники, утверждает ее автономность и самодостаточность, полагает, что можно решить любые социальные коллизии, минуя человека как активного субъекта истории, пренебрегая характером наличных общественных отношений.

Техника демонична, мир – это «мегамашина» – таковы исходные тезисы техницизма как образа мыслей, согласия с самоподчинением технике.

Нам должна быть чужда технологическая мифология, стремление все и вся «машинизировать». Человек и человечество – это не машина, не техническая система. Не человечество технично, а техника человечна. Она воплощает и выражает в себе то, что извлечено человечеством из мира, то, что утверждает в мире его собственную мощь и разум.

Конечно, утверждение на планете техносферы, возникновение «окультуренной» природы, несущей на себе печать ума и воли людей, не могут не порождать новых острых проблем. Сейчас уже становится ясным, что приспособление человека к той среде, которую он приспособил к своему образу жизнедеятельности, весьма непростой процесс. Стремительное развитие техносферы опережает эволюционно сложившиеся приспособительные, адаптивные возможности человека. Затруднения в состыковании психофизиологических потенций человека с требованиями современной техники и технологии зафиксированы повсеместно, теоретически и практически. Забывать этого нельзя.

Развитие техники, как отмечалось в мировой философии (Ж. Эллюль) подчас порождает ситуацию абсурда. Так, например, стремительное распространение коммуникационных технических сетей (телефон, радиотелефон, компьютерные сети) опережает возможность их значимого и ответственного наполнения. Могучие технические средства распространяют банальности, забиваются мелочной, пустой, бессодержательной информацией. Многие технические инновации (изобретения, конструкторские разработки) подчас опережают свое время, оказываются экономически невыгодными. Массовое количество технических приспособлений, их внедрение в производство и быт опережают интеллектуальный (и особенно нравственный) уровень массового сознания. Возникает необходимость включения в технические системы ограничителей, обеспечивающих безопасность, того, что

англичане называют «фул пруф» (защита от дурака). Забитость техникой всего потока жизни умножает катастрофы, аварии, трагические происшествия.

И все же технический прогресс при всей его жесткости неостановим. И если где-либо можно говорить о видимом действительном прогрессе (восхождении от простого к сложному, от низшего к высшему), то это в области роста и развития техники.

8.3. Информационная революция и человек

В последние десятилетия началась кардинальная революция, принципиально изменяющая отношение мира человека и мира природы. Она еще не получила общепринятого названия. Это и понятно – она еще более в истоках, чем в развороте. Ее расцвет еще впереди.

В разных теоретических системах она именуется неодинаково. В марксистской терминологии это «научно-техническая революция», по цивилизационной типологии О. Тоффлера, «социо-техническая революция». Чаще всего ее называют информационно-компьютерной или информационно-экологической. Ее собственным внутренним стержнем выступает создание и развертывание электронно-компьютерной и биотехнологической технологий. Ее результатом в самом широком смысле может стать новая цивилизация, «постиндустриальная», «информационная», «информационно-экологическая».

Общество, контуры которого только-только проявляются, будет характеризоваться тем новым и совершенно особым местом, которое будут занимать в нем информация и знания. Уже сегодня в наиболее развитых странах основные области промышленного и сельскохозяйственного производства, связь и коммуникации, быт и развлечения, образование и духовная жизнь прочно опираются на достижения фундаментальных наук, становясь все более и более наукоемкими. Поиск, создание, возрастание и хранение, смысловая трансформация, тиражирование и распространение знаний занимает все большее место в деятельности людей. Информация становится ценным продуктом и основным товаром.

Эти положения побуждают к тому, чтобы пристальнее взглянуть в само понятие «информация». Еще недавно, так сказать, в докибернетическую пору информация понималась попросту как передача сообщения. В последние десятилетия на волне кибернетического бума это понятие переосмысливалось и углублялось. Сегодня оно трактуется как некоторая субстанция, которая питает как исследователей, вчитывающихся в непознанное, так и тех, кто стоит у руля процессов управления производством и социальной жизни.

Возникли философские концепции, в которых информация ставилась в один ряд с протяженностью и движением. Информационность трактуется в них как свойство всего Универсума и каждой его составляющей. Во многих случаях у разных авторов информация понимается как отраженное разнообразие, устранение неопределенности, отрицание энтропии, передача многообразия, мера сложности структур, вероятность выбора и т. д. При всем этом логически строгого общепринятого определения информации пока нет.

И на бытовом уровне уже ходят присказки типа «информация – мать эрудиции». Понимание того, что информация есть некоторый содержательный сгусток любого знания, его внутренняя доминанта, глубинный стержень становится широко распространенным. Полагая возможность развития общества как «информационного», мы тем самым утверждаем, что центр тяжести в «техносфере» и вообще во всей искусственной среде человеческого бытия перемещается с «энергетических» и «вещественных» моментов на «информационные».

Как мы уже говорили, одной из базовых составляющих культуры является техника. На Земле нет, кроме человека, ни одного существа, которое нуждалось бы в энергии, не могущей быть освоенной натурально, физиологически. Недаром возник миф о Прометее, похитившем огонь у богов. От первого костра кроманьонцев до современных гидростанций и атомных реакторов таков путь расширения энергетической основы технического прогресса. Последовательно сменяют друг друга как основы технических конструкций: дерево, медь, бронза, железо, сталь, сплавы, композиты разных модификаций. И их роль не исчезла.

Однако главным и основным стало сейчас решение проблемы: как именно соединить энергию и материал, сконцентрировать, отстроить, собрать много в единое. А для этого и надо опираться на информацию, прежде всего сущностную, т.е. научную. Техника и технология наших дней весьма наукоемки.

Высокие технологии конца века (электроника, информатика, космическое производство, биотехнологии и т.п.) выводят производство на новый уровень, принципиально отличный от предшествующей истории. В их лице мир вглядывается в свое обозримое будущее. Действительно, создание этих технологий вполне можно охарактеризовать как революцию, т.е. радикальное качественное преобразование в основах производительной деятельности, в отношении Человечества и Природы.

Весь мир производства там, где он вступил в фазу революционных изменений, разительно меняет свой облик. Меняется соотношение производства благ и сферы услуг в пользу последней. Снижается

весомость тяжелой промышленности, идет ее разукрупнение, диверсификация (умножение многообразия). Жесткие вертикальные моноструктуры заменяются более мягкими, территориально рассеянными производственными сетями. Интеллектуальная деятельность подвергается всесторонней «технологизации». Компьютерная технология расширяет возможности мыслительных актов, разоружает память, создает предпосылки для творческих взлетов.

В этой ситуации резко возрастает необходимость создания «республики ученых», т.е. того сообщества, которое занималось бы непрерывной атакой неизведанного, умножала бы «умственную силу» рода людей. Высоко значимым становится массовое образование, построенное на основе фундаментальных свершений науки. Страна, где пренебрегают сферой образования и поворачиваются спиной к науке, обречена на гниение. Дальновидные экономисты давно осознали значимость «человеческого капитала». А это значит, что наиболее впечатляющий результат, высочайшую эффективность дают «вложения» в человека. Будущее экономики, экологии вообще человеческой жизни зависит, прежде всего, от того, каков интеллектуальный багаж людей и каков их духовный, нравственный облик.

Информационно-компьютерная революция подготавливает базу для глубоких социальных изменений. Они охватят все этажи общественной целостности – социальное устройство, хозяйственную жизнь и труд, области политики и образования. Традиционные представления о социальных структурах, характерные для XIX в. или первой половины XX в., по всей вероятности, уйдут в прошлое. Уже происходят процессы, ведущие к тому, что в промышленном производстве остается все меньше «синих воротничков» (рабочих). Зато все больше становится «белых воротничков» (специалистов) и «стальных воротничков» (роботов). Возникает новый слой работников с высокой интеллектуальной квалификацией. А. Тоффлер называет его «когнетариат».

Информационная технология стремительно развивается. Так, в 1971 г. первый в мире микропроцессор («Кремниевый чип») содержал 2300 транзисторов и позволял выполнять 60 тыс. операций в секунду. В 1993 г. компьютер пятого поколения содержал уже 3 млн. 300 тыс. транзисторов и выполнял 166 млн. команд в секунду. Знатоки и эксперты полагают, что к концу столетия появятся компьютеры шестого и седьмого поколения, которые будут содержать в каждом процессоре 80-100 млн. транзисторов и выполнять до 2 млрд. команд в секунду.

Существенно изменится и духовно-культурная сфера общества. Информационная технология станет мощным генератором и резким усилителем культурных сдвигов и инновации. Она вызовет противоречие и неоднозначные процессы. Электронные средства индивидуального

пользования позволят любому человеку получать необходимую информацию. И это изменит характер массовой культуры, системы образования, расширит кругозор каждого отдельного человека. Два противоположных процесса в культуре: массивфикация и демассивфикация, взаимопереплетаясь, вызовут немало непредсказуемых коллизий и неожиданных возможностей. В целом они выведут культуру на иной качественный уровень.

Информационная революция не может не затронуть сферу политических отношений. С одной стороны, последствия ее отрадны: расширение возможностей непосредственного участия каждого в принятии демократических решений, упрочение демократической индивидуальной свободы. Но вместе с тем возникает опасность всеохватывающего контроля правящих структур над людьми, вплоть до манипулирования ими. Преодоление этого противоречия возможно лишь на путях недопущения любых форм тоталитаризма и защиты достоинства и свободы каждого человека.

И, наконец, информационная революция окажет серьезное воздействие на самого человека, его образ жизни, род занятий, самочувствие. Разумеется, многое зависит от того, в каком социальном контексте будет протекать информатизация человеческой жизни, как она будет связана с демократизацией социальности, гуманизацией духовной атмосферы. Тем не менее, можно предположить, что формирование банков знаний, доступных для всех, становление информационной эпистемологии окажут воздействие на характер интеллектуальной деятельности.

В мир вместе с компьютеризацией входит новый вид реальности – «виртуальная реальность», искусственная псевдосреда, с которой можно общаться как с подлинной. Эта новая технологическая среда окажет мощное (и пока что совершенно непредсказуемое) воздействие на человеческую психику. Сегодня эта перспектива обнаруживается в частности в феномене маньяков компьютерных игр и экстатической погруженности в «виртуальную реальность».

Диалог микропроцессорной системы и человека, превратившись в постоянный и необходимый момент жизненного пути, во многом существенно преобразует процесс обучения, профессиональный труд, досуг, лечение. Высокий уровень информированности, попросту несравнимый с современным, пробуждение творческого потенциала, невиданные способы общения людей – все это породит иной тип человеческой личности.

Характеризуя грядущее общество как информационное, возникающее на основе компьютерной технологии, видимо, следует сделать одно важное дополнение. Как отмечалось отечественными

исследователями (например, А.Д. Урсул), это общество должно быть не только информационным, но и экологическим. Выдвижение в постиндустриальном обществе на первый план информационных проблем еще не решает всех коллизий в отношении «общество-природа». Назревающий глобальный экокризис повелительно требует поворота общества в сторону коэволюционных задач, т.е. достижения оптимальных отношений человечества и его природно-экологической среды. Производство не может не стать экологизированным. Иначе мы захлебнемся в его отбросах, погубим естественные условия нашего обитания.

Как это ни печально, но вещественные и энергетические ресурсы иссякают. Уже есть обоснованные расчеты, насколько сможет хватить в обозримом будущем невозобновляемых ресурсов (уголь, нефть, газ и т. д.). Но есть один ресурс, который стремительно возрастает – интеллектуальный, информационный и, прежде всего, ресурс научно-технического знания, образованности, информированности людей. Опираясь, главным образом, на этот ресурс, включая и духовно-нравственное богатство, человечество в состоянии преодолеть назревающую глобальную нестабильность и выйти к новым горизонтам истории.

Завершая главу о человеке в информационно-техническом мире, поставим вопросы: есть ли будущее у научно-технического прогресса? Во всех ли отношениях его можно рассматривать как прогресс? Дело в том, что, создавая «техносферу», человечество теснит природу, антропогенное воздействие на биосферу Земли становится губительным, прерываются естественные циклы возобновления природных ресурсов. Плата за удобства, комфорт, высокие урожаи и дома с горячим водоснабжением оказывается непомерно высокой. Видимо, не по всем параметрам и не во всех отношениях научно-технический прогресс есть благо. Многие в нем пугающе быстро оборачивается злом. Перед человечеством возникли глобальные проблемы, выросли проблемы выживания рода людей.

СОДЕРЖАНИЕ

1. МЕСТО И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В КУЛЬТУРЕ (О.В. Ботьева)	3
1.1. Возникновение и развитие культуры	3
1.2. Возникновение философии. Проблема бытия	18
2. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ (М.А. Макиенко)	65
2.1. Специфика философского знания	65
2.2. Проблема начала философии	70
2.3. Предмет философии	72
3. НАУЧНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА (Р.А. Мигуренко, О.В. Ботьева)	84
3.1. Научная картина мира (Р.А. Мигуренко, О.В. Ботьева)	84
3.2. Смена научных картин мира. Место человека в научной картине мира (Р.А.Мигуренко, О.В.Ботьева)	132
3.3. Бытие как основная категория философской картины мира (Р.А. Мигуренко)	136
4. СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ (И.В. Брылина, Р.Б. Квеско)	141
4.1. Философская антропология	141
4.2. Понятие личности	155
4.3. Аксиология	164
5. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ (Ю.С.Плотников)	173
5.1. Сильная и слабая гносеологические версии науки	174
5.2. Формы познания	178
5.2. Субъект и объект познания	184
5.3. Предмет и метод познания	187
5.4. Истина и заблуждение. Правда и ложь	192
6. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ (Г.К. Гульбин)	195
6.1. Понятие культуры	195
6.2. Общество. Человек. Культура	197
6.3. Человек как творец и творение культуры	200
6.4. Типы культуры	202
7. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (Е.В. Рубанова, В.Н. Фадеева)	205
7.1. Становление философии истории	205
7.2. Духовно-политическая история Г.В.Ф. Гегеля	211
7.3. Исторический материализм К. Маркса	213
7.4. История как технологическая модернизация	221
7.5. Концепция циклического развития, культурологический подход О. Шпенглера	223

7.6. Историческая концепция А. Тойнби	227
7.7. Циклизм истории, вызываемый внутренними обществу факторами	235
7.8. Человек и исторический процесс	240
7.9. Концепции исторического развития К. Ясперса	245
7.10. Гражданское общество и государство	247
7.11. Проблемы и перспективы современной цивилизации	250
8. ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ (А.А. Корниенко, Н.И. Макаренко)	255
8.1. Развитие науки и человечество	255
8.2. Отношение «человек–техника» в современном мире	264
8.3. Информационная революция и человек	269

**Алла Александровна Корниенко
Раиса Брониславовна Квеско
Марина Алексеевна Макиенко
Ольга Владиленовна Ботьева
Ирина Владимировна Брылина
Геннадий Константинович Гульбин
Наталья Ивановна Макаренко
Раиса Афанасьевна Мигуренко
Елена Витальевна Рубанова
Юрий Семенович Плотников
Вера Николаевна Фадеева**

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Научный редактор доктор филос. наук В.Г. Рубанов

Редакторы: Р.Д. Игнатова
Н.Я. Горбунова

Подписано к печати .
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Плоская печать. Усл. печ. л. _____. Уч.-изд.л. _____.
Тираж ___ экз. Заказ № ____ Цена: Свободная.
Типография ТПУ. 634034, Томск, Ленина, 30.